

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Петрунёва Анна Николаевна

**МЕСТО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ
В МЕХАНИЗМЕ ТРЕТЕЙСКОЙ ЗАЩИТЫ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор
Исаенкова Оксана Владимировна

Саратов – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. МЕХАНИЗМ ТРЕТЕЙСКОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	18
1.1. Сущность и формы реализации механизма судебной защиты гражданских прав.....	18
1.2. Третьейская защита в механизме судебной защиты гражданских прав.....	36
ГЛАВА 2. РЕШЕНИЕ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ИСПОЛНИМОСТЬ И ИСПОЛНЕНИЕ.....	56
2.1. Правовая природа решения третейского суда	56
2.2. «Исполнимость» и «исполнение» как основные категории, определяющие место принудительного исполнения в механизме третейской защиты.....	72
ГЛАВА 3. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА	102
3.1. Правовая природа выдачи исполнительного листа на решение третейского суда со стороны государственного суда	102
3.2. Основания для отказа в выдаче исполнительного листа на решение третейского суда.....	118
3.3. Акт государственного суда, выносимый в производстве о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.....	133
3.4. Содержательные особенности и перспективы нормативного регулирования принудительного исполнения решения третейского суда.....	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	163
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	168

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. На протяжении достаточно длительного времени в Российской Федерации предпринимаются попытки, в том числе с учетом положительного опыта отдельных зарубежных стран, внедрить в отечественную правовую действительность альтернативные формы урегулирования (разрешения) споров, в частности, разбирательство дела в третейском суде. Несмотря на значительный период существования правовых норм в указанной сфере, можно констатировать наличие комплексных проблем, препятствующих субъектам гражданских правоотношений в полной мере использовать для защиты прав третейское разбирательство. При этом речь следует вести не только о том, что обращение в третейский суд позволяет разрешить спор, а о необходимости создания полноценного механизма судебной защиты посредством арбитража и последующем исполнении решения третейского суда.

Новый этап развития в области функционирования третейских судов берет отсчет с принятия Федерального закона от 29 ноября 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Концептуально изменения законодательства были направлены на усиление роли государственных судов в сфере третейского разбирательства. Однако ни корректировка терминологии, ни наделение компетентных судов дополнительными функциями содействия и контроля в отношении третейских судов принципиально ситуацию не изменили.

Важнейшим остается вопрос принудительного исполнения решений третейских судов. От ответа на него во многом зависит уверенность участников арбитража в его эффективности, даже при наличии известных преимуществ перед разбирательством в суде государственном.

Ряд проблем правового регулирования и правоприменительной практики могут быть решены успешно лишь при наличии значимых

теоретических положений. Полагаем, вопросы поэтапной реализации третейской защиты гражданских прав и определение места принудительного исполнения решения третейского суда в таком механизме требуют осмысления.

Анализ ситуации в обозначенной области исследования на основе уже имеющихся научных работ позволил сформулировать вывод о недостаточной изученности ряда вопросов: о понятиях «механизм судебной защиты», «формы реализации механизма судебной защиты», «третейская защита», «исполнимость» и «исполнение» применительно к решениям государственного и третейского суда – выявлено их некорректное употребление относительно форм защиты прав, отсутствует единое мнение по поводу толкования «исполнимости» при определении состава свойств законной силы решения суда, ее юридической природе; о значении акта государственного суда, выносимого в производстве по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решение третейского суда; о содержательных особенностях и перспективах нормативного закрепления принудительного исполнения арбитражного решения.

Выбор темы настоящего диссертационного исследования обусловлен необходимостью введения и разработки категории, которая охватывала бы весь комплекс отношений участников третейского спора (от начала арбитража до момента реального восстановления их прав) и обеспечивала бы тем самым комплексную третейскую защиту гражданских прав субъектов. Кроме того, требуется определение места принудительного исполнения решения третейского суда в механизме третейской защиты.

Полагаем, что избранная тематика диссертации представляется актуальной на современном этапе с точки зрения теоретической новизны и практической значимости. Выполненная соискателем работа направлена на получение новых данных об обозначенных понятиях, что позволит устранить выявленные пробелы в соответствующей области научного познания.

Степень научной разработанности темы. На различных исторических этапах отечественной науки о «внутреннем» третейском разбирательстве заметное влияние на его становление и развитие оказали работы, посвященные: третейским судам (А. И. Вицын, 1856 год, П. М. Минц, 1917 год, Е. Н. Гендзехадзе, 1954 год); вопросам организации и деятельности третейских судов (Е. А. Виноградова, 1994 год, Е. М. Цыганова, 1996 год); отдельным проблемам третейского разбирательства, в том числе вопросам исполнения решений третейских судов (руководитель научной школы арбитража Санкт-Петербургского государственного университета В. А. Мусин и ее представители Е. Ю. Новиков, М. А. Попов, М. В. Петров, Г. В. Севастьянов, О. Ю. Скворцов (с 1999 года по настоящее время)); характеристикам третейского разбирательства в системе альтернативного (негосударственного) разрешения споров (школа арбитража Саратовской государственной юридической академии и ее представители А. Н. Балашов, И. Н. Балашова, М. Ю. Лебедев, А. И. Зайцев, И. Ю. Захарьящева, Н. В. Кузнецов, Т. А. Савельева (2000-2007 годы)). Существенный вклад в научную область третейского разбирательства внесли представители школы арбитража Уральского государственного юридического университета, которыми были исследованы: правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения (А. Г. Котельников, 2008 год), теоретико-правовые основы третейского разбирательства (С. А. Курочкин, 2004 год), решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы (И. М. Чупахин, 2012 год), отдельные проблемы третейского разбирательства, в том числе в вопросах производства по делам об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов (руководитель научной школы В. В. Ярков, с 2003 года). Следует отметить значение работ, посвященных исследованиям альтернативного разрешения гражданско-правовых споров в отдельных зарубежных странах, в частности США (Е. И. Носырева, 1999 год), а также научных трудов по вопросам

взаимодействия и соотношения судопроизводства с альтернативными процедурами урегулирования и разрешения споров, примирительных процедур в судопроизводстве, выявления проблем правового регулирования и практики арбитража (третейского разбирательства) и медиации, подготовленных учеными юридического факультета Воронежского государственного университета.

Исследованию места арбитража (в его современном понимании) и медиации в системе разрешения и урегулирования правовых споров, выполненного на основе действующего законодательства и практики его применения, посвящена диссертация В. Е. Бондаренко (2020 год). Одна из новейших работ, касающаяся вопросов исполнения третейского решения, подготовлена Ю. В. Каламовой (2020 год).

Вместе с тем отсутствуют исследования комплексного характера относительно рассмотрения принудительного исполнения решения третейского суда как части единого механизма третейской защиты гражданских прав субъектов.

Цель настоящего диссертационного исследования: формирование новых научно-теоретических и практических положений, определяющих место принудительного исполнения решения третейского суда в механизме третейской защиты как формы реализации судебной защиты гражданских прав.

Для достижения указанной цели требуют решения следующие **задачи**:

- 1) раскрыть сущность и формы реализации механизма судебной защиты гражданских прав;
- 2) охарактеризовать третейскую защиту в механизме судебной защиты гражданских прав;
- 3) сформулировать положения относительно правовой природы решения третейского суда, в том числе требований, предъявляемых к решению третейского суда, и его свойств;
- 4) разграничить «исполнение» и «исполнимость» с позиции

определения места принудительного исполнения в механизме третейской защиты;

5) осветить суть правовой природы выдачи исполнительного листа на решение третейского суда со стороны государственного суда;

6) проанализировать основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда;

7) определить значение акта государственного суда в форме определения, выносимого в производстве по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда;

8) выявить содержательные особенности и обозначить перспективы нормативного регулирования принудительного исполнения решения третейского суда.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при реализации механизма третейской защиты гражданских прав, целью которого является реальное восстановление прав субъектов.

Предмет диссертационной работы – труды научного характера, посвященные вопросам механизма судебной защиты, разбирательства дела в третейском суде, в том числе отдельным проблемам арбитража, включая принудительное исполнение решения третейского суда; нормативные правовые акты, регулирующие порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации, а также арбитраж (третейское разбирательство), акты процессуального законодательства в части рассмотрения и разрешения дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов; материалы правоприменительной практики, в том числе постановления Европейского Суда по правам человека, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры практики, утвержденные Президиумом

Верховного Суда Российской Федерации, по рассмотрению и разрешению дел отдельных категорий, акты государственных и третейских судов по конкретным делам; справочные издания в форме отчетов о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства, о работе судов общей юрисдикции и арбитражных судов по рассмотрению и разрешению дел отдельных категорий.

Методологическая основа диссертации – совокупность нижеприведенных методов научного познания, применяемых для достижения цели диссертации.

1. Общенаучные методы. Теоретический: метод восхождения от абстрактного к конкретному позволил проследить трансформацию категорий от «механизм защиты» до сформулированной в результате настоящего исследования категории «третейская защита»; экспериментальный: метод сравнения способствовал проведению сравнительного анализа решения государственного суда и решения третейского суда; научное описание объектов и предметов познания (количественное) – статистический метод как метод описания и изучения массовых явлений, допускающих количественное (численное) выражение обеспечил возможность проанализировать судебную статистику по рассмотрению компетентными судами дел о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов за периоды с 2016 по 2021 (1 полугодие) годы.

2. Специальные методы: метод толкования правовых норм – использовался при анализе конкретных положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ, Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и др., раскрытии их содержания (смысла) для практической реализации; метод правового моделирования – при помощи создания модели государственно-правовых явлений и манипулирования ими в предполагаемых условиях для

поиска оптимальных вариантов решения выявленных правовых проблем были сформулированы конкретные предложения по внесению изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ и Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Кроме того, комплексный подход (при изучении правовой реальности имеет принципиальное методологическое значение) в настоящей работе использован при исследовании правовой природы арбитража и предусматривает анализ положений теории права, норм конституционного, гражданского материального и процессуального законодательства, а также норм специального закона о третейском разбирательстве, в том числе при выявлении точного смысла категорий, включающих термин «суд», ввиду его неоднозначного употребления в нормативных актах. Комплексный подход, предполагающий анализ механизма защиты в альтернативной форме в целом, то есть как совокупности содержания и формы рассматриваемой деятельности, обусловил использование общих понятий и этапов правоприменительного процесса к характеристике содержания порядка рассмотрения дела третейским судом, а также исполнения его решения. Применение комплексного метода позволило последовательно раскрыть вопросы относительно цели включения «публичного» элемента в виде выдачи государственным судом исполнительного листа на решение третейского суда и принудительного исполнения; сущностной характеристики деятельности государственного суда в рамках производства по выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Системный подход как направление методологии исследования, в основе которого рассмотрение объекта в виде целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними, использован при понимании механизма защиты гражданских прав как системы

взаимосвязанных правовых явлений, при реализации которых посредством правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов (органов) достигается общая цель – реальное восстановление прав субъектов гражданских правоотношений. В рамках системного же подхода третейский суд охарактеризован в смысле, заложенном статьей 11 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, и включен в понимание «судебного порядка защиты».

Исследование предполагает деятельностный подход (позволяет установить нацеленность права, правовых институтов и норм на достижение фактических результатов), в рамках которого правосудие, как и третейское разбирательство, рассматривается в контексте правоприменения. При этом функционирование государственного суда определяется как публичное правоприменение, а третейское разбирательство именуется частноприменительной деятельностью. В качестве целостного механизма рассматриваются гражданский процесс, арбитражный процесс, третейская защита. Основным критерием для разделения данных видов деятельности по рассмотрению и разрешению гражданских дел выступает природа органа, рассматривающего дело. Деятельностный подход использован в контексте исследования природы судебных определений. С позиции деятельностного подхода определение о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не является актом правосудия, но выступает итоговым актом в рамках реализации государственным судом конкретной функции – функции контроля.

Эмпирической основой диссертации являются материалы судебной практики Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции, арбитражных судов, материалы организации и деятельности третейских судов, включая арбитражные решения.

Нормативную основу исследования образуют международные

правовые акты, в том числе Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 году), акты российского законодательства: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», иные нормативные правовые акты в части регулирования отношений, связанных с объектом настоящего исследования.

Теоретическая основа базируется на научной литературе касательно тематики работы, включающей монографии, диссертации, публикации зарубежных и отечественных авторов на различных исторических этапах общеправовой и профильной (специальной) направленности: З. К. Абдуллиной, А. Х. Агеева, С. Н. Абрамова, М. Г. Авдюкова, С. С. Алексеева, Н. А. Артебякиной, А. И. Базилевич, О. С. Беркутовой, В. М. Болговой, В. Е. Бондаренко, А. Т. Боннера, М. С. Борисова, Д. Х. Валеева, Е. В. Васьковского, Е. А. Виноградовой, Н. В. Витрука, А. И. Вицина, С. А. Владимировой, А. Ф. Волкова, В. А. Гавриленко, М. Л. Гальперина, Р. Н. Гимазова, Э. Н. Гимазовой, В. М. Горшенева, Н. А. Громошиной, М. А. Гурвича, В. А. Гуреева, К. М. Джудитта, М. А. Дубровиной, А. А. Добровольского, О. В. Егоровой, Н. В. Ерошкина, Ю. Д. Жуковой, Л. Н. Завадской, Е. В. Завражного, Н. С. Зверевой, С. К. Загайновой, А. И. Зайцева, Н. С. Зверевой, Н. Б. Зейдера, С. А. Ивановой, И. А. Ильина, А. Г. Ильченко, О. В. Исаенковой,

Ю. Б. Каламовой, А. Р. Канюкаевой, Р. Р. Каримовой, А. Ф. Клейнмана, Е. В. Клиновой, А. Г. Котельникова, В. А. Краснокутского, П. В. Крашенинникова, В. Ф. Кузнецова, Е. Н. Кузнецова, М. Ю. Кузнецова, А. Я. Курбатова, С. А. Курочкина, М. Ю. Лебедева, О. Э. Лейста, В. О. Лучина, К. И. Малышева, Н. И. Масленниковой, А. А. Мельникова, Г. М. Миносян, Е. В. Михайловой, К. С. Морковской, Н. Н. Надежина, И. А. Невского, П. Е. Недбайло, Е. А. Нефедьева, И. Ю. Носкова, Е. И. Носыревой, Г. Л. Осокиной, Д. В. Павина, А. А. Павлушиной, Л. А. Пахомовой, А. С. Пиголкина, Е. С. Пироговой, Н. Н. Полянского, М. А. Попова, М. П. Прониной, Е. Г. Пушкарь, П. М. Рабиновича, Н. А. Рассахатской, М. А. Рожковой, А. И. Рулева, М. В. Савицкого, Н. Г. Салищевой, Т. В. Сахновой, Ю. А. Свирина, О. Ю. Скворцова, Е. В. Слепченко, С. Ж. Соловых, В. Д. Сорокина, М. С. Строговича, М. К. Треушниковой, М. С. Трофимовой (Осиповой), П. В. Уварова, М. В. Филимоновой, Е. М. Цыгановой, С. Л. Червяковой, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота, И. М. Чупахина, М. С. Шакарян, В. М. Шерстюка, Ю. И. Шумилова, И. Е. Энгельмана, В. А. Юсупова, Т. М. Яблочкова, Е. С. Яловой, В. В. Яркова, Л. В. Ярошенко и других.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые:

- введена и содержательно раскрыта категория «третейская защита» как форма реализации механизма судебной защиты гражданских прав;
- обозначены и охарактеризованы элементы механизма третейской защиты, а именно третейское разбирательство (арбитраж) и принудительное исполнение арбитражного решения;
- определено место принудительного исполнения решения третейского суда в механизме третейской защиты как «публичного» элемента;
- выделены два этапа принудительного исполнения арбитражного решения: предварительный (выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда) и основной (исполнительное производство).

В рамках единого механизма третейской защиты как совокупности элементов частноправового и публичного характера принудительное исполнение рассматривается как его факультативный «публичный» элемент.

Реализация цели и задач настоящего исследования позволяет сформулировать **положения, обладающие свойствами научной новизны, которые выносятся на защиту:**

1. Механизм судебной защиты гражданских прав с точки зрения содержания представляет собой правоприменительную деятельность уполномоченных субъектов, направленную на защиту и восстановление гражданских прав, и реализуется в трех формах. К числу основных форм относятся гражданский и арбитражный процессы. Первый этап механизма судебной защиты (рассмотрение и разрешение гражданского дела) исчерпывается понятием «гражданское судопроизводство» или «арбитражное судопроизводство», а указание на оба этапа механизма судебной защиты (включая этап исполнения итогового судебного акта) – понятием «гражданский процесс» или «арбитражный процесс».

2. Помимо основных форм, механизм судебной защиты гражданских прав может быть реализован посредством альтернативной формы, которая определяется категорией «третейская защита». Первый этап механизма третейской защиты осуществляется посредством арбитража, второй этап (факультативный) представляет собой принудительное исполнение арбитражного решения. Существование второго этапа обусловлено целью механизма судебной защиты (правоприменительной деятельности) – реальное восстановление нарушенных гражданских прав.

3. Первый этап механизма третейской защиты, реализуемый посредством арбитража, имеет определенную специфику. Специфика заключается в сочетании частных и публичных начал в правовом регулировании арбитража: частноправовой характер третейского разбирательства предусматривает включение «публичных» элементов. «Публичные» элементы рассматриваются как отдельные процедуры,

совершаемые государственным судом в отношении третейского разбирательства с целью реализации государственных функций содействия и контроля.

4. Место «публичного» элемента, именуемого принудительным исполнением, в механизме третейской защиты определяется после окончания арбитража и вынесения решения третейским судом исходя из цели реализации обеспечиваемой государством возможности принудительно исполнить решение третейского суда.

Содержанием принудительного исполнения выступают два последовательных этапа: предварительный (производство по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда) и основной (исполнительное производство на основании определения суда о выдаче исполнительного листа). При этом нормативное регулирование каждого этапа обусловлено статусом органа, осуществляющим правоприменение, и поэтому находит закрепление в различных нормативных актах.

5. Исполнимость является свойством законной силы актов правосудия, содержащих властное веление, выраженное в виде действия обязанного лица. В отношении третейского разбирательства рассмотрение свойства «исполнимость» имеет существенные особенности: решение третейского суда свойством исполнимости не обладает. Исполнимостью наделяется определение государственного суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

6. Исполнительный лист, выдаваемый на арбитражные решения компетентным судом, имеет специфику: основанием для выдачи исполнительного листа в процессуальном смысле является определение государственного суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. При этом с материальной точки зрения исполняется резолютивная часть решения суда третейского. В итоге рассмотрения государственным судом заявления в рамках производства по

выдаче исполнительного листа на решение третейского суда вывод, изложенный в резолютивной части решения третейского суда, с материальной точки зрения не преобразуется в «государственно-властное веление». Именно поэтому решение третейского суда не приобретает свойств законной силы и после вынесения определения о выдаче исполнительного листа.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в том, что она является комплексным научным исследованием альтернативной формы реализации механизма судебной защиты. В контексте анализа альтернативной формы введено понятие «третейская защита», которое может быть применено для дальнейшей научной разработки вопросов, связанных с судебной защитой гражданских прав. Идея «публичного» элемента принудительного исполнения решения третейского суда в части выделения предварительного и основного этапов, а также выявленные содержательные особенности и обозначенные перспективы нормативного регулирования принудительного исполнения решения третейского суда, имеют существенное значение для дальнейших научных разработок проблем исполнительного производства.

Практическая значимость исследования определяется тем, что содержащиеся в диссертации выводы и рекомендации при их применении поспособствуют совершенствованию правового регулирования.

Перечень предложений, содержащихся в работе касательно законодательства, регулирующего принудительное исполнение решения третейского суда, в том числе оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, направлен на использование в законотворческой деятельности.

Вывод, устанавливающий взаимную связь, которая обуславливает единство «третейской защиты» между закрепленным в законе об арбитраже положением о немедленном исполнении решения третейского суда (по общему правилу), позволил сформулировать законодательные предложения

по отражению этого положения в актах, касающихся основного этапа принудительного исполнения.

Отдельные результаты могут быть учтены в рамках преподавания гражданского процесса, арбитражного процесса, а также взяты за основу при разработке специального учебного курса по рассмотрению и разрешению дела в третейском суде в рамках обучения по юридическим специальностям (направлениям подготовки).

В контексте **апробации результатов** исследования основные положения диссертации отражены в десяти научных статьях, три из которых размещены в журналах, входящих в Перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, рекомендованных для опубликования результатов докторских и кандидатских диссертаций, одна статья в журнале, входящем в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science.

Ряд аспектов работы освещался в виде докладов и сообщений на всероссийских и международных научно-практических конференциях: IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления экономикой региона» (Кировский филиал РАНХиГС, г. Киров, 18 декабря 2015 года); Всероссийской ежегодной научно-практической конференции «Общество. Наука. Инновации (НПК-2017)» (Вятский государственный университет, г. Киров, 2017 год); IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА «Перспективы развития гражданского процессуального права» (г. Саратов, 3 октября 2020 года); XII Международной конференции «Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования» (г. Саратов, 15 мая 2021 года); Международном научном форуме по юриспруденции (WFLAW 2021) (г. Екатеринбург, 17-18 июня 2021 года); ARES 2021: Международной научно-практической конференции «Современные механизмы нормативно-правового

регулирования в сложных социально-экономических системах» (г. Барнаул, 17 сентября 2021 года).

Содержание настоящего исследования неоднократно обсуждалось на заседаниях кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Теоретические выводы и практические рекомендации, составляющие содержание работы, использовались автором в рамках преподавания учебных дисциплин «Гражданское процессуальное право», «Арбитражный процесс», специального курса «Альтернативные способы урегулирования гражданско-правовых споров» в Вятском государственном гуманитарном университете в период с 2005 по 2018 годы, при подготовке практикумов «Доказывание и доказательства в гражданском судопроизводстве», «Исполнительное производство», а также в рамках руководства научным студенческим кружком «Альтернативные способы урегулирования споров» в Волго-Вятском институте (филиале) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в период с 2019 года по настоящее время.

Степень достоверности результатов исследования определяется тем, что сформулированные научные положения, выводы и рекомендации обоснованы применением системного анализа предмета диссертации, современных и отвечающих поставленным задачам методов познания. В процессе подготовки работы был проанализирован достаточный объем нормативных источников, научной литературы, примеров и обобщений судебной практики, практики третейских судов, ее результаты. Текст имеет высокую степень оригинальности – более 80 процентов (результат был получен при помощи программно-аппаратного комплекса для проверки текстовых документов на наличие заимствований – Антиплагиат, с учетом наличия ранее опубликованных диссертантом статей в данной системе).

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка использованной литературы и источников.

ГЛАВА 1. МЕХАНИЗМ ТРЕТЕЙСКОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

1.1. Сущность и формы реализации механизма судебной защиты гражданских прав

Защита нарушенных или оспариваемых прав должна осуществляться правовыми средствами. Эти средства – предмет изучения процессуальной науки. Будучи использованными бессистемно, они приведут не к защите того или иного нарушенного либо оспоренного права, законного интереса, а лишь к еще большему нарушению. Отмечается значительное усложнение юридических механизмов защиты субъективных прав¹. Поэтому правовое регулирование защиты гражданских прав должно быть четким, иметь ясные и определенные критерии применения способа и соответствующей ему процессуальной формы².

Во введении настоящего исследования в качестве цели обозначено формирование новых научно-теоретических и практических положений, определяющих место принудительного исполнения решения третейского суда в механизме третейской защиты как формы судебной защиты гражданских прав.

Проанализировать механизм третейской защиты невозможно без уточнения общего понятия – механизм судебной защиты.

В рамках теории государства и права, а также отраслевых наук наиболее разработанной является формулировка «механизм защиты прав человека». Это обусловлено прежде всего приоритетом прав человека,

¹ Гуреев В. А. Административная деятельность Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 8.

² Трещева Е. А. Процессуальные формы защиты субъективных публичных прав в Российской Федерации: учебное пособие / Е. А. Трещева, Е. С. Михайлова. М. : Юстиция, 2018. С. 7.

закрепленным на уровне международных актов. Поскольку именно государство берет на себя обязательства по гарантии отраженных в нормативных актах прав, то более широкое употребление термина «механизм защиты» встречается применительно к реализации судебной формы защиты. Таким образом, традиционно в литературе речь идет о юрисдикционных формах защиты.

Тем не менее, все более широкое применение иных порядков защиты предопределяет необходимость рассмотрения действующих механизмов альтернативной (вне государственных институтов) формы защиты. Безусловно, рассмотрение порядка реализации указанных форм защиты гражданских прав субъектов обуславливает необходимость обратиться к общим понятиям.

Механизм защиты прав человека – это динамическая система факторов, обеспечивающих устранение незаконных препятствий при осуществлении юридически закрепленных социальных возможностей индивида¹. Защита права всегда представляет собой деятельность, направленную на достижение цели².

Если рассматривать механизм защиты как совокупность «деятельностных» этапов, то очевидны общие элементы: деятельность уполномоченного органа (субъекта) по рассмотрению и разрешению дела, вынесение итогового решения и его исполнение.

Выделение указанных этапов связано с необходимостью достижения единой цели – восстановление нарушенного или оспариваемого субъективного права либо защиты охраняемого законом интереса.

¹ Рулев А. И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 7.

² Коршунов Н. М. Гражданский процесс: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Н. М. Коршунов, Ю. Л. Мареев. 3-е изд., пересмотр. М. : Норма, 2009. С. 20.

Для соблюдения правил последовательного подхода к определению содержания категории «механизм судебной защиты гражданских прав» рассмотрим ряд неоднозначных в процессуальной доктрине вопросов:

- 1) соотношение традиционных категорий «гражданский процесс» и «гражданское судопроизводство»;
- 2) соотношение категорий «процессуальная форма», «порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел» и «деятельность»;
- 3) соотношение указанных выше ключевых категорий науки гражданского процессуального права с понятием «механизм защиты гражданских прав»;
- 4) применение таких категорий в реализации основных этапов механизма судебной защиты гражданских прав.

Далее охарактеризуем основные этапы механизма защиты гражданских прав и их соотнесение с этапами механизма судебной защиты.

Категории «гражданский процесс» и «гражданское судопроизводство» составляют фундамент науки гражданского процессуального права, их роль и значение сложно переоценить. Вместе с тем, их параллельное упоминание в традиционной учебной литературе не всегда позволяет с точностью сделать вывод об их синонимичном или разном по содержанию характере.

Анализ учебной литературы позволил выявить отсутствие единого подхода. Так, ряд ученых не проводят различие между двумя рассматриваемыми категориями и характеризуют их как синонимы¹. Однако в отдельных случаях фактически различие между категориями существует, но они смешиваются и вносят неопределенность, имеющую значение в рамках тематики настоящего научного исследования. В частности,

¹ См.: *Власов А. А.* Гражданский процесс: учебник и практикум для академического бакалавриата / А. А. Власов. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 32; *Гражданский процесс: учебник для бакалавров, для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / Алехина С. А. [и др.] ; отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова ; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2015. С. 43; Толковый словарь гражданского процесса / авт.-сост. К. А. Лебедь. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 31.*

Н. В. Коршунов раскрывает гражданское судопроизводство как «особую процессуальную форму деятельности суда»¹ и одновременно как «осуществляемую в особых процессуальных формах деятельность судов»², а далее эти понятия применяются уже к категории «гражданский процесс».

Представители же основных юридических школ обращают внимание на необходимость разграничения указанных категорий³, проводя различие между понятием «гражданское судопроизводство» и «гражданский процесс», опираясь на смысл части 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)⁴. Однако последние изменения в данную норму⁵ позволяют сделать логический вывод об отсутствии актуальности приведенного довода.

Вместе с тем, необходимость разграничения имеет важное значение, поскольку термин «гражданское судопроизводство» закрепляется в нормативных актах в прямой связи со специфической правоприменительной деятельностью – отправлением правосудия. Этот момент является одним из принципиальных, так как позволяет четко определить круг органов, которые наделены полномочиями по рассмотрению и разрешению гражданских дел от имени государства. Напротив, синонимичный характер понятий «гражданское судопроизводство» и «гражданский процесс» не позволяет

¹ Коршунов Н. М. Гражданский процесс: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Н. М. Коршунов, Ю. Л. Мареев. 3-е изд., пересмотр. М. : Норма, 2009. С. 20.

² Там же. С. 21.

³ См.: Гражданский процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / Д. Б. Абушенко [и др.] ; отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 4; Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2013. С. 44; Исаенкова О. В. Гражданский процесс : курс лекций / О. В. Исаенкова, А. А. Демичев ; Саратовская государственная академия права. Саратов, 2009. С. 6–8.

⁴ В данном контексте речь идет о Конституции Российской Федерации в первоначальной редакции.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

обсуждать деятельность иных органов, в частности, осуществляющих принудительное исполнение судебных актов.

Достаточно последовательна и терминологически выверена позиция, сформулированная М. Ю. Лебедевым¹. Ученый использует категорию «гражданское судопроизводство» как отраженную в нормах процессуального права и делает оговорку о многозначности термина «процесс». Гражданское судопроизводство определяется как «нормативно урегулированная деятельность ... по поводу рассмотрения и разрешения споров и иных дел ...»². При этом указанный автор очерчивает границы рассматриваемой деятельности и ее цель.

В продолжение идеи разграничения характеризуемых категорий следует обратить внимание на научный взгляд С. Ф. Афанасьева, который отражает системный и исчерпывающий подход в определении категории «гражданский процесс»; отмечает наличие целого ряда подходов в определении рассматриваемого понятия³, а также акцентирует внимание на ключевом моменте: «гражданский процесс ... это деятельность суда общей юрисдикции ..., а также деятельность по принудительному исполнению актов таких судов»⁴.

Таким образом, с точки зрения пределов осуществляемой деятельности понятия «гражданское судопроизводство» и «гражданский процесс» можно отграничить: гражданское судопроизводство направлено на рассмотрение и разрешение споров, тогда как гражданский процесс нацелен на реальное восстановление нарушенного права. Подобный вывод подтверждается и основными научными мнениями относительно стадий (этапов) гражданского судопроизводства и процесса: речь, прежде всего, идет о включении в число

¹ Лебедев М. Ю. Гражданский процесс : учебник для бакалавров / М. Ю. Лебедев. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 18.

² Там же.

³ Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2013. С. 43–45.

⁴ Там же. С. 45.

стадий гражданского процесса этапа исполнительного производства¹ и исключения его из числа стадий гражданского судопроизводства².

В науке сформулированы и иные позиции: о недопустимости рассмотрения исполнительного производства в качестве стадии гражданского (арбитражного) процесса, несводимости исполнительного производства к составляющей части единого юридического процесса³.

Тесно связанным с предыдущим выступает и вопрос соотношения категорий «процессуальная форма», «порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел» и «деятельность». Для настоящей диссертационной работы сравнительный анализ указанных понятий важен в контексте разграничения «формы» и «содержания», а также исключения дублирующих по смыслу терминов и установления терминологического единообразия для проведения дальнейшего научного исследования.

Прежде всего, кратко обозначим научные подходы к одной из ключевых категорий в этом вопросе – понятию «гражданская процессуальная форма». Выразим согласие с позицией М. А. Рожковой в том, что «процессуальную форму не следует путать с формой защиты прав: понятие «процессуальная форма» представляет собой категорию теории процессуального права, а понятие «форма защиты гражданских прав» – цивилистическое»⁴.

Безусловно, категория «гражданская процессуальная форма» является весьма глубоко изученной в науке гражданского процессуального права

¹ Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / С. Ф. Афанасьев [и др.]; под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2013. С. 45.

² *Лебедев М. Ю.* Гражданский процесс : учебник для бакалавров / М. Ю. Лебедев. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 21.

³ *Гуреев В. А.* Административная деятельность Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 15.

⁴ *Рожкова М. А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 30.

темой¹. При этом классическим вариантом трактовки понятия «гражданская процессуальная форма» выступает ее узкое понимание².

Так, в частности по утверждению Ю. А. Поповой, «гражданская процессуальная форма самостоятельна и уникальна как форма деятельности суда по осуществлению им исключительной функции – отправления правосудия»³.

Вместе с тем, обратимся к ключевому понятию, посредством которого гражданская процессуальная форма определяется. Научные взгляды в отношении гражданской процессуальной формы прошли путь от ее понимания как «системы установленных законом правил»⁴ до «самостоятельной организации правовой материи в отечественной правовой системе»⁵.

Не вступая в дискуссию с большинством исследователей и отталкиваясь от ее ценностного значения в науке гражданского процессуального права, сделаем вывод, что гражданская процессуальная форма как модель служит основой для создания новых форм и дает возможность анализа правоприменительной деятельности третейского суда.

¹ См.: *Рассахатская Н. А.* Гражданская процессуальная форма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 1–19; *Егорова О. В.* Сущность гражданской процессуальной формы : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 1–187.

² *Гражданский процесс: учебник / Н. П. Антипов [и др.] ; под ред. А. Г. Коваленко, А. А. Мохова, П. М. Филиппова.* 2-е изд., доп. и перераб. М. : ИНФРА-М : Контракт, 2008. С. 4–5.

³ *Попова Ю. А.* Теоретические проблемы гражданской процессуальной (судопроизводственной) формы: современный аспект / Ю. А. Попова // *Тенденции развития гражданского процессуального права России : сборник научных статей : по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора, доктора юридических наук, Заслуженного работника Высшей школы РФ Н. А. Чечиной / Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет.* СПб., 2008. С. 75.

⁴ *Чечина Н. А.* Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права / Н. А. Чечина ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1987. С. 52; *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 45.

⁵ *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство как процессуальная форма и потенциал возможностей с позиции специализации на современном этапе / Е. Е. Уксусова // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).* 2015. № 9 (13). С. 27.

Для понимания сущности гражданской процессуальной формы как правового явления определим ее основные характеристики.

По мнению Н. А. Рассахатской, «из множества условий возникновения и существования гражданской процессуальной формы наибольшее значение приобретают нормы права и природа органа, рассматривающего дело»¹.

Так, О. В. Егорова определяет ее особенности через указание на: порядок регулирования (нормами гражданского процессуального права), характер правоотношений (гражданские процессуальные правоотношения), принципы (гражданского процессуального права), предмет регулирования (порядок отправления правосудия), цель (защита действительно нарушенного или оспоренного субъективного права или охраняемого законом интереса), специальные признаки (системность и предоставление гарантий участникам процесса)².

В. В. Бутнев и Н. Н. Тарусина отмечают, что «устойчивая система общеобязательных правил судебного рассмотрения гражданских дел – гражданская процессуальная форма ... сама по себе процессуальная форма в отрыве от цели защиты нарушенных прав не имеет никакой ценности»³.

Следует отметить, что в науке также существует концепция так называемой «процессуальной формы»⁴ или «судебной процессуальной формы»⁵. Не умаляя научные достижения ученых-процессуалистов, критически относимся к возможности использования категории

¹ *Рассахатская Н. А.* Гражданская процессуальная форма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 1–19.

² *Егорова О. В.* Сущность гражданской процессуальной формы : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 1–187.

³ *Бутнев В. В.* Очерки по теории гражданского процесса : монография / В. В. Бутнев, Н. Н. Тарусина. М. : Проспект, 2016. С. 2–4.

⁴ См.: *Ахматов А. В.* Юридический процесс: проблемы теории и практики : монография / А. В. Ахматов ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 2008. С. 1–195; *Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права / Е. Г. Лукьянова. М. : Норма, 2003. С. 1–240.

⁵ См.: *Проблемы судебного права* / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников ; под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1983. С. 1–223.

«гражданская процессуальная форма» не только применительно к судопроизводству.

Считается, что обоснование необходимости единой процессуальной формы, регламентирующей деятельность органов власти в различных сферах и особенно в правоприменительной, приходится на 1970-е годы, когда развитие общественных отношений осуществлялось в условиях усиления правовых гарантий личности, развития конституционных принципов¹. Обоснование того, что процессуальная форма имеет место не только в юрисдикционной сфере применения норм права, но и в других сферах, потому что любая отрасль материального права «вызывает к жизни соответствующие процессуальные нормы», например в финансовом, трудовом, земельном и иных, выдвинули П. Н. Недбайло и В. М. Горшенев².

«Широкое» понимание процессуальной формы отмечали Н. В. Витрук³, П. М. Рабинович⁴, В. А. Юсупов⁵. В том числе относительно функционала административных органов: «вся деятельность протекает в процессуальной форме, а нормы, ее регулирующие, являются административно-правовыми»⁶.

Противоположного мнения придерживались А. А. Мельников, Н. Н. Полянский, М. В. Савицкий, М. С. Строгович: концепция единого

¹ Семенов И. Г. Работа государственных органов по разрешению предложений, заявлений и жалоб граждан / И. Г. Семенов, В. И. Смолярчук // Советское государство и право. 1968. № 10. С. 64–73; Лучин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1971. С. 1–21; и др.

² Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общей ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М. : Юрид. лит., 1976. С. 12.

³ Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук ; отв. ред.: В. А. Патюлин. М.: Наука, 1979. С. 1–229.

⁴ Рабинович П. М. Упрочение законности – закономерность социализма: (вопросы теории и методологии исследования) / П. М. Рабинович. Львов: Вища шк. : Изд-во при Львов. ун-те, 1975. С. 246–247.

⁵ Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления / В. А. Юсупов. М.: Юрид. лит., 1979. С. 26–27.

⁶ Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР / Н. Г. Салищева ; Институт государства и права Академии наук СССР. М.: Юрид. лит., 1964. С. 1–158; Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право / В. Д. Сорокин. М.: Юрид. лит., 1972. С. 1–239.

судебного права имеет искусственный характер и не выражает подлинности сущности процессуального права¹.

О специфичности гражданских процессуальных норм, обеспечивающих осуществление правосудия, высказывались А. Т. Боннер², О. В. Исаенкова³, А. А. Мельников⁴, Н. А. Чечина⁵, Д. М. Чечот⁶, В. М. Шерстюк⁷.

А. С. Алексеев в рамках критики «широкого» понимания процессуальной формы отмечал, что с понятием «процессуальная форма», которое следует сохранить для характеристики процедуры в области правосудия, необходимо введение в науку более емкой категории, охватывающей всякую длящуюся юридическую деятельность, – «юридическая процедура»⁸.

С ним соглашается Ю. А. Попова, по ее мнению, «юридический процесс» понятие наиболее широкое, нежели «юридическая процедура»; процедурными правилами, а не судопроизводством именуется выдача судебного приказа и стадия подготовки дела к судебному разбирательству; напротив, такие действия судьи, как прекращение производства по делу и

¹ Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников ; под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1983. С. 28.

² Боннер А. Т. Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 5–7.

³ Исаенкова О. В. Эффективность нормотворчества в гражданском судопроизводстве / О. В. Исаенкова // Актуальные проблемы нормотворчества : (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Института законотворчества ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», Саратов, 6 октября 2009 г.) : сборник статей / ред. кол. : А. С. Ландо (отв. ред.) [и др.] ; Саратовская академия права. Саратов, 2010. С. 57–60.

⁴ Мельников А. А. Советский гражданский процессуальный закон : вопросы теории гражданского процессуального права / А. А. Мельников. М.: Наука, 1973. С. 11–12.

⁵ Чечина Н. А. Нормы гражданского процессуального права и их применение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1965. С. 14.

⁶ Чечот Д. М. Административная юстиция: (теоретические проблемы) / Д. М. Чечот ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. С. 52.

⁷ Шерстюк В. М. Система советского гражданского процессуального права: (вопросы теории) / В. М. Шерстюк. М. : Изд-во МГУ, 1989. С. 72–74.

⁸ Алексеев С. С. Право в нашей жизни / С. С. Алексеев. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. С. 120.

оставление заявления без рассмотрения относит к судопроизводственной деятельности, ибо здесь речь идет о формах и основаниях окончания процесса без постановления решения; указывает, что использование термина «процедура» применительно к судопроизводству становится почти правилом¹.

Наиболее целостный обзор развития идей процессуальной формы и ее понимания можно увидеть в ряде научных статей². Но порядок деятельности по защите прав субъектов и введение категории «единая процессуальная форма» выходит за рамки понятия «судебная форма защиты» и является преждевременным. В этой связи в качестве критического замечания обратим внимание на категорию «цивилистическая процессуальная форма»³, которая объединяет лишь сферу гражданского и арбитражного процессов (в узком их понимании), несмотря на то, что универсальный характер гражданской процессуальной формы и перспективы ее развития делают возможным ученым рассматривать порядок административного судопроизводства как разновидность гражданской процессуальной формы⁴.

¹ *Попова Ю. А.* Теоретические проблемы гражданской процессуальной (судопроизводственной) формы: современный аспект / Ю. А. Попова // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сборник научных статей : по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора, доктора юридических наук, Заслуженного работника Высшей школы РФ Н. А. Чечиной / Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет. СПб., 2008. С. 80.

² См.: *Алексеев А. В.* Развитие понятия «гражданская процессуальная форма» в России во второй половине XX века / А. В. Алексеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия. Право. Челябинск, 2015. Т. 15, № 1. С. 41–46; *Попова Ю. А.* Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) / Ю. А. Попова // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 10–40.

³ *Талыкин Е. А.* Признаки цивилистической процессуальной формы / Е. А. Талыкин // Известия Тульского государственного университета. Серия. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 1, ч. 2. С. 266–273.

⁴ См.: *Уксусова Е. Е.* Гражданское судопроизводство как процессуальная форма и потенциал возможностей с позиции специализации на современном этапе / Е. Е. Уксусова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 9 (13). С. 20–51.

Также существуют характеристики исследуемой категории, содержащиеся в основном в учебной литературе. Так, М. К. Треушников выделял следующие черты процессуальной формы:

- порядок рассмотрения и разрешения гражданских дел заранее определен нормами процессуального права;
- заинтересованные в исходе дела лица пользуются возможностью участвовать в судебном заседании при разбирательстве дела и отстаивать свои права и интересы;
- судебное решение по делу должно быть основано на фактах, установленных в судебном заседании при помощи доказательств и соответствовать закону¹.

Согласимся с позицией большинства исследователей и отметим те аспекты, которые имеют важное значение для понимания гражданской процессуальной формы на современном этапе.

Во-первых, гражданская процессуальная форма согласуется с целью правоприменительной деятельности суда – защита нарушенных и оспоренных гражданских прав субъектов.

Во-вторых, гражданская процессуальная форма устанавливает правила осуществления правоприменительной деятельности суда, направленной на достижение цели. Наиболее полно указанная характеристика выражена Н. А. Громошиной: «исторически сложившаяся, атрибутивная, закреплённая законом структурированная система базовых правил осуществления правоприменения посредством судопроизводства в целях защиты прав и законных интересов»².

В-третьих, гражданская процессуальная форма отправления правосудия по гражданским делам является основой для построения иных

¹ Гражданский процесс: учебник / Е. А. Борисова, С. А. Иванова, Е. В. Кудрявцева [и др.] ; под ред. М. К. Треушникова. М.: Городец-издат, 2003. С. 27.

² Громошина Н. А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства / Н. А. Громошина // Lex Russica (Русский закон). 2010. Т. 69, № 4. С. 778.

разновидностей и конструкций, которые используются при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Таким образом, понятие «гражданская процессуальная форма» традиционно отождествляется с категорией «порядок рассмотрения и разрешения дел» и имеет непосредственную связь с гражданским судопроизводством как деятельностью суда общей юрисдикции¹ в определенных выше пределах. Однако вопрос тождества понятий «гражданская процессуальная форма» и «порядок рассмотрения и разрешения дел» не является однозначным у тех ученых, которые разделяют категории «процессуальное законодательство» и «процессуальная форма»².

Обозначим непосредственно направленные на решение наших задач промежуточные выводы:

– с позиции пределов осуществляемой деятельности понятия «гражданское судопроизводство» и «гражданский процесс» не являются тождественными. Как виды правоприменительной деятельности их можно отграничить, а именно гражданское судопроизводство направлено на рассмотрение и разрешение споров, тогда как гражданский процесс направлен на реальное восстановление нарушенных или оспариваемых прав, защиту законных интересов;

– понятие «гражданская процессуальная форма» традиционно имеет непосредственную связь с «гражданским судопроизводством» как деятельностью суда общей юрисдикции по отправлению правосудия и соотносится с указанной категорией как «форма» и «содержание». При этом вопрос о форме, в которой осуществляется деятельность, именуемая «гражданский процесс», в науке не ставится.

¹ Гражданский процесс : учебник для бакалавров, для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / Алехина С. А. [и др.] ; отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова ; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2015. С. 47–48.

² Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2013. С. 49.

Далее определим соотношение указанных выше ключевых категорий науки гражданского процессуального права с понятием «механизм защиты гражданских прав» и рассмотрим их применение в реализации основных этапов механизма судебной защиты гражданских прав.

Несмотря на кажущуюся простоту устройства механизма судебной защиты гражданских прав, в доктрине существует весьма широкий перечень терминов, которыми оперируют как представители науки гражданского права, так и ученые-процессуалисты.

Принципиальное значение и, следовательно, отдельного внимания требует выражение позиции по вопросу правил реализации механизма судебной защиты гражданских прав. Какие категории и термины целесообразно употреблять: материального права («форма защиты»), процессуального права («процессуальная форма»)? Применимо ли понятие «гражданская процессуальная форма» для определения правил механизма судебной защиты гражданских прав? Обозначение в рамках настоящего исследования авторской позиции объективно невозможно без уяснения указанных вопросов.

В отношении действия категории «гражданская процессуальная форма» обратимся к положению, сформулированному ранее в рамках настоящего исследования. Понятие «гражданская процессуальная форма» определяет гражданское судопроизводство как деятельность суда общей юрисдикции по отправлению правосудия.

В вопросе соотношения указанных категорий согласимся с позицией Т. В. Сахновой о том, что «следует учитывать: в нашей стране формы защиты исторически развивались – наглядно в XX веке – не столько в зависимости от специфики деятельности по защите, сколько в соответствии с развитием системы юрисдикционных органов. Формы защиты в первую очередь

соотносились с органом защиты, а не с особенностями деятельности по защите»¹.

Традиционно представители науки гражданского права выделяют судебную, административную и самозащиту как формы защиты гражданских прав². При этом критерием отнесения к соответствующей форме является характер уполномоченного органа³ или отсутствие такового (самозащита). В этом смысле понятие «механизм судебной защиты гражданских прав» и понятие «судебная форма защиты» с позиции материальной цивилистики имеют сходный объем.

Следует отметить, что для категориального аппарата науки гражданского процессуального права раскрытие механизма судебной защиты через понятие «деятельность» является традиционным. Так, через указанную категорию определяется понятие «гражданский процесс»⁴. Таким образом, если совместить данные категории с основными этапами правоприменительной деятельности, то понятие «гражданский процесс» будет выступать частью механизма судебной защиты.

Вопрос порядка осуществления деятельности, именуемой в науке «гражданский процесс», является нерешенным. Отчасти помощь в определении позиции по указанной проблеме может анализ стадий (этапов) гражданского процесса, обозначенных в литературе. Подход к вопросу стадий (этапов) в науке процессуального права зависит, прежде всего, от позиции относительно разграничения понятий «гражданское судопроизводство» и «гражданский процесс». В тех случаях, когда они

¹ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 14.

² См.: Рузакова О. А. Гражданское право : учебное пособие / О. А. Рузакова. М. : Евразийский открытый институт, 2011. С. 92.

³ Кузнецов А. Н. Основы гражданского права : курс лекций / А. Н. Кузнецов. Саратов : Вузовское образование, 2013. С. 73.

⁴ Гражданский процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / Л. В. Туманова, Н. Д. Эриашвили, А. Н. Кузбагарова [и др.] ; под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели. 8-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 8.

рассматриваются как синонимы, на уровне анализа стадий происходит смешение: включаются как собственно стадии гражданского судопроизводства (возбуждение производства по гражданскому делу, подготовка дела к судебному разбирательству, судебное разбирательство), так и этапы гражданского процесса (от производства в суде первой инстанции до исполнительного производства)¹. В тех же случаях, когда содержание указанных понятий разграничивается, в качестве стадий (этапов) гражданского процесса рассматриваются: производство в суде первой и последующих проверочных инстанциях, производство по пересмотру судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, а также исполнительное производство².

В этой связи выскажем позицию, отвечая на вопрос: в какой форме реализуется «гражданский процесс», если категория «гражданская процессуальная форма» применима лишь в части регулирования судопроизводства, осуществляемого судом общей юрисдикции?

Опираясь на выводы, сформулированные выше, отметим важность идеи «единства процессуальной формы»³ или «судебной процессуальной формы»⁴. Но для решения задач настоящего исследования, с учетом характера рассматриваемых и разрешаемых третейским судом дел, в качестве основной идеи изберем системный подход.

¹ См.: Гражданский процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / Л. В. Туманова, Н. Д. Эриашвили, А. Н. Кузбагарова [и др.] ; под ред. Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели. 8-е изд. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 9–10.

² Гражданский процесс: учебное пособие / И. В. Воронцова, А. Б. Смушкин, Т. В. Соловьева [и др.] ; под ред. И. В. Воронцовой. Саратов : Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013. С. 15.

³ Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В. Н. Протасов. М.: Юрид. лит., 1991. С. 14.

⁴ Ярков В. В. Влияние реформы частного права на развитие системы и форм гражданской юрисдикции / В. В. Ярков // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции : межвузовский сборник научных трудов / Гуманитарный университет, Уральская государственная юридическая академия. Екатеринбург, 1998. С. 45–72.

Применение общих категорий и этапов правоприменительного процесса к характеристике содержания механизма судебной защиты гражданских прав наиболее точно позволяет использовать комплексный подход, предполагающий анализ механизма защиты в целом, то есть как совокупности содержания и формы рассматриваемой деятельности, и определить формы реализации механизма судебной защиты гражданских прав.

Учитывая этапы механизма судебной защиты гражданских прав, обозначенные ранее, возможно определить две основные и альтернативную форму реализации механизма судебной защиты гражданских прав.

К числу основных форм реализации механизма судебной защиты гражданских прав относятся: гражданский процесс и арбитражный процесс.

Первый этап механизма судебной защиты (рассмотрение и разрешение гражданского дела) будет исчерпываться понятием «гражданское судопроизводство», а указание на оба этапа механизма судебной защиты (включая этап исполнения итогового судебного акта) – понятием «гражданский процесс». При этом механизм судебной защиты может быть реализован с участием иного суда, например, арбитражного. В данном случае первый этап механизма судебной защиты реализуется посредством отправления правосудия арбитражным судом в порядке арбитражного судопроизводства, а общая характеристика механизма судебной защиты с включением этапа принудительного исполнения будет исчерпываться понятием «арбитражный процесс».

Альтернативная форма механизма судебной защиты гражданских прав состоит из двух этапов. На первом этапе деятельность по рассмотрению и разрешению гражданского дела осуществляется в рамках арбитража (третейского разбирательства), второй этап – исполнение решения третейского суда. Считаем возможным, по аналогии с понятиями «гражданский процесс» и «арбитражный процесс», ввести понятие «третейская защита». Термином «третейская защита» предлагается

обозначать альтернативную форму механизма судебной защиты гражданских прав, которая включает в себя два этапа: арбитраж (третейское разбирательство) и исполнение решения третейского суда.

Данный подход носит комплексный, системный характер и не умаляет научные взгляды и выделение соответствующих стадий гражданского и арбитражного судопроизводства, этапов (стадий, правоприменительных циклов) гражданского и арбитражного процессов.

Таким образом, механизм защиты гражданских прав с точки зрения содержания представляет собой правоприменительную деятельность уполномоченных субъектов, направленную на реальное восстановление гражданских прав и защиту законных интересов.

Механизм защиты гражданских прав содержит в себе два основных элемента: деятельность уполномоченного органа (субъекта) по рассмотрению и разрешению дела с вынесением итогового решения и его исполнение.

В случае если деятельность по рассмотрению и разрешению гражданского дела осуществляется в рамках правосудия, то на первом этапе деятельность осуществляют суд общей юрисдикции или арбитражный суд, а на втором (в случае, когда речь идет о понуждении к исполнению) – органы принудительного исполнения.

В развитие изложенной концепции отметим, что защита гражданских прав осуществляется судами: общей юрисдикции, арбитражными, третейскими¹.

Следовательно, концепция механизма судебной защиты имеет потенциал для развития в альтернативной форме.

¹ Гражданский процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / Д. Б. Абушенко [и др.] ; отв. ред. В. В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 4; Коршунов Н. М. Гражданский процесс: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция»/ Н. М. Коршунов, Ю. Л. Мареев. 3-е изд., пересмотр. М. : Норма, 2009. С. 20.

1.2. Третейская защита в механизме судебной защиты гражданских прав

Приоритетным способом реализации механизма защиты прав является рассмотрение и разрешение дел в судебном порядке. Суд в ходе рассмотрения и разрешения дел всегда осуществляет правоприменительную деятельность. Значит, когда речь идет о механизме судебной защиты, фактически мы говорим об особой форме реализации права.

Вместе с тем, характеристика механизма судебной защиты как поэтапной правоприменительной деятельности, имеющей конкретную цель – реальное восстановление нарушенного или оспариваемого субъективного права, защита законного интереса, а также положения статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), определяющие круг уполномоченных субъектов, осуществляющих судебную защиту гражданских прав, позволяют рассмотреть вопрос о месте арбитража (третейского разбирательства) в механизме судебной защиты гражданских прав.

Первый этап механизма защиты гражданских прав осуществляется посредством арбитража (третейского разбирательства), а указание на оба этапа механизма защиты (включая этап исполнения арбитражного решения) будет исчерпываться понятием «третейская защита».

Вместе с тем, это обуславливает необходимость подробной характеристики: правовой природы деятельности третейского суда, порядка ее осуществления, особенностей правового регулирования деятельности третейских судов, а также принудительного исполнения решений таковых судов.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023 // СЗ РФ. 1994. № 5. Ст. 3301.

Для последовательного анализа отдельных вопросов определим следующие ключевые моменты в рамках обозначенной проблематики.

Во-первых, рассмотрение правовой природы арбитража с позиции цели деятельности третейского суда.

Формулирование научной точки зрения по вопросу «урегулирование» или «разрешение» спора позволит уточнить правовую природу арбитража с позиции альтернативных форм. Также важным в рамках данного вопроса является выражение мнения в отношении сравнительно-правового анализа сущности и целей третейского разбирательства и деятельности государственного суда по отправлению правосудия по гражданским делам.

Во-вторых, анализ третейского разбирательства с позиции формы защиты гражданских прав.

Рассмотрение указанного аспекта позволит обозначить тезис относительно интеграции смысла статьи 11 ГК РФ с категорией «судебная форма защиты гражданских прав».

В-третьих, определение места третейского разбирательства как части механизма судебной защиты гражданских прав.

Достаточно внимания вопросам правовой природы третейского разбирательства уделено в работах В. Е. Бондаренко¹, А. И. Зайцева², С. А. Курочкина³, В. А. Мусина⁴, Е. И. Носыревой⁵, Г. В. Севастьянова⁶,

¹ *Бондаренко В. Е.* Место арбитража и медиации в системе разрешения гражданско-правовых споров : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 1–189.

² *Зайцев А. И.* Законодательство об арбитраже (третейском разбирательстве) в странах СНГ : учебное пособие / А. И. Зайцев. М. : Прометей, 2017. С. 1–552.

³ Третейское разбирательство в Российской Федерации : учебное пособие / С. А. Курочкин [и др.] ; под ред. О. Ю. Скворцова. М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 1–389.

⁴ *Мусин В. А.* Избранное / В. А. Мусин. СПб.: Ред. журнала «Третейский суд» ; Статут, 2014. С. 1–458.

⁵ *Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение споров в США / Е. И. Носырева. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 1–320; *Носырева Е. И.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : монография / Е. И. Носырева ; Воронежский государственный университет. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. С. 1–224.

⁶ *Севастьянов Г. В.* Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) : монография /

О. Ю. Скворцова¹. Однако большинство исследователей рассматривают арбитраж через призму правосудия или в сравнении с ним².

На наш взгляд, следует проанализировать природу арбитража именно с позиции особенностей деятельности по защите и ее целей. В этой связи согласимся с мнением С. А. Курочкина, что «содержательная характеристика третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража может быть сопоставлена с правосудием по гражданским делам»³.

Сразу следует оговориться, что формулировки «арбитраж» и «третейское разбирательство» в данной работе понимаются как тождественные. Однако отметим, что в настоящее время существуют иные научные подходы к толкованию указанных категорий. Так, в своем диссертационном исследовании В. Е. Бондаренко предлагает для более полного анализа различать таковые понятия: термин «третейское разбирательство» использовать для понимания исторического развития изучаемого института, а для описания современного состояния альтернативной процедуры применять термин «арбитраж»⁴; однако далее по тексту работы указанный автор учитывает позицию законодателя и соглашается с тождественностью категорий в контексте правового регулирования⁵.

Научно обоснованной представляется также позиция, изложенная в названном выше диссертационном исследовании, где альтернативная форма защиты рассматривается в рамках «системы разрешения гражданско-

Г. В. Севастьянов. СПб. : Ред. журнала «Третейский суд» ; М. : Статут, 2015. (Библиотека журнала «Третейский суд»; вып. 7). С. 1–450.

¹ Скворцов О. Ю. Дискуссии о правовой природе арбитража / О. Ю. Скворцов // Вестник международного коммерческого арбитража. 2017. № 2 (15). С. 55–66.

² См.: Зайцев А. И. Третейское судопроизводство в России (проблемные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 1–26.

³ Kurochkin S. Internal and international commercial arbitration as a private form of law enforcement. Text : electronic // Law Enforcement Review. 2017. N 1 (2). P. 219–226. URL : <https://enforcement.omsu.ru/jour/article/view/87/106> (дата обращения: 30.04.2022).

⁴ Бондаренко В. Е. Место арбитража и медиации в системе разрешения гражданско-правовых споров : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 4.

⁵ Там же. С. 61.

правовых споров» (наряду с судебной и административной), при этом ставится акцент на содержании примирительных процедур и арбитража в смысле движения «конфликт-спор» («урегулирование-разрешение»).

При возникновении спора между сторонами в правоотношении, в ситуации противоположности материально-правовых интересов, возникает необходимость его разрешения. В данном направлении участники спора имеют возможность достигнуть договоренность по вопросу порядка его разрешения. Если указанная возможность не используется, то реализации подлежит приоритетный порядок, установленный государством. Поскольку специализированным государственным органом по рассмотрению и разрешению гражданских дел является суд, то при невозможности достигнуть договоренности по вопросу определения порядка разрешения спора таковым выступает судебный порядок. Арбитраж является альтернативным способом разрешения спора с той точки зрения, что исключает, по общему правилу, дальнейшее обращение к государственному суду. Основанием использования рассматриваемого альтернативного порядка защиты прав является договор (соглашение).

Следует также уточнить, что в рамках настоящего исследования не проводится выделение «этапов» или «стадий» спорного материального правоотношения, не осуществляется разграничение категорий «конфликт, подлежащий урегулированию» и «спор, подлежащий разрешению». Однако указанный вопрос в правовой науке является предметом изучения¹ и может быть положен в основу построения моделей альтернативной формы защиты². Вместе с тем, разграничение категорий «урегулирование» и «разрешение» спора в данной работе проводится в контексте цели деятельности как государственного, так и третейского суда. Целью арбитража, как и

¹ См.: *Павлушина А. А.* Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005. С. 1–58; *Бондаренко В. Е.* Место арбитража и медиации в системе разрешения гражданско-правовых споров : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 1–189.

² *Бондаренко В. Е.* Место арбитража и медиации в системе разрешения гражданско-правовых споров : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 1–189.

гражданского, и арбитражного судопроизводства является рассмотрение и разрешение гражданского дела. В отличие от «урегулирования» спора, где основные вопросы выясняются самими участниками или с помощью посредника, при «разрешении» – всю компетенцию по установлению юридически значимых фактов, толкованию применяемой нормы, оценке доказательств и итоговый вывод формулирует уполномоченный орган без влияния сторон. В этом смысле третейское разбирательство и гражданское или арбитражное судопроизводство имеют общую цель и содержание ее реализации.

Несмотря на общую цель и способы ее достижения, третейское разбирательство не тождественно деятельности по отправлению правосудия. Для разграничения правовой природы арбитража и судебного разбирательства необходимо определить правомочие, используемое сторонами при обращении к третейскому разбирательству. Можно ли утверждать, что при выборе арбитража стороны реализуют право на судебную защиту?

Отметим, право на судебную защиту является конституционным (часть 1 статьи 46 Конституции РФ). Вместе с тем нормативно выделено право на обращение в суд, как самостоятельный процессуальный институт. Оно прямо предусмотрено частью 1 статьи 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГПК РФ): «заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов»; аналогичная норма содержится и в части 1 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – АПК РФ).

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.01.2022) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

При этом право на обращение в суд за защитой, несмотря на процессуальное «обособление», выступает как элементом реализации права на судебную защиту, так и самостоятельным субъективным правом, осуществляемым в процессуальных отношениях¹. Это право, в силу особенностей процессуальных отношений, имеет публичный характер и находит выражение посредством обращения к правосудию.

Тем не менее, правомочие на защиту гражданских прав может быть реализовано и за рамками осуществления правосудия. Статья 11 ГК РФ предусматривает, что «защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд (далее – суд) в соответствии с их компетенцией». По смыслу указанной нормы в совокупности с содержанием конституционного права на судебную защиту можно заключить, что при выборе сторонами негосударственной формы защиты прав (арбитража) реализуется конституционное право на судебную защиту, но не посредством процессуального права на обращение в суд, имеющего публичную природу.

В силу части 3 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»² (далее – ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации») в арбитраж по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Конституционное право на судебную защиту реализуется через призму нормы статьи 11 ГК РФ посредством заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда и имеет частноправовую природу. То есть стороны осуществляют право на защиту посредством образованного ими суда.

¹ *Пушкар Е. Г.* Право на обращение в суд за судебной защитой : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1984. С. 1–38.

² Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

Подтверждение частноправовой природы спора и соглашения о его передаче неоднократно высказывались в литературе. Так, С. А. Кажлаев отмечает, что «компромисс, достигаемый в процессе третейского разбирательства, был проявлением доброй воли сторон и тем самым относился к частному праву»¹.

Т. В. Сахнова также разграничивает правосудие как государственную деятельность и арбитраж: «решение по существу спора есть не проявление воли государства, но следствие частного соглашения сторон на разрешение частноправового спора негосударственными методами (третейское разбирательство)»².

Не взирая на частноправовую природу соглашения о передаче спора как основания для рассмотрения дела третейским судом, исключать «публичные» элементы в реализации механизма защиты гражданских прав нельзя.

Следует обратить внимание на важность вывода о частноправовом характере соглашения о передаче спора как основания применения арбитража. Данное соглашение по своей сути определяет наличие диспозитивного начала в определении формы защиты как имеющейся и предусмотренной законом альтернативы. Если процессуальная форма отправления правосудия «всегда включает в себя систему требований, закрепленных нормами гражданского процессуального права; ее содержанием охватывается только процессуальная деятельность и процессуальные правоотношения суда, сторон, других участников судопроизводства»³ и является строго императивной, так как основана исключительно на нормативном начале, то порядок (форма) рассмотрения и

¹ Кажлаев С. А. Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах / С. А. Кажлаев // Журнал российского права. 2016. № 4 (232). С. 119–124.

² Сахнова Т. В. Иностранная государственная и негосударственная юрисдикция: проблема признания / Т. В. Сахнова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. СПб., 2007. № 6. С. 241–247.

³ Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 6.

разрешения гражданского дела третейским судом требует дополнительного анализа, поскольку основывается как на нормах права, так и определяется сторонами самостоятельно.

В этой связи необходимо уточнить отдельные специфические черты арбитража, которые определяют особенности третейского разбирательства.

Не останавливаясь на признаках правоприменения¹, отметим, что рассмотрение правовой природы арбитража через использование понятий теории права позволит раскрыть ее с точки зрения этапов механизма защиты. Освещение вопроса отнесения арбитража к деятельности по правоприменению отчасти поспособствует ответу и на вопрос о том, является ли этап принудительного исполнения актов третейского суда обязательным. Кроме того, это важно для исходного определения природы арбитража в целом и места третейской защиты в механизме судебной защиты гражданских прав.

Деятельность третейского суда при рассмотрении и разрешении спора между сторонами с позиции теории права следует относить к правоприменительной деятельности в смысле широкого понимания правоприменения². Деятельность третейского суда не является правосудием, как формой государственного правоприменения, но выступает правоприменительной деятельностью, осуществляемой частным субъектом. При этом следует разграничивать арбитраж как «частное» правоприменение

¹ Более подробно признаки, о которых идет речь: *Матузов Н. И.* Теория государства и права: учебник для вузов / Н. И. Матузов, А. В. Малько ; Институт государства и права РАН. М.: Юристъ, 2004. С. 161.

² В рамках широкого толкования ключевым в понимании правоприменения являются его содержание, а не орган реализации. См., в частности: *Ильин И. А.* Теория права и государства / И. А. Ильин ; под ред. и с библиограф. очерком В. А. Томсинова. 2-е изд., доп. М.: Зерцало-М, 2014. С. 1–550. В узком смысле правоприменение понимается как способ реализации права, который связан с властными действиями юрисдикционных органов и должностных лиц, выступающих от имени государства, выполняя возложенные на них специальные функции и полномочия (государственная деятельность). См., в частности: *Матузов Н. И.* Теория государства и права: учебник для вузов / Н. И. Матузов, А. В. Малько ; Институт государства и права РАН. М.: Юристъ, 2004. С. 185; *Архипкин И. В.* Правоприменение и толкование права : учебное пособие : в 2 ч. / И. В. Архипкин, Д. С. Кузнецов ; Иркутский государственный университет, Юридический институт. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. Ч. 1 : учебное пособие. С. 1–115.

и понимание природы третейского разбирательства в рамках концессуальной теории, сформулированной А. Г. Котельниковым¹. В соответствии с концессуальной теорией государство «уполномочивает» третейские суды («дает концессию») на осуществление правосудия. С позиции, высказанной выше, в основе частного правоприменения лежит взаимное соглашение субъектов спора, а деятельность не является правосудием.

Специфика арбитража отличается от рассмотрения и разрешения дела государственным судом: характером правоприменительной деятельности по защите прав, принципами и основанием установления.

В цивилистической науке широко употребляется термин «судебная форма защиты»², именно поэтому целесообразно охарактеризовать указанную категорию исключительно в контексте ответа на вопрос о том, к какой форме защиты относится третейское разбирательство.

Превалирующей в доктрине на сегодняшний день является концепция, в соответствии с которой защита субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в двух формах: юрисдикционной и неюрисдикционной³. Основным критерием для разграничения указанных форм выступает: во-первых, привлечение

¹ *Котельников А. Г.* Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 1–288.

² Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография / С. Ф. Афанасьев ; под ред. Видука М. А. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 1–296; *Громошина Н. А.* Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография. М.: Проспект, 2010. С. 1–262; Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы / С. Л. Дегтярев. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 1–376; Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции / Г. А. Жилин. М. : Городец, 2000. С. 1–316; Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В. М. Жуйков. М. : Городец, 1997. С. 1–320; *Малешин Д. Я.* Гражданская процессуальная система России : монография. М. : Статут, 2011. С. 1–496; *Мурадыян Э. М.* Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов). М. : Проспект, 2003. С. 1–128; Гражданское право и гражданский процесс в современной России / И. В. Решетникова, В. В. Ярков ; ред. кол.: Алексеев С. С., Белых В. С., Казаков А. В., Пиликин Г. Г., Плетнев В. А., Стоякин Г. Я., Якушев В. С., Ярков В. В. М., Екатеринбург: Норма, 1999. С. 1–312; и др.

³ Гражданское право : учебник в 4-х томах / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 556–584.

стороннего органа или субъекта для разрешения спора; во-вторых, вынесение по итогам рассмотрения дела обязательного для сторон решения.

Далее в рамках юрисдикционной формы выделяют отдельным подвидом, но при этом играющем «ведущую роль», судебную форму защиты¹, наряду с другими. И здесь встает вопрос о том, включается ли третейское разбирательство в судебную форму защиты. Сторонники узкого понимания категории «судебная защита» исключают арбитраж из судебной формы², сторонники широкого понимания – включают³. Безусловно, имеются исследования, которые не поддерживают идею существования такой классификации и признают арбитраж самостоятельной формой защиты⁴.

Определенную неоднозначность в понимании критерия для отнесения арбитража к одной из форм вносит, с одной стороны, тот факт, учитывает ли исследователь различие категорий «урегулирование спора» и «разрешение спора», использует ли категориальный аппарат, заимствованный из практики США («альтернативные способы разрешения спора»)⁵. Как правило, применение категории «альтернативные способы разрешения спора»

¹ Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский Дом «Городец», 2007. С. 1–784.

² См., в частности: *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 1–782; Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский Дом «Городец», 2007. С. 1–784.

³ См., в частности: *Рожкова М. А.* Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М. А. Рожкова. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 10; *Стремоухов А. В.* Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. Серия. Право. 2017. № 1 (47). С. 9–19.

⁴ См., в частности: *Болгова В. М.* Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы : дис. ...канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 1–240; *Канюкаева А. Р.* Система процессуальных форм защиты в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 1–250.

⁵ Термин «альтернативное разрешение споров» является переводом термина Alternative Dispute Resolution (официальная аббревиатура – ADR), используемого в теории права и в законодательстве США.

позволяет в теории отграничить третейское разбирательство от судебной формы защиты и выделить его в рамках юрисдикционной формы¹.

Сохраняя общую идею, продолжим развивать указанную мысль с учетом авторской терминологической оговорки, приведенной ранее, перефразируем: можно ли говорить, что третейское разбирательство является правоприменительной деятельностью, осуществляемой в судебном порядке? Полагаем, что отнесение третейского разбирательства с позиции науки гражданского права и указанных выше критериев к юрисдикционной форме защиты, сомнений не вызывает. Ответ на вопрос о принадлежности к механизму судебной защиты гражданских прав, опять же с применением смысла статьи 11 ГК РФ, считаем возможным рассматривать. Отметим, что определение места арбитража в данном контексте носит междисциплинарный характер.

При этом в судебном порядке правоприменительная деятельность на первом этапе реализации механизма защиты гражданских прав может осуществляться как государственными органами (правосудие), так и негосударственными органами (третейский суд). В этой связи подвергнем критике научную позицию о том, что «самостоятельную форму защиты представляет собой деятельность третейских судов. По своей сущности – это негосударственная форма защиты, и к числу собственно судебных она не относится»². Указанное критическое замечание ярко демонстрирует терминологическую дилемму.

Принципиальное значение имеет терминологическая оговорка, которая связана с неоднозначным употреблением термина «суд» в нормативных актах. Выявление точного смысла категорий, включающих термин «суд», необходимо в настоящей работе, поскольку подход к исследованию правовой природы арбитража будет носить комплексный характер,

¹ *Базилевич А. И.* Формы защиты субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. С. 1–205.

² *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 18.

предусматривающий анализ положений теории права, норм конституционного, гражданского материального и процессуального законодательства, а также норм специального закона о третейском разбирательстве.

В рамках данного исследования придерживаемся системного подхода, рассматриваем третейский суд в смысле статьи 11 ГК РФ и включаем его в понимание «судебной защиты».

Таким образом, на основании изложенного можно сформулировать ряд промежуточных выводов:

1. При выборе сторонами негосударственной формы защиты прав (арбитража) реализуется конституционное право на судебную защиту, но не посредством процессуального права на обращение в суд, имеющего публичную природу.

2. Общее между третейским разбирательством и гражданским или арбитражным судопроизводством состоит в цели (рассмотрение и разрешение гражданского дела) и содержании правоприменительной деятельности. При этом специфика арбитража определяется характером правоприменительной деятельности (частное правоприменение) по защите прав, принципами и основанием установления.

3. При разрешении спора третейский суд осуществляет частное правоприменение, которое осуществляется в рамках механизма судебной защиты гражданских прав, но с определенными особенностями.

Арбитраж (третейское разбирательство) следует рассматривать как первый этап в реализации механизма третейской защиты гражданских прав. Третейская защита выступает альтернативной формой реализации механизма судебной защиты гражданских прав: на первом этапе деятельность по рассмотрению и разрешению гражданского дела осуществляется в рамках арбитража (третейского разбирательства), при этом существование второго этапа определяется самой природой и целью судебной защиты гражданских прав как деятельности по применению права.

Иными словами, на первом этапе деятельность по рассмотрению и разрешению гражданского дела осуществляется в рамках арбитража (третейского разбирательства), второй этап – исполнение решения третейского суда. Открытым остается понимание этапов как третейского разбирательства, так и альтернативной модели механизма судебной защиты.

Остановимся далее на кратком предварительном анализе каждого этапа «третейской защиты».

Первым этапом «третейской защиты» (альтернативной формы механизма судебной защиты гражданских прав) выступает арбитраж (третейское разбирательство).

Настоящее исследование, помимо системного, предполагает и деятельностный подход, в рамках которого третейское разбирательство также, как и правосудие рассматривается в контексте правоприменения. При этом функционирование государственного суда определяется как публичное правоприменение, а третейское разбирательство именуется частноприменительной деятельностью.

Основным критерием для разделения данных видов деятельности по рассмотрению и разрешению гражданских дел выступает природа органа, рассматривающего дело.

Вторым существенным обстоятельством является цель указанного правоприменения. Она является общей как для деятельности по отправлению правосудия, так и для третейского разбирательства – защита нарушенных или оспариваемых гражданских прав и законных интересов субъектов.

Развивая указанную мысль, отметим, что поскольку защита нарушенных или оспариваемых гражданских прав и законных интересов предполагает реальное их восстановление, то характеристика правосудия или третейского разбирательства необходима с использованием понятия «механизм защиты прав». Такая категория обеспечивает в настоящем исследовании, с одной стороны, возможность охарактеризовать «третейскую защиту» как единую целостную систему, обеспечивающую не только

рассмотрение и разрешение гражданского дела, но и реальное восстановление нарушенных или оспариваемых гражданских прав и законных интересов субъектов, и позволит избежать умаления ее значения как полноценного, альтернативного государственному, порядка разрешения спора; с другой стороны, дает возможность, используя системный подход, проанализировать особенности «третейской защиты».

Правоотношение, возникающее между третейским судом и сторонами, реализуется в рамках частноприменительной деятельности третейского суда по защите прав субъектов. Дополнительными признаками для выявления особенностей арбитража выступают основания установления (помимо норм закона, соглашение сторон). Также специфика сочетания частных и публичных начал при конструировании арбитража обусловлена правовой природой механизма судебной защиты гражданских прав, его этапами.

В научной литературе выделение этапов (стадий, циклов) в деятельности третейского суда по разрешению споров имеет весьма противоречивый характер. Так, в частности, в случае применения метода сравнительного правоведения, историко-правового метода при проведении исследования стадии арбитража отождествляются со стадиями гражданского судопроизводства¹.

Подход к содержанию стадий является в науке общим, но некоторые авторы выделяют различное количество стадий. В частности, В. М. Сырых обосновывает стадии: возбуждение дела; сбор и оценка фактов; поиск нормы права; юридическая квалификация; вынесение решения². Разграничение же категорий «судопроизводство» и «процесс» позволяет избежать указанных противоречий, вызванных смешением понятия «стадия» в рамках деятельности по рассмотрению и разрешению дела и понятием «этап» в механизме третейской защиты.

¹ *Зайцев А. И.* Третейское судопроизводство в России (проблемные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 1–26.

² *Сырых В. М.* Теория государства и права : учебник / В. М. Сырых. 6-е изд., переаб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012. С. 691.

На этом основании можно определить стадии третейского разбирательства как последовательно сменяющие друг друга этапы деятельности частного правоприменения третейского суда при рассмотрении и разрешении гражданско-правового спора.

Способ установления правил третейского разбирательства уточняет порядок рассмотрения и разрешения спора. Такие особенности predeterminedены кругом обстоятельств, а именно: цель арбитража, правовая природа третейского разбирательства, его принципы и др. Правовая природа и принципы арбитража позволяют отдельно остановиться на такой его особенности, как сочетание частных и публичных начал в его установлении (определении).

Приоритет в установлении правил арбитража обеспечивает частноправовое начало, которое носит диспозитивный характер в пределах, обозначенных законом. С целью выявления особенностей правоприменительной деятельности в рамках арбитража отметим, что порядок отправления правосудия всегда носит императивный характер и четко установлен нормативными актами, то есть механизм судебной защиты имеет исключительно публичные элементы. При этом строго установленный порядок отправления правосудия не умаляет действие принципа диспозитивности как одного из основополагающих в гражданском процессуальном праве.

Содержание правил арбитража в первую очередь определяется наличием частных начал в его установлении. Они выражаются в закреплённой законом возможности сторон в формировании процедуры арбитража. Как отмечает О. Ю. Скворцов: «институт третейского разбирательства, будучи в целом процессуальной по своему характеру совокупностью норм, не может рассматриваться исключительно в контексте процессуального права. Большая часть процессуальных норм порождается волей частных субъектов, то есть генетически находится в плоскости частного права. Таким образом, в данной сфере происходит своего рода

приватизация той сферы права, которая традиционно является монополией публичного права»¹.

Правоприменительная деятельность в третейском разбирательстве в основном носит частноправовой характер, определяется субъектами спора самостоятельно, в пределах, установленных законом. При условии соблюдения положений ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» стороны могут по своему усмотрению договориться о процедуре арбитража (часть 1 статьи 19).

Однако характеристика арбитража будет неполной, если рассматривать сочетание частных и публичных начал только в рамках установления правил арбитража. О сочетании частных и публичных начал следует отметить и в контексте правового регулирования. Указанная особенность обусловлена функциями государства в сфере защиты прав граждан и организаций. В данном случае сфера частного правоприменения предполагает вмешательство государства посредством реализации отдельных полномочий. С точки зрения цели государственной политики в сфере деятельности третейских судов формулируются две основные задачи: содействие деятельности третейских судов (развитие альтернативной формы защиты) и контроль (поскольку защита гражданских прав гарантирована государством).

Применительно к анализу специфики механизма судебной защиты целесообразно вести речь о включении «публичных» элементов, которые опосредованы задачами государства в указанной сфере и носят факультативный характер.

С позиции контроля за деятельностью третейских судов «публичным» элементом механизма судебной защиты выступают нормы о принудительном исполнении решения третейского суда, оспаривании решения третейского суда.

¹ Скворцов О. Ю. Институт третейского разбирательства в системе российского права / О. Ю. Скворцов // Известия высших учебных заведений. Серия. Правоведение. 2004. № 1 (252). С. 149.

Включение таких элементов, обусловленных реализацией задач государства в сфере третейского разбирательства, позволяет: с одной стороны, наиболее полно определить содержание отдельных институтов; с другой стороны, провести анализ законодательных изменений и перспектив в развитии действующего процессуального законодательства и норм, регулирующих арбитраж.

Частноправовой характер арбитража предусматривает возможность включения в свою структуру отдельных «публичных» элементов, опосредованных задачами государства в сфере правового регулирования деятельности третейских судов. «Публичные» элементы арбитража являются факультативными, не носят обязательный характер.

Указанный характер «публичных» элементов подтверждает и тот факт, что процессуальные возможности, ими обусловленные, распространяются лишь на функционирование постоянно действующих третейских учреждений. Поскольку основные функции в сфере государственного содействия и контроля возложены на суды, входящие в судебную систему¹, то нормативное регулирование «публичных» элементов осуществляется нормами гражданского и арбитражного процессуального законодательства.

Вместе с тем, следует отметить, что сочетание частных и публичных начал в правовом регулировании свойственно не только третейскому разбирательству, как деятельности по рассмотрению и разрешению гражданско-правовых споров, но и в целом характерно для сферы деятельности третейских судов. Так, «публичные» элементы, порожденные спецификой правового регулирования, включены в процедуру создания постоянно действующих третейских судов, их администрирования и т.д.

¹ Статья 6 «Органы для выполнения определенных функций содействия и контроля в отношении арбитража» Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

Важное значение имеет и альтернативный характер «третейской защиты», существование которого также обеспечивается «публичным» элементом, а именно нормой, определяющей возможность применения правила внешнего тождества к решениям третейского суда.

На основании изложенного, следует определить особенности арбитража (третейского разбирательства) как этапа третейской защиты:

1. В основе арбитража (третейского разбирательства) лежит конституционное право на судебную защиту, которое реализуется через призму нормы статьи 11 ГК РФ посредством заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда.

2. Деятельность третейского суда по рассмотрению и разрешению спора является правоприменительной деятельностью, осуществляемой негосударственным органом («частное» правоприменение).

3. Арбитраж отличен от порядка рассмотрения и разрешения дела государственным судом характером правоприменительной деятельности по защите прав, принципами и основанием установления.

4. Особенности арбитража обусловлены балансом частных и публичных интересов и находят свое отражение на определенных этапах реализации механизма судебной защиты гражданских прав (альтернативной формы защиты), другими словами, частноправовой характер арбитража предусматривает возможность включения в свою структуру отдельных «публичных» элементов, опосредованных задачами государства в сфере правового регулирования деятельности третейских судов.

В контексте обозначенных выводов отметим, что стадией третейского разбирательства принудительное исполнение не является. Процессуальная возможность принудительного исполнения связана с реализацией задачи государства по содействию в деятельности и развитии третейских судов. С целью решения данной задачи в механизм судебной защиты прав в рамках арбитража включен «публичный» элемент, предполагающий возможность принудительно исполнить решение третейского суда, который носит

факультативный характер и осуществляется согласно исполнительному листу, выданному на основании акта государственного суда.

Обозначим ряд ключевых выводов:

Во-первых, механизм судебной защиты гражданских прав как правоприменительную деятельность, направленную на реальное восстановление нарушенных или оспоренных гражданских прав, следует рассматривать как систему. При этом под системой, в общем ее смысле, понимается «совокупность элементов произвольной природы, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность». Подобное понимание механизма защиты гражданских прав позволит на протяжении всей работы использовать, наряду с другими, и системный метод проведения научного исследования. Механизм судебной защиты гражданских прав необходимо определить как систему взаимосвязанных правовых явлений, при последовательной реализации которых посредством правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов (органов) достигается общая цель – защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Во-вторых, механизм судебной защиты гражданских прав состоит из двух основных этапов: рассмотрение и разрешение гражданского дела и исполнение решения суда. В этом контексте механизм судебной защиты гражданских прав представлен в трех формах. К числу основных форм относятся гражданский и арбитражный процесс. Первый этап механизма судебной защиты (рассмотрение и разрешение гражданского дела) будет исчерпываться понятием «гражданское судопроизводство», а указание на оба этапа механизма судебной защиты (включая этап исполнения итогового судебного акта) исчерпываться понятием «гражданский процесс». Указанный механизм судебной защиты может быть реализован с участием другого суда – арбитражного. В этом случае первый этап механизма судебной защиты реализуется посредством отправления правосудия арбитражным судом в порядке «арбитражного судопроизводства», а общая характеристика

механизма судебной защиты с включением этапа принудительного исполнения будет исчерпываться понятием «арбитражный процесс».

В-третьих, помимо основных форм, механизм судебной защиты гражданских прав реализуется посредством альтернативной формы. Первый этап механизма судебной защиты реализуется путем арбитража (третейского разбирательства), а общая характеристика механизма судебной защиты с включением этапа принудительного исполнения будет исчерпываться понятием «третейская защита».

В-четвертых, характеристика первого этапа третейской защиты имеет определенную специфику. Она обусловлена сочетанием частных и публичных начал в правовом регулировании: частноправовой характер арбитража предусматривает возможность включения в свою структуру отдельных «публичных» элементов, опосредованных задачами государства в сфере правового регулирования деятельности третейских судов.

В-пятых, рассмотрение принудительного исполнения решения третейского суда как неотъемлемой части механизма судебной защиты гражданских прав требует проведения более подробного научного исследования, поскольку сама природа принудительного исполнения связана не только с целью деятельности (реальное восстановление нарушенных прав), но и с правовой природой решения третейского суда.

В этой связи необходимым для подробного изучения выступает вопрос исполнимости решения третейского суда. Более того, нормы гражданского и арбитражного процессуального законодательства включают институт выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Это требует не только определить природу указанного правового института, но и его место в рамках принудительного исполнения решения третейского суда именно в контексте его рассмотрения как этапа механизма третейской защиты.

Следовательно, два указанных ключевых вопроса станут предметом научного анализа в рамках отдельных глав настоящей работы.

ГЛАВА 2. РЕШЕНИЕ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ИСПОЛНИМОСТЬ И ИСПОЛНЕНИЕ

2.1. Правовая природа решения третейского суда

Эффективность деятельности конкретного третейского суда связывается с юридической силой итогового акта – решения такого суда. Это актуально и на современном этапе развития правоприменительной деятельности.

К числу первых комплексных исследований относительно третейских судов в Новейшей истории можно отнести труды Е. А. Виноградовой и Е. М. Цыгановой¹. В настоящее время проблема правовой природы и места арбитража остается дискуссионной и интересует современных ученых².

Многими авторами признается, что «арбитражное решение имеет набор специфических свойств, выделяющих его из ряда сходных правовых явлений»³.

Активизация научной мысли может быть связана с выражением воли государственной власти по поводу развития альтернативных форм урегулирования споров в целом, третейских судов – в частности, обновлением законодательной базы в указанной сфере. В последние годы

¹ См.: *Виноградова Е. А.* Правовые основы организации и деятельности третейского суда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 1–37; *Цыганова Е. М.* Проблемы правового регулирования организации и деятельности коммерческих третейских судов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1996. С. 1–18.

² См., в частности: *Чупахин И. М.* Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 1–29; *Бондаренко В. Е.* Место арбитража и медиации в системе разрешения гражданско-правовых споров : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 1–189; *Каламова Ю. Б.* Исполнение третейского решения как альтернативная гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 1–186.

³ *Курочкин С. А.* Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика / С. А. Курочкин. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 20.

были сформулированы научные воззрения по поводу арбитража (третейского разбирательства), как на уровне диссертационных исследований¹, так и отдельных дискуссионных высказываний, в том числе в вопросах правовой природы решения третейского суда.

Так, Т. В. Летута, рассуждая о неоднозначности решения третейского суда как правового института, отмечает, что «... вопросы правовой природы решения и его легитимации, то есть придания законности или государственного признания юридической силы, решения третейского суда приобретают особый научный и практический интерес»². Е. В. Михайлова указывает на отсутствие «единства во взглядах на природу самого третейского соглашения и непосредственно третейского разбирательства»³, следовательно, и на правовую природу решения третейского суда, как результат правоотношения.

При этом многими процессуалистами решение третейского суда характеризуется с различных правовых позиций.

К первой группе с уверенностью можно отнести сторонников того, что в основе всего генетическая природа института арбитража. Традиционно дискутируют представители двух основных теорий: договорной (консенсуальной) и процессуальной (юрисдикционной).

¹ См., в частности: *Попов М. А.* Теоретические и практические проблемы российской модели регулирования деятельности третейских судов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 1–23; *Зайцев А. И.* Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 1–26; *Курочкин С. А.* Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 1–28; *Лебедев М. Ю.* Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 1–30; *Гавриленко В. А.* Третейское разбирательство споров как гарантия защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 1–26; *Гимазова Э. Н.* Гражданско-правовые средства обеспечения третейской защиты субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 1–24.

² *Летута Т. В.* Правовая природа решения третейского суда Т. В. Летута // Современное право. 2013. № 5. С. 72–75.

³ *Михайлова Е. В.* Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) / Е. В. Михайлова. М. : Проспект, 2015. С. 118.

Общий смысл договорной (консенсуальной) доктрины сводится к тому, что договор об арбитраже включает в себя: 1) третейское соглашение; 2) третейское решение.

При этом, в момент заключения третейского соглашения стороны принимают на себя обязательство исполнить решение арбитража. Отношения сторон имеют характер гражданско-правового договора, и решение третейского суда рассматривается как своего рода новация. Истоки этой теории начинаются в римском праве. Ее развитие также связывают с именем Ф. Мерлена – французского юриста начала XIX века¹. Среди современных последователей договорной теории можно назвать Е. В. Михайлову², А. И. Муранова³, М. А. Рожкову⁴.

Процессуальная (юрисдикционная) теория базируется на альтернативном характере третейского соглашения, то есть обращении в арбитраж, в этом проявляется ключевое значение такого соглашения. Арбитр при рассмотрении дела руководствуется процессуальным законом, а решение третейского суда выступает как акт волеизъявления арбитра, имеющее такое же юридическое значение, как и решение государственного суда (А. С. Ванеев, Д. Б. Дякин⁵, С. А. Курочкин⁶).

¹ *Скворцов О. Ю.* Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации : учебник для бакалавриата и магистратуры / О. Ю. Скворцов. М.: Юрайт, 2017. С. 61.

² *Михайлова Е. В.* Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) / Е. В. Михайлова. М. : Проспект, 2015. С. 118.

³ *Муранов А. И.* В поддержку третейских проектов Минюста России / А. И. Муранов // Третейский суд. 2014. № 2/3 (92/93). С. 281.

⁴ *Рожкова М. А.* Миротворческая сделка: использование в коммерческом обороте / М. А. Рожкова. М.: Статут, 2005. С. 36–37.

⁵ *Ванеев А. С.* Действительность арбитражной оговорки в российской и зарубежной практике / А. В. Ванеев, Д. Б. Дякин // Вестник международного коммерческого арбитража. 2010. № 1 (1). С. 39.

⁶ *Курочкин С. А.* Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» (030501 – специалист, 030500-62 – бакалавр, 030500-68 – магистр) / С. А. Курочкин ; Уральский государственный юридический университет, Кафедра гражданского процесса. М. : Статут, 2017. С. 11.

Основной смысл смешанной теории (доктрины *sui generis*), объединяющей две предыдущие концепции, состоит в том, что третейское соглашение, условия его действительности, правосубъектность участников регулируются нормами материального права (гражданского, договорного), а само разбирательство в арбитраже осуществляется при использовании конструкций процессуального права (Л. П. Ануфриева¹, М. А. Дубровина², В. В. Ярков³).

Изучение вопроса относительно описываемых концепций позволило идентифицировать в науке также автономную теорию, концессуальную, теорию частного процессуального права, а также теорию деюризации арбитража. Однако они не нашли широкого понимания, пропагандируются отдельными представителями научного сообщества. Так, например, деюризация арбитража имеет, пожалуй, единственного сторонника – Р. Давида – автора этой теории⁴.

Таким образом, вопрос относительно правовой природы решения третейского суда по-прежнему порождает дискуссии.

В рамках первой главы настоящего исследования был проведен анализ третейского разбирательства как деятельности, носящей характер частного правоприменения, которое осуществляется в рамках механизма судебной защиты гражданских прав. Вместе с тем, правоприменительная деятельность традиционно рассматривается как особая форма реализации права⁵. Одним из основных признаков, определяющих специфику указанной формы реализации права, выступает специальный субъект. И если в рамках узкой

¹ *Ануфриева Л. П.* Международное частное право : в 3 т. / Л. П. Ануфриева. Т. 3 : Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. М.: БЕК, 2001. С. 146.

² *Дубровина М. А.* Международный коммерческий арбитраж в Швейцарии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 11.

³ Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» // Третейский суд. 2003. № 2 (26). С. 6.

⁴ *David R.* Arbitration in International Trade / by René David. Antwerp ; Boston : Kluwer Law and Taxation Publications, [1985]. P. 1–482.

⁵ *Матузов Н. И.* Теория государства и права: учебник для вузов / Н. И. Матузов, А. В. Малько ; Институт государства и права РАН. М.: Юрист. 2004. С. 161.

трактовки правоприменения эту деятельность осуществляет орган государственной власти¹, то в рамках иного подхода к анализу правоприменения специальный субъект понимается более широко².

Согласно положениям пункта 2 статьи 2 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», арбитраж (третейское разбирательство) представляет собой процесс разрешения спора третейским судом и, по смыслу статьи 32 указанного закона, принятия решения третейским судом (арбитражного решения).

Показательно, но терминологическое определение «решение третейского суда», равно как и «арбитражное решение», в законодательстве не расшифровано. При этом ранее в отечественном праве употреблялось понятие именно «решение третейского суда». Формулировка «арбитражное решение» использовалась, скорее, в контексте перевода с английского³. В качестве синонима термину «решение третейского суда» в Законе Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже»⁴ говорится об «арбитражном решении». В настоящее время с учетом принятия ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» укрепляемся в выводе об употреблении обоих указанных терминов как синонимов.

Одной из существенных теоретических проблем, которые необходимо разрешить с целью выработки определения понятию «решение третейского суда» («арбитражное решение») является рассмотрение данного акта с позиции итогового акта частного правоприменения. То есть следует определить: что является сущностным содержанием решения третейского суда.

¹ Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник для вузов / Н. И. Матузов, А. В. Малько ; Институт государства и права РАН. М. : Юрист. 2004. С. 161.

² Елисеев А. П. Некоторые аспекты правоприменительной деятельности как особой формы реализации права / А. П. Елисеев, А. А. Мухортов // Пробелы в российском законодательстве. 2004. № 6. С. 225–229.

³ «Arbitralaward», «award».

⁴ Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 27.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

В указанном аспекте анализу подвергается цель (результат) частного правоприменения (арбитража) – «обеспечение оптимального функционирования комплекса общественных отношений, на которые оказывается воздействие, и создание условий для их дальнейшего развития»¹.

Не вполне эффективным видится использование сравнительного метода исследования, где на основании установленных в науке гражданского процессуального права представлений о судебном решении как акте правосудия, которым дело разрешается по существу, можно выявить отличительные особенности итогового акта третейского суда.

Вместе с тем, ряд авторов анализируют правовую природу решения третейского суда в сравнительной характеристике с итоговым актом государственного суда².

Следует отметить, что традиционно вопросам понятия и сущности судебного решения в науке гражданского процессуального права уделено достаточно внимания со стороны классиков российского цивилистического процесса³, особенно в советский период⁴. Но использование подобной методологии в данном случае не позволит выделить характеристики

¹ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж как формы частного правоприменения / С. А. Курочкин // Правоприменение. Омск, 2017. Т. 1, № 2. С. 220.

² См., в частности: Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации: учебник для бакалавриата и магистратуры / О. Ю. Скворцов. М.: Юрайт, 2017. С. 207–208.

³ См.: Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства / сочинение Кронида Малышева, доцента Санкт-Петербургского университета. 2-е испр. и доп. изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1. С. 1–444; Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е. А. Нефедьев. М. : Тип. Имп. Моск. Ун-та, 1909. С. 1–403; Энгельман И. Э. Курс русского гражданского судопроизводства / И. Е. Энгельман, заслуженный профессор, почетный член Университетов св. Владимира и Юрьевского. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. XVI, с. 1–632; и др.

⁴ См.: Краснокутский В. А. Очерки гражданского процессуального права: опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по судопроизводству и гражданскому судопроизводству / В. А. Краснокутский. Кинешма : Изд. Ив.-Вознесенск. губсоюз, 1924. С. 1–172; Абрамов С. Н. Советский гражданский процесс : учебник для юридических школ / С. Н. Абрамов ; Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. М. : Госюриздат, 1952. С. 1–420; Авдюков М. Г. Судебное решение / М. Г. Авдюков. М. : Госюриздат, 1959. С. 1–192; Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права : (очерки по истории) / А. Ф. Клейнман. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 1–119; и др.

сущностного содержания рассматриваемого решения именно с позиции правоприменительной деятельности.

Анализ решения третейского суда через конструкцию правоотношения в целом и оценка его как юридического факта также не является приемлемой. Рассмотрение правоприменительного акта как юридического факта в рамках охранительных отношений подвергалось критике еще С. С. Алексеевым в 1973 году¹, и в последующий период поддерживалось большинством процессуалистов².

Основываясь на промежуточных выводах, обозначенных ранее, определим решение третейского суда как акт частного правоприменения, выносимый в результате разрешения третейским судом спора по существу. Завершением правоприменительной деятельности в целом является исполнение решения суда, выраженного в акте применения права.

В характеристике сущности акта правоприменения с точки зрения правового регулирования согласимся с мнением М. Ф. Орзиха: «при индивидуальном регулировании правоприменительный акт вообще является не юридическим фактом, а средством регулирования. Наделение субъектов общественного отношения правами и обязанностями происходит здесь не потому, что акт применения является «рычажком», приводящим в действие юридическую норму, а потому, что на основе юридических норм этот акт выражает индивидуальную регламентацию общественных отношений»³.

¹ Проблемы теории права: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). Курс лекций в 2-х томах. Т. 2 / С. С. Алексеев ; Науч. ред.: Русинов Р. К.; Отв. за вып.: Семенов В. М. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. С. 1–401; *Алексеев С. С.* Собрание сочинений : в 10 т. / С. С. Алексеев. М. : Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории и права : курс лекций. С. 588.

² См., в частности: *Авдюков М. Г.* Судебное решение / М. Г. Авдюков. М. : Госюриздат, 1959. С. 21; *Чечот Д. М.* Избранные труды по гражданскому процессу / Д. М. Чечот. СПб. : Изд. дом С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 240; *Добровольский А. А.* Основные проблемы исковой формы защиты права / А. А. Добровольский, С. А. Иванова ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М. : Изд-во МГУ, 1979. С. 80–81.

³ *Орзих М. Ф.* Формы реализации норм социалистического права / М. Ф. Орзих // Советское государство и право. 1968. № 2. С. 102; *Алексеев С. С.* Собрание сочинений : в

Основываясь на выработанных теорией права позициях относительно признаков акта правоприменения, а также сущностной характеристики акта частного правоприменения выделим основные признаки решения третейского суда.

Во-первых, решение третейского суда представляет собой акт частного правоприменения, характеризует завершение деятельности третейского суда в рамках разрешения конкретного гражданско-правового спора, переданного сторонами в третейский суд на основе третейского соглашения. Третейские суды возникли ранее судов государственных, по своей характеристике являются органом по разрешению споров, формируемым наиболее демократичным способом.

Благодаря своей конструкции, третейский суд может правильно развиваться только в условиях свободных гражданских отношений и исключительно на договорном начале. Римские юристы эти принципы согласно тогдашним воззрениям на право строго, систематизировали и довели их развитие до удивительного совершенства¹.

При этом решение третейского суда с точки зрения правовых последствий классифицировалось на действительное и недействительное, и тогда не имеющее никакой силы².

Во-вторых, решение третейского суда является средством регулирования отношений, а не юридическим фактом. Другими словами, в основе арбитража лежит конституционное право на судебную защиту, которое реализуется через призму нормы статьи 11 ГК РФ посредством заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда. При этом вынесение третейским судом решения необходимо сторонам для

10 т. / С. С. Алексеев. М. : Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории и права : курс лекций. С. 589.

¹ Волков А. Ф. Исторический очерк развития третейского судопроизводства // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский Дом «Городец», 2005. С. 740.

² Вицин А. И. Значение третейских судов в торговом обороте // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 747.

дальнейшего регулирования существующих отношений. Согласно положениям статьи 33 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», если в ходе арбитража стороны урегулируют спор, третейский суд прекращает третейское разбирательство и по просьбе сторон принимает арбитражное решение на согласованных условиях. Это решение имеет ту же силу и подлежит исполнению так же, как и любое другое арбитражное решение по существу спора. Третейский суд утверждает мировое соглашение сторон, облакая его в форму арбитражного решения на согласованных условиях.

В-третьих, решение третейского суда не содержит государственно-властное веление, не становится общеобязательным. Именно веление характеризует решение государственного суда как акта правосудия, имеет формальные проявления (выносится от имени государства) и проявляется в свойстве общеобязательности для всех органов и организаций, а не только для участников процесса. По мнению С. С. Алексеева, «индивидуальные государственно-властные веления в какой-то степени схожи с нормативными юридическими предписаниями. И те, и другие воплощают властную государственную волю, являются юридически обязательными, «авторитарными». И те, и другие образуют «активные части» механизма правового регулирования, в котором проводят реальную «энергию», идущую от государства»¹.

В-четвертых, свойствами законной силы решение третейского суда не обладает. Для сущности решения государственного суда, как акта правосудия, важнейшим элементом выступает его законная сила, общеобязательность, выражающаяся в исключительности, неопровержимости, в ряде случаев – исполнимости и преюдициальности².

¹ Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. / С. С. Алексеев. М. : Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории и права : курс лекций. С. 667.

² Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред.

Дискуссия относительно законной силы решения третейского суда, точнее, его вступления в законную силу, корректности использования такой формулировки применительно к арбитражному решению берет свое начало еще в дореволюционный период. В 1912 году Т. М. Яблочков, отвечая на вопрос «Когда же вступает решение в законную силу?», указывал: «... решения третейских судов обжалованию не подлежат, а потому также получают неопровержимость, исключительность и исполнимость с момента их постановления»¹. И. Е. Энгельман в то же время полагал, что «в законную силу вступают решения всякого рода, третейские и уголовные»².

Анализ основных отечественных доктринальных положений относительно законной силы судебного решения приведен А. Ф. Клейнманом в 1967 году, в работе «Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права»³. Руководствуясь достижениями А. Ф. Клейнмана⁴, на основе высказываний М. Г. Авдюкова⁵, М. А. Гурвича⁶, Н. Б. Зейдера⁷, Д. И. Полумордвинова⁸, Н. А. Чечиной¹, Д. М. Чечота² и ряда других авторов,

М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский Дом «Городец», 2005. С. 538.

¹ Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 555.

² Энгельман И. Е. Курс гражданского судопроизводства // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 558.

³ Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 578–585.

⁴ Там же. С. 534–538, 578–585.

⁵ Авдюков М. Г. Судебное решение // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 534, 538–541, 564–578.

⁶ Гурвич М. А. Судебное решение: теоретические проблемы / М. А. Гурвич ; Всесоюзный юридический заочный институт. М.: Юрид. лит., 1976. С. 86–93, 135–170.

⁷ Зейдер Н. Б. Судебное решение и спорное право / Н. Б. Зейдер // Правоведение. 1958. № 2. С. 79–90; Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. М. : Юрид. лит., 1966. С. 1–190.

⁸ Полумордвинов Д. И. Законная сила судебного решения / Д. И. Полумордвинов ; Акад. наук Грузинской ССР, Ин-т экономики и права. Тбилиси : Изд-во Акад. наук Грузинской ССР, 1964. С. 1–188.

обобщим, что вступление в законную силу судебного решения порождает определенные правовые последствия; судебное решение наделяется рядом свойств, а именно: неопровержимость, исключительность, преюдициальность, обязательность, исполнимость.

В настоящее время отдельные авторы наделяют указанными свойствами и решения третейских судов. В контексте настоящего исследования данный вопрос требует уточнения.

Одним из свойств законной силы акта правосудия является неопровержимость судебного решения, которая означает невозможность его обжалования после вступления в законную силу. В третейском суде отсутствует порядок обжалования решения в вышестоящую инстанцию. Следовательно, речь может идти лишь о внутреннем самоконтроле, до момента вынесения решения третейским судом. В соответствии с пунктом 1 статьи 36 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» арбитраж прекращается решением, согласно пункту 4 этой же статьи полномочия третейского суда прекращаются одновременно с прекращением арбитража. Исключение составляет необходимость исправления и разъяснения арбитражного решения, вынесения дополнительного арбитражного решения, возобновления третейского разбирательства в порядке статьи 37 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Какой-либо последующий контроль со стороны третейского суда невозможен. Функция государственных судов в отношении судов третейских (раздел VI ГПК РФ, глава 30 АПК РФ) носит иной правовой характер и не связана с проверкой арбитражного решения по существу.

¹ Чечина Н. А. Судебное решение как акт государственной власти / Н. А. Чечина // Вопросы советского государства и права. Л., 1954. С. 135–153. (Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова / Юридический факультет. Серия юридических наук; № 182, Выпуск 5).

² Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д. М. Чечот. СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та. 2006. С. 235–284.

Окончателность, присущая решению третейского суда, выступает специфичным проявлением свойства неопровержимости судебного решения. Арбитражное решение в последующем не пересматривается по существу ни самим третейским судом, ни государственным судом.

Исключительность, как составляющая «*res judicata*», предполагает недопустимость рассмотрения судом государственным тождественного дела, рассмотренного третейским судом. Прежде всего, исключительность в своем проявлении действует через правило внешнего тождества исков.

На первый взгляд действие указанного правила внешнего тождества проявляется в полномочиях суда общей юрисдикции и арбитражного суда отказать в принятии искового заявления (пункт 3 части 1 статьи 134 ГПК РФ и пункт 3 части 1 статьи 127¹ АПК РФ), а также полномочиях прекратить производство по делу (абзац 6 статьи 220 ГПК РФ и пункт 3 части 1 статьи 150 АПК РФ) в случае, если имеется ставшее обязательным для сторон и принятое по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решение третейского суда, за исключением случаев, если суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда либо если суд отменил указанное решение. Однако данное выше нормативное ограничение установлено как гарантия сохранения альтернативного характера арбитража, в качестве альтернативной формы защиты. Государство подчеркивает не «предварительный» (как, например, в случае с административной формой защиты), а «окончательный» характер третейского разбирательства, используемый наряду с правосудием для разрешения гражданских дел и защиты прав субъектов.

Преюдициальность, присущая вступившему в законную силу решению государственного суда и закреплённая законодательно, не вызывает никаких сомнений. Дискуссию порождает такое свойство применительно к решению третейского суда.

Например, четкой позиции относительно преюдициальности арбитражных решений придерживается Е. В. Михайлова: факты,

установленные в решении третейского суда, могут быть признаны преюдициальными при условии, что таковое решение стало обязательным, а момент обязательности автор данной концепции связывает с получением исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда¹.

Несмотря на существование отличных точек зрения, исходим из того, что в процессуальном законодательстве не содержатся правовые нормы о преюдициальности решения третейского суда. Как отмечает О. Ю. Скворцов, «... вывод об обстоятельствах, установленных решением третейского суда, не связывают другой суд (как государственный, так и третейский), рассматривающий эти же факты в другом деле»². Если сторона – участник гражданского или арбитражного процесса ссылается на решение третейского суда, то оно квалифицируется государственным судом как письменное доказательство.

Действующее отечественное, как, впрочем, и зарубежное законодательство, содержит нормы об обязательности арбитражного решения лишь для сторон третейского разбирательства.

Обязательность в контексте решения третейского суда выступает как продолжение третейского соглашения, когда стороны, заключив его, приняли на себя обязанность добровольно исполнять арбитражное решение (статья 38 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»).

Формулировка «арбитражное решение стало обязательным для сторон третейского разбирательства» означает, что для обязанной стороны уже наступило время для добровольного исполнения решения третейского суда, а для стороны, в пользу которой вынесено арбитражное решение, имеется возможность для обращения в государственный суд за выдачей

¹ Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) / Е. М. Михайлова. М. : Проспект, 2015. С. 121.

² Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации : учебник для бакалавриата и магистратуры / О. Ю. Скворцов. М. : Юрайт, 2017. С. 208.

исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если другая сторона добровольно его не исполняет.

Следовательно, обязательность арбитражного решения не совпадает с общеобязательностью решения суда государственного.

Таким образом, полагаем формулировку «законная сила» применительно к решениям третейского суда неприменимой. Допустимо вести речь о том, что арбитражное решение стало обязательным для сторон третейского разбирательства с момента его вынесения, если иное не установлено в самом решении, то есть третейский суд, исходя из конкретной ситуации, вправе в решении указать срок, в течение которого обязанная сторона должна исполнить таковое решение.

В-пятых, нельзя умалять такие значимые с позиции содержания любого акта правоприменения требования, как законность и обоснованность. Подчеркнем, что требования законности и обоснованности предъявляются к любому правоприменительному акту, включая решения государственных судов и решения третейских судов.

Решение третейского суда является актом юрисдикционного органа, разрешающего гражданско-правовой спор. Будучи актом правоприменения, решение третейского суда должно быть законным и обоснованным¹.

О требовании законности арбитражного решения свидетельствуют положения статьи 31 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», где указано, что третейский суд разрешает спор в соответствии с нормами российского права ..., нормами права, которые стороны указали в качестве применимых к существу спора ..., нормами материального права, определенными третейским судом в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимым.

¹ Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации : учебник для бакалавриата и магистратуры / О. Ю. Скворцов. М. : Юрайт, 2017. С. 208.

Согласно пункту 7 части 2 статьи 34 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», в арбитражном решении указываются: обстоятельства дела, установленные третейским судом, доказательства, на которых основаны выводы третейского суда об этих обстоятельствах, правовые нормы, которыми руководствовался третейский суд при принятии арбитражного решения, что свидетельствует об обоснованности такого решения.

Однако относительно формы и содержания арбитражного решения законодателем сделана оговорка: «если стороны не договорились об ином». Означает ли это, что таким образом требование обоснованности, применительно к решению третейского суда, нивелируется? Очевидно, нет.

Подобный вывод следует из анализа иных норм ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Так, в статье 26 сформулировано категоричное правило о том, что «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на обоснование своих требований и возражений. Третейский суд вправе, если сочтет предоставленные доказательства недостаточными, предложить сторонам представить дополнительные доказательства». Необходимо отметить, что подобные обязанности вменяются сторонам – участникам гражданского и арбитражного процесса (статья 56 ГПК РФ, статья 65 АПК РФ). Формулировка же «если стороны не договорились об ином» красной нитью проходит сквозь законодательство о третейских судах, как в действующей интерпретации, так и Федеральном законе «О третейских судах в Российской Федерации»¹. Это скорее имеет отношение к принципу диспозитивности и в целом к тем преимуществам третейского разбирательства, которые могли бы явиться для спорящих сторон более привлекательными, нежели обращение за защитой в государственный суд, а именно: стороны вправе по своему

¹ Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации». С 01.09.2016 нормы данного документа не применяются, за исключением арбитража, начатого и не завершеного до дня вступления Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ (часть 7 статьи 52 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ).

усмотрению договориться о процедуре арбитража; и только при отсутствии таковой договоренности третейский суд может с соблюдением положений ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» осуществлять арбитраж таким образом, какой он посчитает надлежащим (статья 19).

Вместе с тем, содержание указанных требований применительно к рассматриваемому акту не тождественно содержанию требований законности и обоснованности судебного решения. Это связано в том числе и с тем обстоятельством, что в контексте третейского разбирательства отсутствует система проверки актов как таковая, что еще раз подчеркивает различную правовую природу решения третейского суда как акта частного правоприменения и акта правосудия.

К решениям третейских судов не применяются термин «обжалование»: «оспаривание», о котором идет речь в главе 7 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», главе 46 ГПК РФ, § 1 главы 30 АПК РФ, не может выступать в качестве синонима к формулировке «обжалование». К тому же отмечаем некорректность и термина «оспаривание» применительно к арбитражным решениям. По сути, в процессуальных кодексах речь идет об основаниях «отмены» решения третейского суда. Компетентный суд в данном случае не устанавливает какую-либо «спорность» в правоотношении сторон третейского разбирательства, а связан исключительно наличием либо отсутствием оснований для отмены решения третейского суда (статья 421 ГПК РФ, статья 233 АПК РФ).

2.2. «Исполнимость» и «исполнение» как основные категории, определяющие место принудительного исполнения в механизме третейской защиты

Как уже отмечалось, согласно статье 11 ГК РФ «Судебная защита гражданских прав» защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд в соответствии с их компетенцией. При этом судебный акт должен быть исполнен, в том числе при помощи механизма государственного принуждения, иначе «право на судебную защиту нельзя признать реализованным, как раз в силу неразрывной связи права на исполнение с указанной правовой категорией»¹.

Вместе с тем в процессуальной литературе неоднозначно употребление категорий «исполнение судебного акта» и «исполнимость судебного акта», которые имеют различное содержание, их смешение приводит к неверным выводам и некорректному употреблению применительно к альтернативным формам защиты. Единого мнения относительно понимания категории «исполнимость» при определении состава свойств законной силы решения суда, а также ее юридической природы в настоящее время не существует.

Проследим трансформацию научного понимания природы исполнимости акта правосудия.

В 1912 году Т. М. Яблочков в издании «Учебник русского гражданского судопроизводства» к главным юридическим эффектам законной силы судебного решения относил его исполнимость, то есть способность его подлежать принудительному исполнению². В аналогичный

¹ Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных решений и право на судебную защиту: вопросы соотношения / Е. Н. Кузнецов // Юридические исследования. 2018. № 10. С. 10–20.

² Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 555.

период И. Е. Энгельман возможность принудительного исполнения определял через обязательность как составную часть законной силы¹.

С. Н. Абрамов в учебнике «Советский гражданский процесс» указывал: «исполнимость означает, что решение, вступившее в законную силу, если оно не исполнено добровольно, может быть приведено в исполнение в принудительном порядке»².

В 1966 году Н. Б. Зейдер пояснял, что «под исполнимостью судебного акта следует понимать возможность принудительного исполнения этого акта, то есть осуществление специальными государственными органами ряда мероприятий, которые направлены на реализацию судебного акта помимо воли лица, обязанного по этому акту лица»³.

Д. М. Чечот констатировал: «Исполнимость, с нашей точки зрения, лишь один из элементов обязательности, причем элемент, который свойствен не всем судебным решениям, в частности не свойствен решениям о признании»⁴.

В рассматриваемый период времени отличавшейся от преобладающей выступала позиция М. Г. Авдюкова, который в понятие исполнимость включал не только принудительное, но и добровольное исполнение решения суда. Это было связано, по мнению ученого, с необходимостью расширения

¹ Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 559.

² Абрамов С. Н. Советский гражданский процесс // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 564.

³ Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. М. : Юрид. лит., 1966. С. 170.

⁴ Чечот Д. М. Некоторые вопросы вступления судебных решений в законную силу / Д. М. Чечот // Вопросы государства и права : сборник статей / отв. ред. Г. И. Петров. Л., 1958. С. 140–157, 142. (Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова / Юридический факультет. Серия юридических наук; № 255, Выпуск 10).

указанного свойства исполнимости на решения по всем искам, а не только искам о присуждении¹.

Также следует выделить позицию М. А. Гурвича, изложенную в 1976 году в монографии «Судебное решение. Теоретические проблемы». Особенность понимания категории «исполнимость» была связана с концепцией законной силы М. А. Гурвича, в рамках которой исполнимость не рассматривалась как черта законной силы и относилась к последствиям действия решения².

Таким образом, анализ научной литературы за период с начала XX века до его 70-х годов позволяет сделать несколько промежуточных выводов:

- 1) категории «исполнение» и «исполнимость» судебного акта имели в процессуальной науке различное содержание;
- 2) исполнимость судебного акта традиционно рассматривалась как составляющая его законной силы;
- 3) преобладающей среди ученых-процессуалистов выступала позиция понимания исполнимости как возможности принудительного исполнения акта правосудия.

После принятия Конституции РФ 1993 года в рамках развития системы органов государства, в том числе формировалась система принудительного исполнения, в связи с изданием в 1997 году Федерального закона от

¹ *Авдюков М. Г.* Судебное решение // Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский Дом «Городец», 2005. С. 572–573.

² *Гурвич М. А.* Судебное решение. Теоретические проблемы / М. А. Гурвич. М. : Юрид. лит., 1976. С. 175, 147–150.

21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах»¹ и Федерального закона от 21.07.1997 № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве»².

Указанное обстоятельство повлияло на изменение направлений научных концепций в части исследования исполнимости судебных решений. Период конца XX – начала XXI века характеризуется двумя наиболее существенными.

Первое направление связано с выработкой новых доктринальных основ исполнительного производства. Исследования в данной области, безусловно, предполагали определенное переосмысление традиционных процессуальных понятий, в том числе законной силы судебного решения, его действия³.

Вторым направлением выступило исследование практических проблем вынесения решений, которые бы отвечали требованиям потенциальной исполнимости. Больше внимание стало уделяться требованиям, предъявляемым при вынесении решения. Важной выступила проблема вынесения решения судом, которое имело реальную перспективу быть исполненным судебными приставами-исполнителями и, наоборот, проблему вынесения решения, заведомо не имеющего возможность быть реально исполненным. И в этом контексте в литературе термин «исполнимость» в его традиционном доктринальном понимании все чаще начинает употребляться и при необходимости пояснить специфику вынесения решений, имеющих реальную перспективу исполнения. Наиболее разрабатываемой становится

¹ Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» // СЗ РФ. № 30. 1997. Ст. 3590. В настоящее время данный Федеральный закон имеет название «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»: Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (ред. от 21.12.2021).

² Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 30.12.2020, с изм. и доп., вступ. в силу 01.02.2022) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

³ См., в частности: *Ярков В. В.* Исполнительное производство: современное состояние / В. В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 12. С. 22–34; *Исаенкова О. В.* Исполнительное производство в Российской Федерации : курс лекций : учебное пособие для вузов / О. В. Исаенкова, А. Н. Балашов, И. Н. Балашова. М.: ГроссМедиа, 2008. С. 1–190.

идея «требования исполнимости» как требования, предъявляемого к судебным решениям.

В частности, Т. В. Соловьева, выдвигая теоретико-научное обоснование указанной выше проблеме, отмечает: «Судебный акт только тогда будет считаться справедливым, если его можно будет привести в исполнение. В том случае, если из содержания судебного акта не ясен порядок его исполнения, можно сказать, что он является ничтожным. Следовательно, все судебные акты независимо от судов какого звена судебной системы они исходят, должны в резолютивной части содержать указание на порядок их исполнения»¹.

Также примером может стать позиция, предложенная М. С. Борисовым в рамках диссертационного исследования. Исполнимость судебного решения им предлагается понимать, как элемент принципа *res judicata*, сущность которого, обусловленная приказом, содержащимся в решении суда, сводится к трем положениям: а) решение суда должно быть потенциально исполнимо; б) решение суда, ставшее обязательным для исполнения, должно быть исполнено; в) исполнение должно последовать в разумный срок².

Обратимся к традиционно выделяемым в науке гражданского процессуального права требованиям, предъявляемым к судебному решению, и ответим на вопрос: исполнимость следует относить к свойствам законной силы или требованиям, предъявляемым к судебным решениям?

В соответствии с гражданским процессуальным законодательством решение суда должно быть законным и обоснованным (часть 1 статьи 195 ГПК РФ). В пунктах 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) «О судебном решении»³ содержания

¹ Соловьева Т. В. Классификация судебных актов по критерию исполнимости / Т. В. Соловьева // Казанская наука. 2009. № 1. С. 331.

² Борисов М. С. Теоретические и практические проблемы законной силы судебного решения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 11.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.11.2020).

указанных требований раскрыты подробно. Понятие законности судебного решения представляет требование «к юридической, формальной стороне решения и включает в себя правильное применение судом норм материального права и точное соблюдение норм процессуального права, не исключая возможности применения судом норм материального или процессуального закона или права по аналогии»¹. Обоснованность решения «означает его правильность в фактическом смысле по отношению к установленным судом юридическим фактам и обстоятельствам»².

Также теория процессуального права выделяет и ряд дополнительных требований, в частности, такие как полнота и определенность. И если соблюдение требования полноты означает, что решение содержит исчерпывающие выводы в отношении заявленных требований, то определенность предполагает, что резолютивная часть решения указывает вариант поведения участников спорного правоотношения, какие конкретно действия должно совершить обязанное лицо. Именно в рамках соблюдения этого требования суд и определяет «потенциальную возможность фактического исполнения решения».

Так называемое «требование исполнимости судебных решений» имеет важное значение для правоприменительной деятельности, указание на порядок исполнения в резолютивных частях решений значимо с позиции юридической техники, но в рамках анализа категории «исполнимость» в доктринальном процессуальном понимании существенной роли не играет. Подтвердить подобное положение можно указанием на то, что суд при вынесении решений действует в пределах полномочий, разумно и законно, следовательно, учитывает потенциальную исполнимость решения.

¹ Правосудие в современном мире : монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой ; Верховный Суд РФ, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2019. С. 575–576.

² Там же. С. 576.

Возможность реально быть исполненным есть составляющая часть определенности как требования, предъявляемого к судебному решению.

Отметим, что ответ на вопрос о месте категории «исполнимость», а именно о ее применении в контексте требований к судебному решению или в рамках законной силы, имеет важное теоретическое значение и находится в сущности рассматриваемых явлений. Когда речь идет о требованиях, предъявляемых к решению государственного суда, закон исходит из того, что на момент вынесения акта правосудия он указанным требованиям уже отвечает, тогда как законная сила и ее свойства проявляются после истечения срока для апелляционного обжалования (если решение обжаловано не было) или вынесения апелляционного определения (если в результате апелляционного производства решение было оставлено без изменения). Указанный вывод поддерживается в науке и распространен не только на федеральные суды общей юрисдикции и арбитражные суды, но и суды субъектов (мировых судей)¹.

Это означает, что «исполнимость», как возможность принудительного исполнения, нельзя рассматривать в качестве требования, предъявляемого к судебным решениям. Применительно к требованиям можно говорить лишь о характеристике решения в части конкретизации резолютивной части для его реального исполнения. Это отчасти уточняет понятие «исполнимость» в контексте законной силы акта правосудия, но не умаляет его общий смысл.

Таким образом, следует различать термины «исполнение» и «исполнимость» применительно к судебным решениям. Категория «исполнение» предполагает как возможность добровольного, так и принудительного исполнения судебного решения, и является следствием их обязательности. «Исполнимость» судебного решения следует рассматривать исключительно в контексте категории «законная сила» как ее свойство.

¹ *Осипова М. С.* Обжалование постановлений мирового судьи в апелляционном порядке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 1–22; *Трофимова М. С.* История развития апелляции в гражданском процессе России: прошлое, настоящее, будущее / М. С. Трофимова // История государства и права. 2010. № 5. С. 2–6.

При этом необходимо отметить, что поскольку исполнимость характеризуется как возможность принудительного исполнения решения, то ее реализация завершается этапом выдачи исполнительного листа. Исполнимость – не тождество категории «принудительное исполнение судебного решения». Возможность принудительно исполнить судебное решение на первом этапе реализуется в виде процессуального действия суда по выдаче исполнительного листа по заявлению взыскателя и по его ходатайству направляется для исполнения непосредственно судом (для направления судом исполнительного листа на взыскание денежных средств в доход бюджета заявление взыскателя не требуется). Момент реализации свойства исполнимости имеет важное теоретическое значение для разграничения указанного свойства и порядка принудительного исполнения актов юрисдикционных органов в целом.

В теории процессуального права также имеются различные взгляды относительно как природы самой законной силы (статическая и динамическая теории), так и природы ее свойств и момента действия.

И. А. Невский рассматривает исполнимость как «последствие вступления решения в законную силу» и «как свойство судебного постановления вне зависимости от того, вступило оно в законную силу или нет»¹.

А. О. Манташьян считает, что «законная сила предшествует свойствам общеобязательности, неизменности, неопровержимости, исключительности, преюдициальности и исполнимости, являясь источником возникновения последних»².

¹ *Невский И. А.* Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 10.

² *Манташьян О. А.* Исполнимость судебного решения / О. А. Манташьян // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 9 (13). С. 134.

Следует обратиться к позиции сторонников выделения статического и динамического элементов в составе законной силы судебного решения¹.

Согласимся с мнением Т. В. Сахновой, в соответствии с которым «в природе законной силы судебного решения следует учитывать и статический, и динамический элементы. Статический обусловлен «восприятием» судебным решением свойств нормы объективного права, примененной в решении»² (неопровержимость, общеобязательность). Динамический элемент опосредован тем, что «нормы права (материального и процессуального) применяет уполномоченный на осуществление правосудия орган государственной власти (суд) в особой – гражданской процессуальной форме и для достижения особой социальной цели» (преюдициальность, исключительность, исполнимость). При этом исполнимость, как динамическое свойство законной силы, тесно связано с достижением цели судебной защиты.

Существенное значение для решения вопроса о наличии исполнимости применительно к решениям третейского суда имеет факт неразрывной связи «исполнимости» и законной силы акта правосудия.

Следовательно, в тех случаях, когда законная сила, как совокупность свойств, в которых выражается правовое действие акта, отсутствует, то и говорить об их наличии нецелесообразно. Для уточнения указанного положения обратим внимание на обстоятельство, согласно которому в науке гражданского процессуального права существует единое мнение о том, что судебному решению категория законной силы присуща всегда. Законная сила судебного решения – выражение государственной воли, но воли не абстрактно-императивной, а имеющей своим основанием нормы объективного права, примененные судом для разрешения спора о праве ...

¹ *Масленникова Н. И.* Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 1–17.

² *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 503–504.

Путь к законной силе основан на частноправовой инициативе; сама законная сила – явление публично-правовое¹.

При этом относительно применения категории «законная сила» к иным постановлениям суда первой инстанции существуют различные точки зрения². Так, спорным остается вопрос о законной силе судебных определений.

В отношении определений суда первой инстанции применение категории «законная сила» выводится на основе буквального толкования норм, регулирующих производство в суде апелляционной и кассационной инстанции, где в качестве объектов обжалования упоминаются акты, не вступившие и вступившие в законную силу (статья 331, часть 1 статьи 376 ГПК РФ и т.п.). При этом о наличии законной силы определений судов вышестоящих инстанций закон прямо дает положительный ответ (статья 335 ГПК РФ «Законная сила определения суда апелляционной инстанции», статья 391 ГПК РФ «Вступление в законную силу постановления или определения суда кассационной инстанции», статья 391.14 ГПК РФ «Вступление в законную силу постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации»).

Существует позиция, что все судебные определения обладают законной силой, но она не должна отождествляться с законной силой судебных решений³; также утверждается, что законная сила присуща не всем

¹ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 496–497.

² См., в частности: Абдуллина З. К. Определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969. С. 1–18; Червякова С. Л. Определения суда первой инстанции по гражданским делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1981. С. 1–21.

³ Скобелев В. П. Сущность и законная сила определений суда первой инстанции / В. П. Скобелев. Текст : электронный // Право и демократия : сб. науч. трудов / отв. ред. В. Н. Бибило. Минск, 2002. Вып. 14. С. 189–200. URL : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/21000/1/17_скобелев.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

определениям суда¹; отметим и мнение о том, что имеются основания для признания законной силы только за судебным постановлением, утвердившим мировое соглашение, достигнутое в ходе «развернутой» судебной процедуры².

Следовательно, можно говорить о том, что исполнимость, как свойство, связано с понятием «законная сила», которая, в свою очередь, характерна для актов правосудия. Законная сила, как совокупность свойств, присуща актам органа, отправляющего правосудие и содержащим властное веление, выраженное в виде действия обязанного лица.

Перейдем непосредственно к анализу исполнимости в механизме судебной защиты.

Исполнение судебного решения, в том числе вынесенного в пользу кредитора в случае нарушения должником гражданско-правового обязательства, по смыслу части 1 статьи 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод, следует рассматривать как элемент судебной защиты³.

Активность в обсуждении категории «исполнимость» в научной литературе и отсутствие единого мнения на содержание категории, на ее место в системе юридических понятий позволяет сделать вывод о существовании препятствия в поиске точек соприкосновения взглядов ученых-процессуалистов при анализе «исполнимости». Причиной является отсутствие единой основы при проведении теоретических исследований.

¹ *Комелькова Ю. В.* Отличие судебных определений от судебных решений / Ю. В. Комелькова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия. Право. 2009. № 19 (152). С. 74.

² *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 500.

³ Пункт 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2014 № 1563-О «По жалобе гражданина Зимина Бориса Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 30 и частью 2 статьи 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.11.2020).

В основу метода исследования следует положить цель судебной защиты как таковую.

В настоящей работе не отождествляются цель судебной защиты и задачи гражданского судопроизводства. О единстве цели судебной защиты подчеркивалось в решениях Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ). При этом общая цель достигается посредством последовательного решения задач, стоящих перед государственными органами, на которые возложена реализация единого механизма защиты прав субъектов. Таким образом, выполнение судом задач гражданского судопроизводства, а затем, в случае уклонения стороны от исполнения судебного акта, выполнение федеральной службой судебных приставов задач исполнительного производства обеспечивают реализацию общей государственной гарантии прав граждан и организаций.

В науке гражданского процессуального права дискуссию породило Постановление Пленума ВС РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», где с учетом положений пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод разъяснено, что исполнение судебного решения рассматривается как составляющая часть «судебного разбирательства»¹.

Участниками Конференции европейских министров юстиции (4-5 октября 2001 года, г. Москва), посвященной вопросам исполнения судебных актов в соответствии с европейскими стандартами, такое толкование статьи 6 Европейской конвенции по правам человека было одобрено².

¹ Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.11.2020).

² *Саттарова З. З.* Полномочия суда в исполнительном производстве: функциональная характеристика : монография / З. З. Саттарова ; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Университет имени

3. З. Саттарова отмечает, что «сущность защиты состоит в реальном восстановлении нарушенного материального права, принятии мер охраны оспариваемого права, охраняемого законом интереса»; защита права носит комплексный характер, подразумевает совокупность действий, «направленных на принудительное осуществление права»¹.

На то, что, как правило, защита не оканчивается вынесением юрисдикционным органом решения, его необходимо исполнить, указывали и иные авторы².

Действительно, реализация государством механизма судебной защиты прав не ограничивается только деятельностью суда по отправлению правосудия, поскольку государство должно обеспечивать и стабильность, обязательность судебных актов. Существование механизма принудительного исполнения позволяет разрешить вопросы исполнения судебных актов вопреки воле обязанных лиц. И, поскольку система государственной власти в соответствии с нормами Конституции РФ (статья 5) едина, то участие нескольких органов в реализации механизма судебной защиты не нарушает конституционные принципы.

Для определения основ в применении комплексного метода дальнейшего исследования обозначим ряд промежуточных положений, имеющих принципиальное значение для формулирования основной идеи.

1. С точки зрения науки гражданского процессуального права следует различать понятия «исполнимость» и «исполнение» судебного решения.

2. Исполнение судебного решения с позиции нормативного регулирования может быть добровольным и принудительным.

О. Е. Кутафина, Оренбургский институт (филиал), Кафедра гражданского права и процесса. Оренбург : Университет, 2017. С. 36–37.

¹ Там же. С. 35.

² Арапов Н. Т. О соотношении понятий «правосудие» и «защита» гражданских прав / Н. Т. Арапов // Проблемы применения и совершенствования ГПК РСФСР : сб. научных трудов / отв. ред. Р. Е. Гукасян ; Калининградский государственный университет. Калинин, 1984. С. 33.

3. Основанием принудительного исполнения является направление (предъявление) исполнительного документа.

Необходимым элементом механизма судебной защиты является исполнение судебного решения, в котором заложено властное веление, подкрепленное силой государства.

При этом динамическое свойство исполнимости судебного решения непосредственно связано с достижением цели защиты. Это свойство позволяет реализовать конечную цель процесса – реально защитить нарушенные или оспариваемые права и законные интересы субъектов спорного правоотношения¹. Только при наличии свойства исполнимости достигается конечная цель правосудия по конкретному делу – реальная защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов субъектов спорного правоотношения².

«Исполнимость» как понятие доктринальное традиционно рассматривается в качестве свойства законной силы судебного решения (или порождаемого законной силой), при этом его содержание в науке так же является вполне определенным – это возможность принудительного исполнения судебного решения путем четко урегулированной процедуры.

В соответствии с частью 2 статьи 13 ГПК РФ вступившие в законную силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. Исходя из буквального толкования части 2 статьи 13

¹ Гражданский процесс : учебник / Н. П. Антипов [и др.] ; под ред. А. Г. Коваленко, А. А. Мохова, П. М. Филиппова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М Контракт, 2008. С. 194.

² Гражданский процесс : учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова [и др.] ; под ред. М. К. Треушниковой. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 226.

ГПК РФ обязательность означает неукоснительное исполнение судебного акта.

Вместе с тем, данное положение не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, присуще ли свойство исполнимости всем судебным актам. Традиционной считалась точка зрения, в соответствии с которой исполнимость рассматривалась как возможность принудительного исполнения лишь решений по искам о присуждении¹. Более того, чтобы свойство исполнимости могло проявиться, по мнению Л. М. Завадской, необходим определенный титул на принудительное исполнение – получение исполнительного листа².

Однако в последнее время высказываются и противоположные точки зрения. Так, А. О. Манташьян приходит к выводу, что позиция Н. А. Чечиной неверна, поскольку: «следуя логике автора, решения могут классифицироваться на исполнимые и неисполнимые, что противоречит общепризнанному конституционному праву на судебную защиту. В таком случае допускается, что обращение в суд за защитой нарушенных прав изначально обречено на неисполнение решения со стороны ответчика либо на формальную невозможность исполнения, а такое признать невозможно. Процесс в суде ведется для того, чтобы выяснить, имеет ли истец право на иск в материальном смысле. Если есть право на иск в материальном смысле как возможность принудительного осуществления притязания лица через суд, то оно реализуется в определенном материальном правоотношении, а значит, формально неисполнимых решений нет и быть не может, за исключением судебной ошибки»³. На наш взгляд, в указанном аргументе имеется некоторая неточность, связанная с дублированием понятий «исполнение» и «исполнимость».

¹ См., в частности: *Чечина Н. А.* Норма права и судебное решение / Н. А. Чечина // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2003. № 2. С. 656–721.

² *Завадская Л. Н.* Реализация судебных решений : теоретические аспекты / Л. Н. Завадская ; отв. ред. М. С. Шакарян. М. : Наука, 1982. С. 1–141.

³ *Манташьян А. О.* Исполнимость судебного решения / А. О. Манташьян // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 9 (13). С. 137.

Исходя из буквального толкования части 2 статьи 13 ГПК РФ обязательность означает неукоснительное исполнение судебного акта. Например, вступившее в законную силу судебное решение о признании права собственности на объект недвижимого имущества (равно как и определение суда о наложении ареста на недвижимое имущество в рамках обеспечения иска) не требует выдачи исполнительного листа – оно направляется в регистрирующий орган, который вносит соответствующую запись (содержание исполнения) в силу обязательности судебного акта. Судебный акт был исполнен. Но можно ли сказать, что судебный акт при этом обладал свойством исполнимости?

Если вновь обратимся к определению исполнимости, данному Н. Б. Зейдером, то под исполнимостью судебного акта следует понимать возможность принудительного исполнения этого акта, то есть осуществление специальными государственными органами ряда мероприятий, которые направлены на реализацию судебного акта помимо воли лица, обязанного по этому акту лица¹.

В 1966 году Н. Б. Зейдер употреблял общий термин – «специальные государственные органы». Сейчас мы можем указать «органы принудительного исполнения». Таким образом, исходя из характеристики исполнимости как возможности принудительного исполнения этого акта, то есть осуществления органами принудительного исполнения ряда мероприятий, которые направлены на реализацию судебного акта помимо воли лица, обязанного по этому акту.

Следуя указанной логике, наиболее прямым кажется вывод о том, что в случае вынесения определения о наложении ареста на недвижимое имущество свойством исполнимости этот акт не обладает, поскольку для реализации заложенного в нем властного веления нет необходимости обращаться в органы принудительного исполнения. Тем не менее, даже

¹ Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. М.: Юрид. лит., 1966. С. 170.

уточнение категории «исполнимость» до указанного выше понятия позволяет ответить на обозначенный выше вопрос абсолютно по-разному.

Если ключевым признаком «исполнимости» рассматривать термин «возможность», то это означает, что под исполнимостью понимается потенциальная возможность прибегнуть к механизму принудительного исполнения. С точки зрения процессуальной деятельности – это возможность получить исполнительный лист и предъявить его судебному приставу-исполнителю для возбуждения исполнительного производства.

Если придерживаться формальной точки зрения и буквально толковать положения части 1 статьи 428 ГПК РФ или части 3 статьи 319 АПК РФ, в соответствии с которыми исполнительный лист выдается по заявлению взыскателя и по его ходатайству направляется для исполнения непосредственно судом (арбитражным судом), то в законе закреплена возможность выдачи исполнительного листа по просьбе взыскателя на любой судебный акт.

Тем не менее, если исходить из идеи необходимости восстановления прав субъекта, то на возможность прибегнуть к механизму принудительного исполнения следует относиться с учетом «действительной» возможности указанного принудительного исполнения. И, несмотря на нормативно не ограниченную процессуальную возможность получить исполнительный лист, обеспечит ли судебная защита «реальное» восстановление?

Так, по мнению М. Г. Авдюкова, после вступления решения в законную силу исполнение судебных решений различается в зависимости от цели иска, а именно решения по искам о признании не предполагают принудительного исполнения, по ним гарантией восстановления права выступает не только свойство общеобязательности судебного решения, но и возможность стороны, в пользу которой вынесено решение, предъявить иск о присуждении. Если обратиться к позиции М. Г. Авдюкова¹, то отмечается

¹ *Авдюков М. Г. Судебное решение : монография / М. Г. Авдюков. М. : Госюриздат, 1959. С. 176–177.*

отсутствие возможности принудительного исполнения у исков о признании и преобразовательных исков.

И в этом отношении следует заключить, что часть судебных актов априори не нуждаются в выдаче исполнительного листа, поскольку исполнимость им не должна быть присуща. Например, такими актами являются решения суда по искам об изменении договора аренды.

Безусловно, указанные акты, вступая в законную силу, обязательно должны быть исполнены, но выдача по ним исполнительного листа для возможности прибегнуть к процедуре исполнительного производства не имеет под собой оснований.

С точки зрения диспозиции норм процессуальных кодексов ограничений для совершения судом процессуального действия по выдаче исполнительного листа в отношении любого судебного акта законом не ограничен. Следовательно, необходимо проанализировать подход судебных органов к вопросам «исполнимости» судебных актов.

И в этом аспекте практика, нашедшая отражение в разъяснениях высших судебных инстанций последнего десятилетия, является различной.

Так, в 2009 году в системе арбитражных судов возникла проблема, связанная с отказом в выдаче исполнительного листа по причине отсутствия свойства «исполнимости» («принудительности»). Основанием для отказа в выдаче исполнительного листа выступал тот факт, что резолютивная часть решения не содержала указания на то, какие конкретно действия обязан совершить ответчик во исполнение судебного акта.

Решением по делу № А58-7965/2007 арбитражный суд первой инстанции удовлетворил требования истца, возникшие из налоговых правоотношений. Резолютивная часть решения суда указывала как на наличие элемента признания (действия налоговой инспекции были признаны незаконными), так и элемента присуждения (возврат излишне уплаченной суммы). После обращения истца с просьбой о выдаче исполнительного листа суд первой инстанции отказал в его выдаче. Однако Определением Высшего

Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 19.06.2009 № ВАС-1570/09¹ было дано разъяснение указанной ситуации, в соответствии с которым право на получение исполнительного листа законодательно не ограничено, а в случаях неясности его исполнения судебный пристав-исполнитель может обратиться в суд, выдавший исполнительный лист, за его разъяснением. В результате рассмотрения дела в порядке надзора Президиумом ВАС РФ 08.09.2009 Определение и Постановление Федерального арбитражного суда округа отменены, арбитражному суду первой инстанции было указано выдать исполнительный лист, соответствующий резолютивной части решения по делу.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»² указано, что исполнительные листы должны выдаваться судами в случае формулировки резолютивной части, предполагающей совершение активных действий обязанного по решению лица либо воздержание от них в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 206 ГПК РФ (части 1 и 3 статьи 1 ФЗ «Об исполнительном производстве»). При этом Пленум ВС РФ высказал позицию, отличную от разъяснения ВАС РФ, сформулированную в 2009 году³. В рассматриваемом Постановлении Пленума ВС РФ № 50 изменился подход по судебным решениям, резолютивная часть которых содержит вывод как по требованиям, содержащим элемент признания, так и элемент

¹ Определение от 19.06.2009 № ВАС-1570/09 «О передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». Текст : электронный // Судебная система Российской Федерации: электронная библиотека : официальный сайт. URL : http://sudbiblioteka.ru/as/text3/vasud_big_61684.htm (дата обращения: 05.11.2020).

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2020).

³ Определение от 19.06.2009 № ВАС-1570/09 «О передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». Текст : электронный // Судебная система Российской Федерации: электронная библиотека : официальный сайт. URL : http://sudbiblioteka.ru/as/text3/vasud_big_61684.htm (дата обращения: 05.11.2020).

присуждения. Право стороны, в пользу которой вынесено судебное решение на получение исполнительного листа, не рассматривается как абсолютное, а невозможность судебного пристава-исполнителя фактически исполнить элемент признания не восполняется путем разъяснения судебного акта. Пленум ВС РФ указал на возможность выдачи исполнительного листа только по той части судебного решения, которая предполагает возможность принудительного исполнения (элемент присуждения), в оставшейся же части (элемент признания) исполнительный лист не оформляется. Так, например, при принятии судом решения о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности в виде реституции, в исполнительный лист включается только вывод суда об обязанности передать имущество в рамках восстановления прежнего состояния. То есть право на выдачу исполнительного листа не носит абсолютного характера, вместе с тем, «неукоснительному исполнению» в силу общеобязательности подлежат все судебные акты.

В отношении третейского разбирательства рассмотрение свойства «исполнимость» имеет весьма существенные особенности. Безусловно, большинство из них связаны не только с правовой природой третейского разбирательства, но, прежде всего, с тем, что указанная форма защиты прав не относится к правосудию. Отсутствие указанной деятельности в третейском разбирательстве создает определенные доктринальные трудности, в том числе в возможности оперирования основными процессуальными категориями.

Для понимания места исполнения решения третейского суда в механизме третейской защиты необходимо отталкиваться от основных начал правового регулирования в рассматриваемой сфере.

В соответствии со статьей 18 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» арбитраж осуществляется на основе принципов независимости и беспристрастности арбитров, диспозитивности, состязательности сторон и равного отношения к сторонам.

При этом статья 20 указанного федерального закона определяет конфиденциальность арбитража.

В этой связи анализ основных начал правового регулирования арбитража имеет определенные особенности. Так, в случае если в качестве основного метода исследования какого-либо института в совокупности норм, регулирующих арбитраж, избирается метод сравнения (с гражданским судопроизводством), то и выделяются принципы¹, которые характерны для правового регулирования отправления правосудия по гражданским делам, и специфические.

В целом, применительно к задачам настоящего исследования подробный анализ всех принципов арбитража не имеет существенного значения. В этом отношении согласимся с мнением Н. М. Ерофеевой, что «благодаря особенностям арбитража, предоставляющим его сторонам диспозитивность в определении многих вопросов, круг принципов арбитража может быть значительно расширен, чем и объясняется большое количество принципов арбитража, выделяемых учеными-правоведами»².

Вместе с тем, следует отметить, что особенность арбитража, а именно сочетание «частных» и «публичных» элементов, проявляется и в установлении основных начал третейского разбирательства. Другими словами, принципы арбитража имеют двойную природу: могут быть установлены законом (публичное начало) или арбитражным соглашением (частное начало). Безусловно, публичное начало в установлении основ правового регулирования имеет приоритет.

Для определения правовой природы исполнения актов третейского суда необходимо остановиться на отдельных началах, имеющих существенное значение для характеристики этапа исполнения.

¹ Курочкин С. А. Понятие и система принципов третейского разбирательства / С. А. Курочкин // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 11. С. 7–12.

² Ерофеева Н. М. Система принципов арбитража (третейского разбирательства) / Н. М. Ерофеева // Экономика, социология и право. 2016. № 2. С. 116.

В указанном контексте анализу следует подвергнуть идею добровольности или диспозитивности, являющуюся фундаментом всех частноправовых элементов арбитража.

С одной стороны, определение содержания указанного института уже предпринималось в юридической науке применительно к международному коммерческому арбитражу. Так, по мнению К. М. Джудитта, «автономия воли является институтом, разрешающим сторонам выбирать как материальное право, применимое к их отношениям, так и процессуальное право, применимое к самому разбирательству»¹. Указанная диспозитивность в определении действий в рамках третейского разбирательства касается большого количества «частных» элементов арбитража и может быть реализована сторонами как в рамках арбитражного соглашения при определении процедуры арбитража, так и в ходе третейского разбирательства путем реализации норм ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». При этом сам принцип диспозитивности здесь «носит частноправовой характер»². С другой стороны, указанный принцип является общим при регулировании положения участников процессуальных отношений в сфере гражданской юрисдикции. Таким образом, принцип диспозитивности (добровольности) с позиции определения формы применяется только в третейском разбирательстве, поскольку в отношении публичной процессуальной формы действует принцип императивности. Вместе с тем, при рассмотрении статуса участников как частных, так и публичных процессуальных отношений по гражданским делам, автономия воли является общим началом в регулировании.

Отдельно остановимся на анализе указанного начала в регулировании механизма защиты применительно к исполнению решения третейского суда.

¹ Джудитта К. М. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1996. С. 1–26.

² Гибадуллин И. И. О принципе диспозитивности в третейском разбирательстве / И. И. Гибадуллин // Аллея науки. 2019. Т. 2, № 1 (28). С. 779.

Статья 38 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» называется «Обязательность арбитражного решения» и провозглашает положение о том, что «стороны, заключившие третейское соглашение, принимают на себя обязанность добровольно исполнять арбитражное решение». Содержание указанной нормы имеет важное смысловое значение в понимании исполнения решения третейского суда.

Во-первых, обязательность решения касается исключительно сторон спора и не может отождествляться со свойством общеобязательности законной силы судебного решения (вывод относительно связи свойств законной силы и государственно-властного веления был сформулирован выше).

Во-вторых, обязанность добровольно исполнить решение есть следствие не факта разрешения спора третейским судом, а факта имеющейся между сторонами договоренности об избрании в качестве формы разрешения – арбитраж. Истоки обязанности добровольно исполнить вытекают не из решения третейского суда, а из соглашения сторон, заключенного до передачи дела в третейский суд.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что обязанность добровольно исполнить решение третейского суда в момент заключения арбитражного соглашения (оговорки) возлагается договором на конкретную сторону спора. В этой связи возникает теоретический вопрос: если, принимая на себя указанную обязанность, стороны фактически соглашаются с основными принципами, которые лежат в основе арбитража, нельзя ли в этом случае утверждать, что добровольное исполнение решения третейского суда – презумпция?

В юридической науке понимание презумпции не вызывает острых споров: «это закрепленное в правовой норме вероятностное опровержимое предположение о существовании юридического факта, основанное на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и

предполагаемым»¹ или «ожидание определенных действий от других людей»².

Однако, несмотря на возможность определения обязанности добровольно исполнить как презумпции поведения, будет проигнорирован главный признак презумпции – вероятностный характер. То есть, целью закрепления правовых презумпций в нормативных актах является придание стабильного характера правовым отношениям в тех вопросах (обстоятельствах), которые фактически носят неоднозначный (вероятностный) характер. Однако содержание нормы статьи 38 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)», используя формулировку «обязанность исполнить», тем самым исключает вероятностный характер поведения участника.

Исходя из того, что обязанность исполнить вытекает не из решения третейского суда, а из соглашения сторон, заключенного до передачи дела в третейский суд, а также возможность позиционирования ее как меры должного поведения, позволяет уточнить: исполнение решения третейского суда – это обязанность стороны, реализуемая в рамках отношений сторон по урегулированию гражданских правоотношений посредством применения альтернативной формы разрешения спора – третейского разбирательства, возникающей на основании соглашения сторон. При этом указанную обязанность следует характеризовать и как «необходимую предопределенность»³.

Вместе с тем, без ответа пока остается вопрос о субъективном характере данной обязанности, поскольку в момент заключения соглашения она не входит в объем правового статуса ни одной из сторон и тем самым носит неопределенный характер. В рамках пояснения подобной природы

¹ *Пронина М. П.* Презумпции в современном российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. С. 7.

² Там же. С. 19.

³ *Каримова Р. Р.* Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 9.

обязанности следует исходить из природы арбитражного соглашения (оговорки) с точки зрения сферы применения – она распространяется только на стороны конкретного материального правоотношения.

Согласимся с мнением А. Н. Жеребцова, что «в частноправовых отношениях юридическая обязанность является взаимным обременением участников отношения, поскольку в основе данных правоотношений лежит принцип равенства сторон. Такие взаимные обременения облакаются в правовую норму частного права, и обременение становится не только правовой, но и юридической оценкой поведения обремененной стороны правоотношения. Сущность рассматриваемого правового обременения заключается в том, что оно направлено в сторону обремененного лица в рамках правоотношения и исходит от него самого и другой стороны (других сторон) правоотношения. Правовое обременение касается лишь лиц, участвующих в данном правоотношении, и формируется по их воле»¹.

Значение решения третейского суда в этом смысле становится фактом, который вносит определенность в субъективный характер обязанности, поскольку устанавливает обязанное лицо в резолютивной части решения. В случае, если после заключения соглашения спор между сторонами не возникнет и обращение в третейский суд не последует, обязанность исполнить решение третейского суда сохранит потенциальный характер.

По общему правилу решение третейского суда подлежит исполнению с момента вынесения. В настоящее время порядок приведения в исполнение арбитражного решения регламентирован в главе 8 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». В частности, пункт 1 статьи 41 гласит: «Арбитражное решение признается обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения». Однако, исходя из обстоятельств конкретного дела,

¹ Жеребцов А. Н. Публично-правовая обязанность: проблемы теории и практики осуществления / А. Н. Жеребцов // Философия социальных коммуникаций. 2013. № 4 (25). С. 28.

руководствуясь критерием разумности, учитывая интересы сторон третейского разбирательства, арбитраж вправе установить иной срок для исполнения итогового акта. Срок для добровольного исполнения не должен порождать какое бы то ни было ущемление прав стороны истца при удовлетворении заявленных требований.

Изначально, в момент заключения соглашения о передаче спора в третейский суд, еще не зная результат его разрешения, стороны уже принимают на себя потенциальную обязанность добровольно исполнить пока несуществующий акт арбитража. Исполнение решения третейского суда подразумевает обязанность добровольного исполнения.

В этом отношении не согласимся с позицией Ю. Б. Каламовой: указанный автор подкрепляет обязанность добровольного исполнения третейского решения дополнительной категорией «юридическая исполнимость», которая «выражается в виде соответствия возможности реализации положений третейского решения предусмотренной законом обязанности добровольного его исполнения и свидетельствует об отсутствии правовых оснований для обращения сторон арбитража к процедуре принудительного исполнения решения»¹.

Отметим различные плоскости рассматриваемого вопроса: с позиции сторон арбитража добровольность исполнения является условием обращения к третейскому разбирательству и лежит исключительно в частноправовой сфере, тогда как с позиции механизма защиты гражданских прав, который предусматривает поэтапную реализацию правоприменительной деятельности до тех пор, пока нарушенное право не будет восстановлено, принудительное исполнение всегда предполагается, пусть даже как мера исключительная и носящая факультативный характер. Сама формулировка «отсутствие правовых оснований для обращения к принудительному исполнению»

¹ Каламова Ю. Б. Исполнение третейского решения как альтернативная гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 1–186.

умалляет третейское разбирательство как полноценный механизм защиты частных прав субъектов.

При заключении соглашения каждая сторона должна осознавать риск возможного неблагоприятного для себя исхода в виде решения третейского суда, а не предполагать (презюмировать) иное, например, что будет вынесено решение в ее пользу. Согласимся с мнением С. А. Владимировой¹: обязанность исполнения решения третейского суда входит в содержание третейского соглашения.

Указанные положения – логичное завершение третейского разбирательства как деятельности по рассмотрению и разрешению спора, позволяющей сторонам арбитража воспользоваться всеми ее преимуществами.

Вместе с тем, особенности третейской защиты, а также ее задачи порождают включение «публичного» элемента в механизме защиты после вынесения решения третейским судом. Его применение по смыслу закона носит факультативный характер и содержательно проявляется в виде выдачи исполнительного листа государственным судом.

Принудительное приведение в исполнение решения третейского суда – самостоятельный и исключительный этап, осуществляемый вне рамок третейского разбирательства, может быть инициирован стороной третейского разбирательства в случае неисполнения арбитражного решения добровольно, при этом отношения участников переходят в плоскость публично-правовых.

В рамках частного правоприменения посредством третейского разбирательства осуществляется разрешение гражданско-правового спора, при этом действенность указанной формы защиты обеспечивается за счет включения в механизм защиты «публичного» элемента, когда государственный суд по просьбе стороны спора путем публичных процедур обеспечивает выдачу исполнительного листа. Так происходит фактическая

¹ *Владиминова С. А.* Правовая природа и значение третейского соглашения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

защита права. Представляется, что в отсутствие подобного усложнения механизма добиться реального восстановления нарушенного права было бы невозможно. Эффективность такой альтернативной формы разрешения споров, как третейский суд, была бы под сомнением.

Выдача компетентным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда – основа принудительного исполнения арбитражного решения.

В юридической литературе высказывались различные точки зрения относительно принудительного исполнения арбитражного решения в отечественном праве: от полного одобрения реализации государственным судом функции контроля в отношении третейских судов, до придания решению арбитража силы исполнительного документа¹. В этой связи критике следует подвергнуть позицию В. А. Гавриленко, который полагает, что в порядке эксперимента можно наделить третейские суды правом выдавать исполнительные листы, поскольку «государственный суд, выдающий исполнительный лист на решение третейского суда, не рассматривал дело по существу и имеет о нем худшее представление, чем соответствующий третейский суд. ... Такие достоинства третейского разбирательства, как быстрота, меньшая формализованность и окончательность решения в данной практике проявятся в полную силу»².

Таким образом, выдача исполнительного листа государственным судом – это «публичный» элемент альтернативной формы механизма судебной защиты гражданских прав, который носит исключительный характер. В этом отношении не согласимся с мнением Ю. А. Романовой в части

¹ Крылатова Н. С. Исполнение решений третейских судов в современных условиях / Н. С. Крылатова, Л. Е. Стрилец, О. Ю. Хахамова. Текст : электронный // Universum: экономика и юриспруденция : электронный научный журнал. 2014. № 6 (7). С. 5–10. URL : [https://7universum.com/pdf/economy/6\(7\)/Krylatova.pdf](https://7universum.com/pdf/economy/6(7)/Krylatova.pdf) (дата обращения: 19.11.2020).

² Гавриленко В. А. Третейское разбирательство споров : учеб. пособие / отв. ред. В. Ф. Прокофьев; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2007. С. 137–138.

характеристики указанного производства как стадии третейского судопроизводства¹.

Подводя промежуточный итог вышеизложенному, выделим следующие особенности исполнения актов третейского суда:

– исполнимость является свойством законной силы актов правосудия, решение третейского суда свойством исполнимости не обладает;

– исполнимостью наделяется определение государственного суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Исполнимость позволяет установить связь между этапом арбитража и исполнительным производством;

– исполнение решения третейского суда – это обязанность стороны третейского разбирательства, а не законодательная презумпция;

– обязанность исполнить решение третейского суда является правовым последствием заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда (соглашения о выборе альтернативной формы защиты права), возникает до вынесения решения третейским судом и носит потенциальный характер;

– обязанность исполнить арбитражное решение не имеет связи со свойствами решения третейского суда, не является его правовым последствием;

– особенности арбитража, а также задачи содействия со стороны законодателя порождают законодательное включение «публичного» элемента после вынесения решения третейским судом;

– «публичный» элемент механизма защиты прав носит факультативный характер и содержательно проявляется в виде выдачи исполнительного листа государственным судом и дальнейшего исполнительного производства;

¹ Романова Ю. А. Место производства по делам об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов / Ю. А. Романова // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 129.

– соотношение категорий «исполнимость» и «исполнение» позволяют сделать вывод о включении производства по выдаче исполнительного листа в институт принудительного исполнения, выделив предварительный и основной этапы.

ГЛАВА 3. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЯ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА

3.1. Правовая природа выдачи исполнительного листа на решение третейского суда со стороны государственного суда

Определение места принудительного исполнения решения третейского суда в механизме третейской защиты прав непосредственно связано с анализом производства по делам о выдаче исполнительных листов на решения третейских судов¹. Указанный порядок, будучи «публичным» элементом, включается в механизм третейской защиты как часть заключительного этапа и носит факультативный характер.

Выявление особенностей порядка (правил) принудительного исполнения не является непосредственной целью настоящей работы. Вместе с тем, правовая природа принудительного исполнения решений третейских судов в целом опосредует необходимость характеристики условий и оснований принудительного исполнения в механизме третейской защиты.

Для последовательности в изложении вопроса кратко обозначим цепочку: вынесение решения третейского суда – выдача исполнительного листа государственным судом – принудительное исполнение.

В контексте единства в реализации механизма защиты гражданских прав уместно вести речь о последовательных этапах, которые объединены целью защиты прав и законных интересов субъектов. При этом исполнение является необходимым завершающим этапом всего механизма третейской защиты.

С точки зрения органов, осуществляющих правоприменение на каждом из указанных этапов, считаем определяющим их функциональное назначение с позиции закона. При этом акцент в переходе от этапа вынесения решения

¹ Глава 47 ГПК РФ и § 2 главы 30 АПК РФ.

на этап выдачи исполнительного листа тесно связан с характером свойств решения третейского суда и был обоснован ранее.

Исполнительный лист выдается в рамках отдельного производства, регулируемого положениями ГПК РФ и АПК РФ.

В этой связи необходим анализ порядка выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда как в контексте механизма, так и его правовой природы (содержания деятельности).

Применение комплексного метода позволит последовательно раскрыть вопросы:

- 1) цель включения «публичного» элемента в виде выдачи государственным судом исполнительного листа на решение третейского суда;
- 2) соответствие установленной законом формы реализации указанной цели (отдельное производство, регулируемое нормами ГПК РФ и АПК РФ);
- 3) сущностная характеристика деятельности государственного суда в рамках производства по выдаче исполнительного листа.

Перейдем к анализу цели установления «публичного» элемента в виде выдачи государственным судом исполнительного листа на решение третейского суда.

С позиции арбитража она носит частноправовой характер, при этом «включение» «публичных» элементов предусмотрено законодательством, и случаи применения данного механизма также прямо законом определены. Речь идет о содержании нормы статьи 5 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», которая устанавливает: «по вопросам, регулируемым настоящим Федеральным законом, никакое судебное вмешательство не должно иметь места, кроме как в случаях, когда оно предусмотрено настоящим Федеральным законом». При этом «никакие

иные законы и подзаконные нормативные правовые акты не могут расширять перечень таких "изъятий"»¹.

Пределы в определении объема включаемых «публичных» элементов с позиции законодателя именуется «пределами вмешательства суда»². Рассматриваемые пределы вмешательства имеют ряд пояснений, даваемых в рамках комментирования статьи 5 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Так, Н. Н. Надежин рассматривает их в качестве «дополнительной гарантии процессуальной формы»³ третейского разбирательства. При этом целью установления пределов «является защита прав сторон арбитража от необоснованного вмешательства суда и обеспечение независимости арбитра»⁴. По мнению Ю. В. Вареник, «пределы вмешательства компетентного государственного суда в деятельность арбитража ограничены функциями содействия и контроля»⁵.

Обратим особое внимание на необходимость системного толкования ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», а именно положений статьи 5 и статьи 6 в совокупности. В соответствии со статьей 6 указанного Федерального закона, в рамках реализации функций содействия и контроля в отношении арбитража компетентный суд выполняет определенные процессуальные действия, а именно: избрание (назначение) арбитров (части 3 и 4 статьи 11); отвод арбитра (часть 3 статьи 13); прекращение полномочий арбитра (часть 1 статьи 14); решение вопроса об отсутствии у третейского суда компетенции (часть 3 статьи 16); оспаривание

¹ Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / А. С. Антонов, М. Н. Акуев, М. А. Акчурина [и др.] ; отв. ред. А. В. Грищенко. М. : РАА, 2017. С. 1–935.

² Речь идет о названии статьи 5 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». В указанном контексте термин «суд» понимается как государственный.

³ *Надежин Н. Н.* Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства в России : учебник / Н. Н. Надежин. М.: Статут, 2019. С. 1–144.

⁴ *Вареник Ю. В.* Арбитраж (третейское разбирательство) и пределы вмешательства суда / Ю. В. Вареник // Российский судья. 2019. № 11. С. 53–57.

⁵ Там же.

арбитражного решения (статья 40). Указанный в статье перечень процессуальных действий компетентного суда является исчерпывающим.

Следовательно, буквальное толкование статьи 6 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» позволяет сделать логический вывод, что выдача исполнительного листа на решение третейского суда не является проявлением государственного суда в рамках содействия и контроля. Более того, на основании системного толкования статей 5 и 6 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» можно заключить, что включение «публичных» элементов в механизм защиты обусловлено не только реализацией функций содействия и контроля. В данном случае возможно говорить либо о наличии пробела в нормативном регулировании, либо об отнесении порядка выдачи исполнительного листа к процессуальным действиям суда за рамками третейского разбирательства.

Обратим внимание на законодательное противоречие еще в одной части нормативного регулирования. Раздел IV ГПК РФ именуется «Производство по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов» и содержит три главы: «Глава 46. Производство по делам об оспаривании решений третейских судов», «Глава 47. Производство по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов», «Глава 47.1. Производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов». При этом АПК РФ содержит аналогичное построение и наименование главы 30. На основании анализа структуры раздела IV ГПК РФ и главы 30 АПК РФ можно обозначить несколько промежуточных логических выводов:

– наименование раздела предполагает, что в рамках указанных трех производств судом реализуются как функции содействия, так и контроля в отношении третейских судов;

– если производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов, выделено в главу 47.1, то в остальных производствах реализуется функция контроля (исходя из буквального толкования). Однако в данном случае буквальное толкование вступает в противоречие с системным толкованием статей 5 и 6 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»;

– целью выдачи исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов является контроль со стороны государственного суда в отношении третейского.

В этом смысле сложно согласиться с позицией М. В. Ясус: «в ведении компетентных судов находится не столько контроль, а сколько содействие в осуществлении третейского разбирательства»¹.

Так как формулирование цели включения «публичного» элемента в виде выдачи государственным судом исполнительного листа на решение третейского суда на основании буквального анализа законодательства является противоречивым, обратимся к позиции высшей судебной инстанции.

Вопросам выполнения судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства посвящен ряд разъяснений².

В соответствии с пунктом 9 Постановления Пленума ВС РФ № 53 от 10.12.2019 к полномочиям судов относятся функции содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, осуществляемые с учетом пределов

¹ Ясус М. В. Вопросы экономической эффективности нового законодательства об арбитраже в России / М. В. Ясус // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1 (68). С. 5–14.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2020); Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2018. Текст : электронный. URL : <http://www.supcourt.ru/documents/all/27518/> (дата обращения: 03.09.2020).

вмешательства суда, установленных статьей 5 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹. При этом выдача исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда прямо отнесена к числу процедур, в рамках которых осуществляется функция контроля в отношении третейского разбирательства (пункт 10)².

Наиболее интересной является позиция, изложенная в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, утвержденном Президиумом ВС РФ от 26.12.2018: «в отличие от решений судов, свойством принудительной исполнимости решение третейского суда наделяется только после прохождения установленных процессуальным законодательством процедур получения исполнительного листа на его принудительное исполнение»³.

Таким образом, с позиции разъяснений ВС РФ суд в отношении третейского разбирательства осуществляет функцию контроля, которая реализуется путем проведения процедуры проверки решения третейского суда. При этом следует отметить, что с позиции арбитража осуществляется содействие.

Можно заключить, что в результате системного толкования употребление в нормативных актах словосочетания «содействие и контроль» фактически не требует разделения терминов, поскольку они являются «сторонами медали». С позиции государственного суда осуществляется функция контроля, для третейского разбирательства – содействие.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.09.2020).

² Там же.

³ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2018. Текст : электронный. URL : <http://www.supcourt.ru/documents/all/27518/> (дата обращения: 03.09.2020).

Однако ответ на вопрос о цели включения «публичного» элемента в виде выдачи государственным судом исполнительного листа на решение третейского суда является отчасти промежуточным. Это связано, прежде всего, с пониманием категории «публичный» элемент в механизме защиты. В рамках настоящего исследования такие «публичные» элементы рассматриваются как отдельные процедуры, совершаемые государственным судом в отношении третейского разбирательства, и в этом контексте вопрос исполнимости решения третейского суда анализируется через призму «публичного» элемента в виде выдачи государственным судом исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. В этом смысле правильным будет вести речь о реализации государственным судом функции контроля в рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа, регулируемого нормами ГПК РФ и АПК РФ, однако вывод не будет носить исчерпывающий характер.

Необходимо обратить внимание на изменение фокуса исследования в том случае, если под «публичным» элементом будет рассматриваться не выдача исполнительного листа, а возможность принудительного исполнения решения третейского суда. В данном случае выдача судом исполнительного листа также останется в рамках осуществления функции контроля, которая реализуется путем проведения процедуры проверки. Однако такую проверку следует уже рассматривать как предварительный этап, а основным содержанием «публичного» элемента в механизме защиты станет возможность принудительного исполнения решения третейского суда. Органами, которые от имени государства таковой элемент реализуют, становятся не только суды, но и органы федеральной службы судебных приставов. В обозначенном контексте вопрос о цели включения обеспеченной государством возможности принудительно исполнить решение третейского суда становится открытым.

Поясним, в чем важность выявления точного содержания «публичного» элемента. Традиционно в научной литературе выдача судом

исполнительного листа рассматривается как форма судебного контроля и сравнивается с оспариванием третейского решения¹. Отдельные авторы даже характеризуют указанные две формы как взаимодополняющие и обеспечивающие взаимный баланс прав участников третейского разбирательства². Однако, если рассматривать в качестве содержания «публичного» элемента, включаемого в механизм защиты, принудительное исполнение третейского решения (возможность принудительного исполнения), то обозначенные выше формы судебного контроля становятся разнопорядковыми, поскольку выдача исполнительного листа – это предварительный этап, а основной акцент делается на собственно принудительном исполнении.

Таким образом, если под содержанием «публичного» элемента, включенного в механизм судебной защиты, понимать обеспеченную государством возможность принудительно исполнить решение третейского суда, то процессуальными особенностями данного элемента выступают два последовательных этапа:

1) предварительный, реализуемый судом в рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда. На данном этапе проводится проверка решения третейского суда;

2) основной, реализуемый в рамках исполнительного производства на основании определения суда о выдаче исполнительного листа.

В этом отношении не согласимся с мнением С. В. Николукина, что основаниями к отказу в выдаче исполнительного листа являются «обстоятельства, при наличии которых государство не признает результатов

¹ См., в частности: *Курочкин С. А.* Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже / С. А. Курочкин. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 1–277; *Забоев К. И.* Рассмотрение дел по заявлениям об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение таких решений / К. И. Забоев // Закон. 2008. № 1. С. 81–90.

² *Курочкин С. А.* Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже / С. А. Курочкин. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 1–277.

правоприменительной деятельности третейских судов»,¹ и, как следствие, выносится «судебный акт государственного суда, которым решение было подтверждено или «узаконено», и ему была придана исполнительная сила»². Третейское разбирательство как альтернативная форма разрешения споров представляет собой деятельность частноприменительного характера, оканчивается вынесением решения третейского суда. Дополнение механизма защиты «публичными» элементами носит факультативный характер и действует на основании волеизъявления стороны спора.

Таким образом, механизм судебной защиты не предполагает «признания» решения третейского суда со стороны государства. Такое понимание подрывает альтернативный характер и авторитет арбитража. Также следует различать деятельность суда в рамках оспаривания решения третейского суда и деятельность суда в рамках выдачи исполнительного листа. Несмотря на сходство оснований³, которые закреплены в законе, целью подачи заявления об оспаривании является отмена третейского решения, и в случае удовлетворения требований по такому заявлению акт частного применения прекращает свое действие. В случае же с выдачей исполнительного листа, заявитель в результате рассмотрения дела государственным судом приобретает или теряет возможность принудительного исполнения, но действие третейского решения не прекращается.

Подводя итог в отношении цели включения «публичного» элемента в механизм судебной защиты, можно пояснить, что возможность принудительного исполнения решения третейского суда предусматривает этап предварительной проверки (выдача исполнительного листа), который

¹ *Николюкин С. В.* К вопросу об отказе в выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов по экономическим спорам: вопросы теории и практики / С. В. Николюкин // *Образование и право.* 2012. № 8 (36). С. 126.

² Там же. С. 127.

³ Речь идет о перечнях оснований для отмены решения третейского суда (части 3 и 4 статьи 421 ГПК РФ, части 3 и 4 статьи 233 АПК РФ) и оснований для отказа в выдаче исполнительного листа (части 3 и 4 статьи 426 ГПК РФ и части 3 и 4 статьи 239 АПК РФ).

осуществляется компетентным судом. При этом целью включения «публичного» элемента с указанным выше содержанием не является судебный контроль.

Истоки в решении вопроса о наличии или отсутствии связи между третейским разбирательством и системой принудительного исполнения тесно связаны с доктринальными основами в понимании природы арбитража. Иными словами, если не признавать связь между правом на судебную защиту и системой третейского разбирательства, то и идея принудительного исполнения решения будет отрицаться (подрывать авторитет арбитража), а выдача исполнительного листа рассматриваться как форма судебного контроля. Вместе с тем, если исходить из наличия указанной выше связи, то реальное исполнение обеспечивается со стороны государства и в отношении третейских решений, поскольку речь идет о реализации права на судебную защиту в конституционном смысле слова.

Напомним, в рамках первой главы настоящего исследования был сделан вывод о том, что при выборе сторонами негосударственной формы защиты прав реализуется конституционное право на судебную защиту, но не посредством процессуального права на обращение в суд, имеющего публичную природу, а через призму нормы статьи 11 ГК РФ путем заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда и имеет частноправовую природу. То есть, стороны реализуют право на защиту при помощи образованного ими суда. В этом отношении не совсем логичной представляется позиция Ю. Б. Каламовой по поводу цели производства по делам о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда: «со стороны государства в лице компетентного суда ... контроль за соблюдением процедуры арбитража в части добровольного исполнения третейского решения. В противном случае нам не избежать искажения правовой природы

арбитража и дискредитации правового значения исполнения третейского решения в защите нарушенных прав»¹.

Следовательно, включение «публичного» элемента в виде возможности принудительно исполнить третейское решение нужно рассматривать как понимание права на суд в смысле толкований ЕПСЧ² и Конституционного Суда РФ³. И в данном смысле отсутствует противоречие в контексте целостности механизма судебной защиты гражданских прав. В этом ключе формирование цели такого «публичного» элемента можно определить, согласившись с позицией А. Я. Курбатова, как «осуществляемое при содействии и с санкции государственных судов»⁴.

На основании изложенного выше обозначим ряд выводов:

1) ответ на вопрос о цели включения «публичного» элемента в виде выдачи государственным судом исполнительного листа на решение третейского суда является отчасти промежуточным. Это связано, прежде всего, с пониманием категории «публичный» элемент в механизме судебной защиты прав;

2) под содержанием «публичного» элемента, включенного в механизм судебной защиты, следует понимать обеспеченную государством возможность принудительно исполнить решение третейского суда, и процессуальными особенностями данного элемента выступают два последовательных этапа: предварительный (реализуемый судом в рамках

¹ *Каламова Ю. Б.* Исполнение третейского решения как альтернативная гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. С. 149.

² В частности, Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 «Дело «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04) // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 4. Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=97098#8U9oU4TSG1A9PCLr2> (дата обращения: 03.10.2020).

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2016 № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М. Л. Ростовцева». Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195170/ (дата обращения: 03.10.2020).

⁴ *Курбатов А. Я.* Третейское (арбитражное) разбирательство в России: реалии и перспективы / А. Я. Курбатов. М. : Юстицинформ, 2014. С. 45.

производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда) и основной (реализуемый в рамках исполнительного производства на основании определения компетентного суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда);

3) целью включения «публичного» элемента в механизм судебной защиты является содействие суда в обеспечении реализации права на суд.

Исходя из задач настоящего исследования, более подробно остановимся на вопросе соответствия установленной законом формы процессуальной деятельности государственного суда на предварительном этапе.

В научной литературе подход к сущности производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда является неоднозначным. Так, мнения представителей процессуальной науки разделены либо в вопросе места производства по делам о выдаче исполнительного листа в системе гражданского судопроизводства (разновидность неискового производства в рамках гражданского судопроизводства¹, «специальное производство»², самостоятельный вид гражданского судопроизводства³), либо в рамках арбитража квалифицируют в категориях от «стадии третейского

¹ Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский Дом «Городец», 2007. С. 18.

² *Николюкин С. В.* К вопросу об отказе в выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов по экономическим спорам: вопросы теории и практики / С. В. Николюкин // Образование и право. 2012. № 8 (36). С. 127.

³ См., в частности: *Исаенкова О. В.* Виды гражданского судопроизводства в новом процессуальном законодательстве / О. В. Исаенкова // Новеллы гражданского процессуального права: материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М. С. Шакарян. М., 2004. С. 130–134; *Валеев Д. Х.* Виды гражданских судопроизводств и исполнительное производство / Д. Х. Валеев // Новеллы гражданского процессуального права : материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М. С. Шакарян. М., 2004. С. 136–139.

разбирательства»¹ или «формы дополнительного производства»² до «завершающей стадии»³ арбитража.

Использование комплексного же подхода позволяет определить необходимость целостного понимания механизма защиты прав в рамках реализации альтернативной формы. Основой осуществления третейского разбирательства является деятельность по частному правоприменению. При этом весь механизм защиты в альтернативной форме не исчерпывается исключительно деятельностью третейского суда, поэтому частноправовая по своей природе деятельность дополняется факультативными «публичными» элементами. Указанные элементы реализуются государственными органами (в основном судами). При этом спецификой «публичного» элемента, предусматривающего возможность принудительного исполнения решения третейского суда, является наличие этапов (предварительного и основного), каждый из которых нормативно закреплен в соответствующем (органу) акте.

Поскольку предварительный этап «публичного» элемента механизма защиты прав осуществляется государственным судом, то закрепление порядка проведения проверки в процессуальных кодексах является логичным. При этом основной этап реализуется судебным приставом-исполнителем в порядке, закрепленном в ФЗ «Об исполнительном производстве». Отвечая на вопрос о сущности производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, обозначим следующую позицию: содержание

¹ См., в частности: *Забегайло С. Г.* Взаимодействие третейских судов и судов общей юрисдикции / С. Г. Забегайло // Вестник Омского университета. Серия. Право. 2010. № 2 (23). С. 122; *Романова Ю. А.* Место производства по делам об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов / Ю. А. Романова // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 127–130.

² *Очередько О. В.* Проблемы признания федеральными судами решений третейских судов в Российской Федерации / О. В. Очередько // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 30.

³ *Забегайло С. Г.* Взаимодействие третейских судов и судов общей юрисдикции / С. Г. Забегайло // Вестник Омского университета. Серия. Право. 2010. № 2 (23). С. 122–123.

принудительного исполнения решения третейского суда как правоприменительной деятельности включает два этапа, которые в совокупности образуют «публичный» факультативный элемент «третейской защиты». При этом нормативное регулирование отдельных этапов обусловлено статусом органа, осуществляющим правоприменение, и поэтому находит закрепление в различных процессуальных нормативных актах.

Таким образом, правовая природа производства по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов не нуждается в анализе с позиции видов гражданского судопроизводства, а также задач гражданского судопроизводства, поскольку фактически является факультативным элементом целостного механизма судебной защиты гражданских прав, имеющего как содержательные особенности, так и специфику нормативного закрепления.

Вместе с тем, анализ предварительного этапа принудительного исполнения требует более подробной сущностной характеристики деятельности государственного суда в рамках производства по выдаче исполнительного листа. В рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда реализуется конкретная функция, однако следует уточнить объект проверки, предмет, пределы проверки.

В ходе анализа во второй главе настоящего исследования природы решения третейского суда был сделан вывод о том, что решение третейского суда свойствами законной силы не обладает, а свойством исполнимости наделено определение о выдаче исполнительного листа, где фиксируется возможность принудительного исполнения третейского решения. Другими словами, свойство исполнимости связано с выносимым государственным судом определением о выдаче исполнительного листа. При этом вывод, изложенный в резолютивной части решения третейского суда, с материальной точки зрения не преобразуется в «государственно-властное веление». Именно поэтому решение третейского суда не приобретает свойств

законной силы и после вынесения определения о выдаче исполнительного листа.

В соответствии с частью 4 статьи 424 ГПК РФ (частью 4 статьи 237 АПК РФ) к числу документов, которые должны быть приложены к заявлению о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда является не только заверенная копия самого решения, но и третейское соглашение. А в соответствии с частью 2 статьи 425 ГПК РФ (частью 2 статьи 238 АПК РФ) суд вправе для проведения проверки истребовать материалы дела, решение по которому оспаривается в суде¹.

Таким образом, объектом проверки выступает третейское решение в совокупности с третейским соглашением.

В отношении предмета проверки стоит указать на позицию, изложенную в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, утвержденном Президиумом ВС РФ от 26.12.2018, где в абзаце 6 указано, что проверка судом проводится «на предмет надлежащего, основанного на законе формирования состава третейского суда, соблюдения процессуальных гарантий прав сторон и соответствия решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации»². Однако далее предмет размывается: «то есть на предмет соответствия данного частноправового по своей природе акта тем требованиям, которые предъявляются законом для целей принудительного исполнения»³.

¹ Здесь, очевидно, имеется опечатка в нормах ГПК РФ, поскольку речь идет о материалах дела, о принудительном исполнении решения, по которому испрашивает заявитель. В аналогичной норме статьи 238 АПК РФ противоречий не имеется.

² Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2018. Текст : электронный. URL : <http://www.supcourt.ru/documents/all/27518/> (дата обращения: 03.10.2020).

³ Там же.

Не согласимся с позицией С. А. Курочкина, что «суды от имени государства решают вопрос о включении арбитражных решений в правопорядок, проверяя их на соответствие минимальным стандартам юрисдикционной деятельности (надлежащий характер сторон, равное к ним отношение, состязательность процедуры, волеизъявление на подчинение юрисдикции)»¹, поскольку данным выводом предполагается существование третейских решений «вне» правопорядка. Однако, если мы рассматриваем арбитраж как правоприменительную деятельность в рамках реализации права на суд (через призму статьи 11 ГК РФ), то его решения находятся уже в правопорядке, но являются актом не публичного, а частного правоприменения. При этом следует согласиться с указанным выше автором, что предмет проверки – это соблюдение третейским судом при разбирательстве дела определенных границ правоприменительной деятельности, которые установлены законом для арбитража.

Объект проверки не ограничивается только актом частного правоприменения, что обусловлено предметом проверки, который предполагает анализ установленной и реализованной сторонами формы арбитража в пределах границ, определенных законом.

Вопрос же о пределах проверки тесно связан с анализом оснований для отказа в выдаче исполнительного листа, поэтому он будет исследован отдельно.

¹ Курочкин С. А. О некоторых вопросах осуществления арбитражными судами контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей / С. А. Курочкин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008. № 9 (190). С. 6–17.

3.2. Основания для отказа в выдаче исполнительного листа на решение третейского суда

Рассмотрение компетентным судом дел о выдаче исполнительных листов на решение третейских судов является широко применяемой на практике категорией дел. Так, по данным судебной статистики:

– за 1 полугодие 2021 года арбитражными судами рассмотрено 448 заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, из них удовлетворено 337 заявлений (75 %) на общую сумму 162 033 тыс. руб.¹. При этом судами общей юрисдикции рассмотрено 1 655 аналогичных заявлений, из которых удовлетворено 960 (58 %), отказано в 289 случаях (17,5 %)²;

– за 2020 год арбитражными судами рассмотрено 725 заявлений о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда, из них удовлетворено 493 заявления (68 %) на общую сумму 3 460 760 тыс. руб.³. При этом судами общей юрисдикции рассмотрено 1 972 аналогичных заявления, из которых удовлетворено 1 085 (55 %), отказано в 271 случае (13,7 %)⁴;

¹ Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 1 полугодие 2021 год. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5897> (дата обращения: 02.04.2022).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2021 года. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 02.04.2022).

³ Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2020 год. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2020 год. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 01.03.2021).

– за 2019 год арбитражными судами рассмотрено 887 заявлений о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда, из них удовлетворено 646 заявлений (72,8 %) на общую сумму 509 559 тыс. руб.¹. При этом судами общей юрисдикции рассмотрено 1 337 аналогичных заявлений, из которых удовлетворено 893 (66,8 %), отказано в 180 случаях (13,5 %)²;

– за 2018 год арбитражными судами рассмотрено 1 770 заявлений о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда, из них удовлетворено 1 215 заявлений (68,6 %) на общую сумму 3 029 350 тыс. руб.³. При этом судами общей юрисдикции рассмотрено 974 аналогичных заявления, из которых удовлетворено 609 (62,5 %), отказано в 141 случае (14,5 %)⁴;

– за 2017 год арбитражными судами рассмотрено 5 390 заявлений о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда, из них удовлетворено 4 333 заявления (80,4 %) на общую сумму 6 325 606 тыс. руб.⁵

¹ Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2019 год. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257> (дата обращения: 01.03.2021).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 года. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2018 год. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257> (дата обращения: 01.03.2021).

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 года. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 01.03.2021).

⁵ Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2017 год. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257> (дата обращения: 01.03.2021).

При этом в статистических данных судов общей юрисдикции до 2018 года такой показатель отдельно не выделялся¹;

– за 2016 год арбитражными судами рассмотрено 7 324 заявления о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда, из них удовлетворено 6 160 заявлений (84 %) на общую сумму 6 252 463 тыс. руб.².

Снижение общего количества дел указывает скорее на результат организационной части реформирования третейских судов, когда «до реформы по приблизительным экспертным оценкам количество действующих третейских судов составляло от одной тысячи до нескольких тысяч ... на настоящий момент всего 50 некоммерческих организаций подали заявление на получение права администрировать арбитраж»³. При этом, по данным 2018-2019 годов, в судах общей юрисдикции по указанной категории дел наблюдается рост.

Прежде чем перейти к анализу конкретных, установленных в законе оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда следует определить, соблюдение каких требований при проведении арбитража должно быть установлено государством (в лице компетентного суда) для решения вопроса о возможности принудительного исполнения третейского решения.

Изучение законодательных норм об арбитраже (третейском разбирательстве) позволяет говорить о ряде требований. Анализ данных

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 года. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 01.03.2021).

² Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2016 год. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257> (дата обращения: 01.03.2021).

³ Отчет о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства с 01 марта по 26 декабря 2017 года. Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. URL : <https://minjust.ru/ru/novosti/opublikovan-proekt-otcheta-soveta-po-sovershenstvovaniyu-treteyskogo-razbiratelstva> (дата обращения: 01.03.2021).

требований представляет определенную сложность, в том числе с позиции законодательного регулирования.

В первую очередь обратимся к характеристике положений ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Указанное в нем содержание требований с позиции механизма судебной защиты условно можно разделить на две группы. Первая группа касается вопросов, связанных с выбором формы защиты права: соблюдение требования о категории рассматриваемого третейским судом дела (части 3 и 4 статьи 1) и соблюдение порядка при выборе формы при заключении арбитражного соглашения (статья 7), а вторая группа – соблюдение обязательных требований к порядку арбитража (статьи 26, 27, 31). Эти требования определены в виде обязательных с точки зрения закона компонентов арбитража и не могут быть изменены правилами арбитража. При этом формулировка «правила арбитража» раскрыта в пункте 10 статьи 2 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» – это правила, регулирующие арбитраж, в том числе администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением. Полагаем, что категория «правила арбитража» включает в себя только совокупность частноправовых элементов в механизме защиты прав и не включает «публичные» элементы.

Таким образом, именно указанные требования закона и определяют границу, выход за пределы которой рассматривается как нарушение баланса частных и публичных интересов в регулировании механизма защиты прав.

Однако при анализе норм процессуальных кодексов требования, несоблюдение которых рассматривается как основания к отказу в выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, можно сгруппировать иным образом:

1) обязательные требования, к которым относятся: приведение в исполнение решения третейского суда не противоречит публичному порядку Российской Федерации (пункт 2 части 4 статьи 426 ГПК РФ; пункт 2 части 4

статьи 239 АПК РФ) и спор, рассмотренный третейским судом, в соответствии с федеральным законом может быть предметом третейского разбирательства (пункт 1 части 4 статьи 426 ГПК РФ; пункт 1 части 4 статьи 239 АПК РФ);

2) факультативные требования: дееспособность стороны третейского соглашения (пункт 1 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 1 части 3 статьи 239 АПК РФ); действительность третейского соглашения (пункт 2 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 2 части 3 статьи 239 АПК РФ); соблюдение процессуальных прав стороны арбитража (пункт 3 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 3 части 3 статьи 239 АПК РФ); решение третейского суда вынесено по спору, предусмотренному третейским соглашением (пункт 4 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 4 части 3 статьи 239 АПК РФ); соответствие состава третейского суда или процедуры арбитража соглашению сторон или федеральному закону (пункт 4 части 5 статьи 426 ГПК РФ; пункт 5 части 3 статьи 239 АПК РФ).

Если требование арбитрабельности спора определено нормативными актами единообразно: включено в состав обязательных с позиции специального федерального закона, а также является обязательным с позиции судебного контроля, то требование соблюдения «публичного порядка Российской Федерации» заслуживает отдельной оговорки.

В судебных актах разъяснения относительно содержания рассматриваемой категории встречаются достаточно часто. Публичный порядок определяют как «фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства»¹. Однако его

¹ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений № 156 : утв. Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 26.02.2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2021).

следует разграничивать с понятием «национальное законодательство Российской Федерации», поскольку «под публичным порядком Российской Федерации понимаются установленные государством основополагающие нормы об экономическом и социальном устройстве общества, главные устойчивые основы правопорядка, закрепленные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством Российской Федерации»¹. При этом нарушение публичного порядка означает, что в результате исполнения третейского решения «будут совершены действия, либо прямо запрещенные законом, либо наносящие ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагивающие интересы больших социальных групп, являющиеся несовместимыми с принципами построения экономической, политической, правовой системы государства, затрагивающие конституционные права и свободы граждан, а также противоречащие основным принципам гражданского законодательства, таким как равенство участников, неприкосновенность собственности, свобода договора»².

Вместе с тем, несмотря на единообразное понимание содержания категории «публичный порядок», в научной литературе констатируется, что «суды не обладают представлением о том, что должно понимать под публичным порядком и потому находятся в поиске, предлагая разнообразные и зачастую противоречивые варианты собственной интерпретации данного понятия»³.

Также следует обратить внимание на то обстоятельство, что согласно Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2008 № 91-Г08-6. Текст : электронный. URL : <https://base.garant.ru/1791489/> (дата обращения: 02.03.2021).

² Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 03.04.2003 по делу № КГ-А40/1672. Текст : электронный. URL : <https://resheniya-sudov.ru/2004/131809/> (дата обращения: 01.03.2021).

³ *Пирогова Е. С.* Формирование понятия «публичный порядок» в практике российских судов / Е. С. Пирогова, Ю. Д. Жукова // Правовые исследования: новые подходы : сборник статей факультета права НИУ ВШЭ : к 20-летию Высшей школы экономики и 15-летию факультета права / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2012. С. 247–248.

исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 году)¹ устанавливается возможность использования категории «публичный порядок» при решении вопроса об исполнении, действие указанной Конвенции распространяется на случаи приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. Большинство научных разработок по вопросу применения публичного порядка также касаются вопросов исполнения решений иностранных арбитражей или МКАС². Однако рамки настоящего исследования ограничены исполнением внутренних третейских решений. В этой связи анализ категории «публичный порядок» требует определения именно в указанном контексте.

Отметим, что действующее законодательство и практика применения в качестве основания к отказу в выдаче исполнительного листа на решения внутренних третейских судов также устанавливает нарушение публичного порядка, однако оно имеет несколько иное содержание.

Для того чтобы обозначить важную доктринальную проблему содержательной характеристики требования, именуемого публичным порядком, выделим несколько ярких примеров судебной практики.

Так, показателен акт Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа, где указано, что «включение в текст договора условия о возможности начисления неустойки на общую сумму договора, а не на стоимость просроченного обязательства, представляет собой злоупотребление правом и является нарушением основополагающих принципов российского права»³,

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк 1958 год) / Комиссия ООН по праву международной торговли. Вена : ООН, 2016. С. 1–28.

² См., в частности: Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка Российской Федерации как основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений / С. А. Курочкин // Закон : журнал. 2013. № 2. С. 39–45; Кожокару В. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве / В. Кожокару // Внешнеторговое право. 2007. № 1. С. 30–34.

³ Постановление от 05.02.2018 по делу № А33-10231/2016. Текст : электронный. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fc3ac111-797e-4230-a47a-40cbb87211d/38e38291-c49c-41fc-a2b3-ba97941f1552/A33-10231-2016_20171003_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.02.2021).

при этом «установив, что примененная третейским судом неустойка имеет признаки явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства, арбитражный суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда»¹. Таким образом, нарушением публичного порядка признается нарушение принципа соразмерности мер гражданско-правовой ответственности.

В кассационной инстанции было отменено определение об отказе в выдаче исполнительного листа на решение третейского суда, так как «приведение в исполнение решения третейского суда не нарушает публичный порядок Российской Федерации, поскольку для защиты прав иных лиц, не участвующих в деле, в ГПК РФ имеется отдельная 46 глава, предусматривающая процедуру оспаривания решений третейского суда»². Неправильное понимание публичного порядка, по мнению кассационной инстанции, выразилось в следующем: «отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции указал на то, что обращение Д. с заявлением связано не с желанием принудительно исполнить решение третейского суда, а возможностью повлиять на исход дела, рассматриваемого Ленинским районным судом г. Кирова, вследствие чего в данном случае затрагиваются публичные интересы, связанные с исполнением судебных постановлений, а также осуществлением правосудия по гражданским делам»³.

Целью данных примеров было показать не столько разрозненность в понимании рассматриваемой категории, сколько необходимость осмысления

¹ Постановление от 05.02.2018 по делу № А33-10231/2016. Текст : электронный. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fc3ac111-797e-4230-a47a-40cbb87211d/38e38291-c49c-41fc-a2b3-ba97941f1552/A33-10231-2016_20171003_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 27.02.2021).

² Постановление Кировского областного суда от 17.07.2019 № 44Г-14/2019 4Г-646/2019 по делу № 13-230/2019. Текст : электронный. URL : https://oblsud--kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2179412&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 27.02.2021).

³ Там же.

конкретизации направления судебного контроля и законодательного терминологического уточнения в указанном направлении.

Так, Т. Н. Нешатаева полагает, что «элементом публичного порядка является, в том числе, право каждого на суд и возможность ограничить это право по собственной воле путем обращения к альтернативным способам разрешения споров, в том числе в международный коммерческий арбитраж. В связи с этим, при признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных решений, выдаче исполнительных листов на решения внутренних третейских судов государственный суд проверяет среди прочего, не нарушит ли исполнение решения арбитража (третейского суда) публичный порядок в части одного из фундаментальных прав участников спора – права на суд»¹. Данную позицию поддерживает А. И. Лобода, который в рамках исследования правовой политики, лежащей в основе судебного толкования арбитражных соглашений, и значения в рассматриваемом контексте соображений публичного порядка отмечает, что «строгость и формалистичность правил толкования арбитражного соглашения связана с тем, что суды считают вопрос о наличии исполнимого арбитражного соглашения связанным с одним из элементов публичного порядка – права на суд»².

В этом отношении следует уточнить смысловое наполнение категории «публичный порядок Российской Федерации». Исходя из разъяснений, данных высшими судебными инстанциями категории «публичный порядок», можно в целом определить ее как совокупность принципов российского права, «дух» законодательства. И при ее применении акцент делается на совокупность принципов, прежде всего, конституционного и частного права, права материального. Полагаем, что из этого понятия исключаются

¹ Пункт 46 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.12.2017. Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286833/ (дата обращения: 27.02.2021).

² Лобода А. И. Толкование арбитражного соглашения в праве России / А. И. Любода // Третейский суд. 2019. № 1/2 (117/118). С. 155.

принципы публичного процессуального права (гражданского процессуального права). В этом и заключается разграничение с категориями, применяемыми в системе судебной проверки: требование законности, соблюдение которого предполагает, в том числе, соблюдение принципов осуществления правосудия, а также в рамках надзорной проверки права на суд как международных стандартов отправления правосудия в целом. Несмотря на определенную условность, расстановка данных акцентов важна исходя из следующих соображений:

1) при осуществлении судебного контроля в рамках производства по выдаче исполнительного листа на решение третейского суда следует учитывать частноприменительный характер арбитража и третейского решения;

2) судебный контроль третейского решения является предварительным этапом и не имеет целью выявление и устранение судебной ошибки (как при судебной проверке);

3) при применении основания к отказу в выдаче исполнительного листа «нарушение публичного порядка Российской Федерации» судам не следует ссылаться на принципы осуществления правосудия.

Факультативные основания предполагают, что суд их применяет только в случае, «если сторона третейского разбирательства, против которой вынесено решение третейского суда, представит доказательства», иными словами – представит возражения относительно выдачи исполнительного листа. В случае отсутствия активности стороны, против которой вынесено решение, суд факультативные основания не применяет.

С учетом проведенного анализа нормативных положений, регулирующих основания отказа в выдаче исполнительного листа на решение третейского суда можно заключить, что единый законодательный подход к систематизации рассматриваемых оснований не существует. Данное обстоятельство связано с отсутствием доктринальной основы в части понимания основ формирования системы оснований для судебного контроля

в рамках рассматриваемого производства. В этой связи обратим внимание на наличие прямой связи между объектами проверки в рамках судебного контроля в указанном производстве и анализируемыми основаниями. Более того, если брать во внимание объект проверки в рамках судебного контроля, то система оснований согласуется и с основной доктриной в понимании механизма судебной защиты.

Поясним подробнее. С позиции арбитража и его места в механизме защиты прав субъектов можно разграничить две группы отношений:

- отношения, в рамках которых стороны заключают арбитражное соглашение (избирают форму защиты);
- отношения, в рамках которых осуществляется деятельность частноприменительного характера.

При этом судебному контролю фактически подвергаются обе группы указанных отношений и проверяются как арбитражное соглашение, так и третейское решение. Смоделируем группы оснований, представленные в действующих процессуальных кодексах исходя из предложенной концепции.

В рамках судебного контроля отношений, согласно которым стороны заключают арбитражное соглашение (избирают форму защиты) устанавливается отсутствие следующих оснований:

одна из сторон третейского соглашения, на основании которого спор был разрешен третейским судом, не обладала полной дееспособностью (пункт 1 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 1 части 3 статьи 239 АПК РФ);

третейское соглашение, на основании которого спор был разрешен третейским судом, недействительно по праву, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания – по праву Российской Федерации (пункт 2 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 2 части 3 статьи 239 АПК РФ);

спор, рассмотренный третейским судом, в соответствии с федеральным законом не может быть предметом третейского разбирательства (пункт 1 части 4 статьи 426 ГПК РФ; пункт 1 части 4 статьи 239 АПК РФ).

Именно для установления наличия (отсутствия) указанных выше оснований в судебном заседании проверке подвергается текст арбитражного соглашения.

При этом в рамках судебного контроля отношений, согласно которым проводится арбитраж, устанавливается отсутствие следующих оснований:

сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или о третейском разбирательстве, в том числе о времени и месте заседания третейского суда или по другим уважительным причинам не могла представить свои объяснения (пункт 3 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 3 части 3 статьи 239 АПК РФ);

решение третейского суда вынесено по спору, не предусмотренному третейским соглашением либо не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения, однако если постановления по вопросам, охватываемым третейским соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, та часть решения третейского суда, в которой содержатся постановления по вопросам, охватываемым третейским соглашением, может быть признана и приведена в исполнение (пункт 4 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 4 части 3 статьи 239 АПК РФ);

состав третейского суда или процедура арбитража не соответствовали соглашению сторон или федеральному закону (пункт 5 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункт 5 части 3 статьи 239 АПК РФ);

приведение в исполнение решения третейского суда противоречит публичному порядку Российской Федерации. Если часть решения третейского суда, которая противоречит публичному порядку Российской Федерации, может быть отделена от той части, которая ему не противоречит, та часть решения, которая не противоречит публичному порядку Российской Федерации, может быть признана или приведена в исполнение (пункт 2 части 4 статьи 426 ГПК РФ; пункт 2 части 4 статьи 239 АПК РФ).

Полагаем, что в этой связи корректировке должно быть подвергнуто основание, закрепленное в пункте 5 части 3 статьи 426 ГПК РФ; пункте 5 части 3 статьи 239 АПК РФ. В рассматриваемом основании формулировка «... процедура арбитража не соответствовали соглашению сторон или федеральному закону» и не в полной мере отвечает цели судебного контроля. В вопросе пределов контроля процедуры арбитража со стороны государственного суда следует придерживаться паритета частных и публичных интересов. Согласимся с мнением Т. Н. Нешатаевой, что необходим «сбалансированный подход, заключающийся в ограниченной контрольной функции государственных судов, рассматривающих споры по поводу соблюдения важнейших прав сторон при разбирательстве дела в третейском суде»¹. Поэтому пределы проверки должны быть ограничены соблюдением требований федерального закона, которые установлены для процедуры арбитража, ограничено прямо предусмотренное законом вмешательство суда в условия процедуры арбитража, согласованные сторонами.

В этом случае возникает закономерный вопрос: а если в ходе рассмотрения дела в третейском суде были допущены нарушения процедуры арбитража в части, определенной соглашением сторон, которая с точки зрения норм ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» носит диспозитивный характер? Согласно судебной практике в рассматриваемом случае следует применять иное основание.

Так, Котельничским районным судом Кировской области было отказано в выдаче исполнительного листа, поскольку «отсутствие в решении третейского суда сведений о взыскателе, а также указания на порядок взыскания свидетельствует о несоответствии решения третейского суда требованиям закона и, следовательно, указывает на то, что решение

¹ *Нешатаева Т. Н.* Третейские и государственные суды / Т. Н. Нешатаева // Вестник Пермского университета. Серия. Юридические науки. 2001. Вып. 2. С. 70.

третейского суда нарушает один из основополагающих принципов российского права – принцип законности»¹.

Считаем необходимым изложить пункт 5 части 3 статьи 426 ГПК РФ (пункт 5 части 3 статьи 239 АПК РФ) в следующей редакции: «состав третейского суда или процедура арбитража не соответствовали федеральному закону».

Дополним изложенные выше выводы еще одним аргументом: при рассмотрении системы оснований к отказу в выдаче исполнительного листа в рамках предварительного судебного контроля как с позиции объектов проверки (арбитражное соглашение и третейское решение), так и с позиции разграничения отношений (форма защиты и процедура арбитража), мы имеем возможность соблюсти баланс частных и публичных интересов.

Поясним подробнее. При анализе условий, отнесенных к отношениям в сфере выбора формы защиты, акцент делается на соблюдение прав участников третейского разбирательства, а при установлении оснований, которые определены для отношений в рамках процедуры арбитража, мы сохраняем границу.

Наиболее логичным с позиции доктрины видится предложение изменений в ГПК РФ и АПК РФ:

1. Часть 3 статьи 426 ГПК РФ. «Основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» изложить в следующей редакции:

«3. Суд может отказать в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в случаях, если сторона третейского разбирательства, против которой вынесено решение третейского суда, представит доказательства того, что:

1) одна из сторон третейского соглашения, на основании которого спор был разрешен третейским судом, не обладала полной дееспособностью;

¹ Определение от 07.05.2015 по делу № 2-2/143/2015. Текст : электронный. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/au0SDHrYwpoV/> (дата обращения: 28.02.2021).

2) третейское соглашение, на основании которого спор был разрешен третейским судом, недействительно по праву, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания – по праву Российской Федерации;

3) решение третейского суда вынесено по спору, не предусмотренному третейским соглашением либо не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения, однако если постановления по вопросам, охватываемым третейским соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, та часть решения третейского суда, в которой содержатся постановления по вопросам, охватываемым третейским соглашением, может быть признана и приведена в исполнение.».

2. Дополнить статью 426 ГПК РФ частью 4 следующего содержания:

«4. Суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в случаях, если сторона третейского разбирательства, против которой вынесено решение третейского суда, представит доказательства того, что:

1) сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или о третейском разбирательстве, в том числе о времени и месте заседания третейского суда, или по другим уважительным причинам не могла представить свои объяснения;

2) состав третейского суда или процедура арбитража не соответствовали федеральному закону.».

3. Части 4 и 5 статьи 426 ГПК РФ считать частями 5 и 6 соответственно.

Ввиду полной аналогии норм статьи 426 ГПК РФ и статьи 239 АПК РФ предложение следует распространить на оба процессуальных кодекса.

3.3. Акт государственного суда, выносимый в производстве о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда

В настоящее время с позиции законодателя роль государственного суда в рамках взаимодействия с третейскими судами сводится к реализации судом общей юрисдикции или арбитражным судом двух основных функций: содействия и контроля. При этом в ряде научных публикаций ставится «проблема наличия элементов излишнего контроля в содержании функции содействия»¹, а деятельность суда по выдаче исполнительного листа на решение третейского суда рассматривается в рамках реализации функции контроля². Вместе с тем, следует отметить, что решение вопроса о том, в рамках реализации какой из названных функций осуществляется деятельность государственного суда по выдаче исполнительного листа, имеет важное значение в определении его правовой природы.

В процессуальной науке высказывалось негативное мнение относительно постулата по реализации государственным судом в отношении третейского суда определенных функций (в частности, контроля) и предлагался термин «взаимодействие»³. Считаем, что термин «взаимодействие» указывает на содержание деятельности третейского суда и суда государственного, а категории «контроль и содействие» определяют

¹ См., в частности: *Клюева Е. К.* Осуществление государственным судами функций содействия в отношении третейских судов: значение и проблемы применения / Е. К. Клюева // Отечественная юриспруденция. 2019. № 3 (35). С. 70; *Колесникова Е. А.* Институт содействия третейским судам: новая проблема или решение / Е. А. Колесникова // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 2, № 5 (19). С. 75–78.

² См., в частности: *Зверева Н. С.* Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 14; *Очередько О. В.* Проблемы признания федеральными судами решений третейских судов в Российской Федерации / О. В. Очередько // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 2 (31). С. 29–36.

³ *Гимазов Р. Н.* Процессуальные аспекты взаимодействия арбитражных и третейских судов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11.

цели данной деятельности со стороны государственного суда, то есть не могут быть противопоставлены друг другу.

Вместе с тем, результатом рассмотрения заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда является вынесение судебного определения, которое служит основанием выдачи исполнительного листа. В этом отношении необходимо обозначить следующее: исполнительный лист не придает свойство исполнимости решению третейского суда, поскольку основанием его выдачи выступает акт суда государственного (определение).

С точки зрения нормативного регулирования задачей деятельности государственного суда является установление наличия (отсутствия) оснований к отказу в выдаче исполнительного листа, предусмотренных статьей 426 ГПК РФ или статьей 239 АПК РФ. При этом указанные основания носят сугубо процессуальный характер, а государственный суд при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа не вправе рассматривать по существу дело, рассмотренное третейским судом.

Таким образом, решение третейского суда охарактеризуем в рамках выделения двух его значений: материально-правового (вывод третейского суда, разрешающий спор сторон с точки зрения норм материального права) и процессуального (акт третейского суда, вынесенный по правилам арбитража). В ходе реализации «публичного» элемента механизма защиты в виде рассмотрения государственным судом дела о выдаче исполнительного листа происходит «преобразование» процессуальной части решения третейского суда. Процессуальная форма решения третейского суда заменяется процессуальной формой определения суда государственного. Таким образом, основанием для выдачи исполнительного листа в процессуальном смысле является определение суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. В результате рассмотрения государственным судом дела вывод, изложенный в резолютивной части решения третейского суда, с

материальной точки зрения не преобразуется в «государственно-властное веление». Именно поэтому решение третейского суда не приобретает свойств законной силы и после вынесения определения о выдаче исполнительного листа.

Итогом производства по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда является преобразование процессуальной формы решения третейского суда. Основанием для выдачи исполнительного листа в процессуальном смысле является определение суда о выдаче исполнительного листа, в котором заложено свойство исполнимости. При этом исполнимость является свойством определения о выдаче исполнительного листа, где закрепляется возможность принудительного исполнения.

Далее проанализируем правовую природу судебного акта (определения), выносимого в рамках производства о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Результаты деятельности органов судебной власти по рассмотрению и разрешению гражданского дела отражаются в предусмотренных процессуальным законом специальных актах. Согласно части 1 статьи 13 ГПК РФ суды общей юрисдикции принимают судебные постановления в форме судебных приказов, решений суда, определений суда, постановлений президиума суда надзорной инстанции. В соответствии с частью 1 статьи 14 АПК РФ арбитражный суд принимает судебные акты в форме судебного приказа, решения, постановления, определения.

С. К. Загайнова предлагает следующее определение судебных актов – «это установленная гражданским процессуальным, арбитражным процессуальным правом форма выражения судебными органами своей воли, которая непосредственно направлена на обеспечение действующих прав, свобод и законных интересов участников гражданского оборота»¹. Судебные

¹ Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 1–389.

акты выражают властное суждение суда по поводу разрешения им материально-правовых и процессуальных вопросов в рамках рассмотрения гражданского дела.

Остановимся подробнее на определении суда как виде судебного акта. Определения отражают мнение суда по отдельным вопросам, возникающим в ходе судопроизводства. Их содержание и порядок вынесения регулируются главой 20 ГПК РФ и главой 21 АПК РФ. Согласно статье 224 ГПК РФ судебные постановления суда первой инстанции, которыми дело не разрешается по существу, выносятся в форме определений суда. По смыслу статей 15 и 184 АПК РФ определение – это судебный акт, который выносится арбитражным судом по вопросам, требующим разрешения в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, законодатель подчеркивает процессуальную природу определения. В контексте модели третейской защиты определения государственного суда имеют значение акты, фиксирующие включение «публичного» элемента в механизм частного правоприменения. Указанные определения закрепляют результат деятельности государственного суда в рамках «публичного» элемента механизма защиты прав.

Вместе с тем, следует подробнее остановиться на анализе сущности выносимых в рамках исполнения решений третейского суда актов суда государственного.

В науке процессуального права существует немало фундаментальных исследований¹, посвященных анализу именно судебных определений как разновидности судебных актов.

¹ См., в частности: *Загайнова С. К.* Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 1–50; *Миносян Г. М.* Решения и определения судов первой инстанции общей юрисдикции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 1–30; *Пахомова Л. А.* Требования, предъявляемые к форме и содержанию постановлений суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 1–22; *Ерошкин Н. В.* Система актов органов судебной власти в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 1–23.

При этом наиболее распространенной, отграничивающей судебное решение от судебного определения, является формулировка, где определение суда выступает актом суда первой инстанции, которым дело не разрешается по существу (часть 1 статьи 224 ГПК РФ; часть 1 статьи 184 АПК РФ; часть 1 статьи 198 КАС РФ), то есть «не дает ответа на главный вопрос судопроизводства, связанный с наличием или отсутствием у заинтересованного лица права на получение судебной защиты»¹. Из встречающихся в учебной литературе содержательных характеристиках определений суда имеется лишь указание на их процессуальный характер, фиксацию процессуальных действий судьи² или, другими словами, они являются «внешней формой применения судом нормы процессуального права»³.

Если для исследования природы судебных определений использовать деятельностный аспект, то для дальнейших выводов следует различать два возможных теоретических подхода.

Первый основан на идее о том, что любая деятельность государственного суда является деятельностью по отправлению правосудия и направлена на решение задач гражданского судопроизводства. При этом некоторые авторы выделяют отдельные виды правосудия. Так, в частности, И. Ю. Носков отмечает «традиционное правосудие», предметом рассмотрения которого являются гражданские правовые споры, уголовные дела, административные правонарушения и иные виды правосудия (судебный контроль; судебное санкционирование; правосудная деятельность по разрешению иных правовых вопросов, относящихся к компетенции судов

¹ Осокина Г. Л. Гражданский процесс : особенная часть / Г. Л. Осокина. М. : Норма, 2007. С. 217, 218; Гражданское процессуальное право : учебник по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) : в 2 т. / Т. К. Андреева, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2020. С. 333.

² См., в частности: Гражданское процессуальное право : учебник по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) : в 2 т. / Т. К. Андреева, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2020. С. 334.

³ Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 456.

общей юрисдикции: установление юридического факта, отсрочка исполнения и т.п.)¹.

Второй подход предполагает разграничение деятельности суда в рамках рассмотрения и разрешения конкретного гражданского дела (либо спора), то есть деятельность по отправлению правосудия, и иную деятельность суда по решению отдельных вопросов, например, связанных с исполнением и т.п. Например, по мнению М. Ю. Кузнецова, «основными функциями судебной власти являются: правосудие; контрольная функция; правозащитная; толкование правовых норм»². Похожего мнения придерживается Е. В. Завражнов, который к числу функций судебной власти относит «правосудие, судебный контроль, обобщение судебной практики и разъяснение на ее основе юридических норм, правотворчество»³. В частности, такой подход позволяет говорить о различной природе выносимых судебных определений в зависимости от реализуемой функции.

Исходя из концепции, которая будет положена в основу дальнейшего исследования, зависит понимание сущности рассматриваемой группы судебных определений.

Широкое понимание правосудия в рамках первого подхода вызывает затруднения в оценке правовой природы определения о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда, поскольку либо в этом случае построение концепции единого механизма защиты прав в рамках арбитража становится невозможно, либо для пояснения его сущности следует принимать позицию исключения из числа судебных постановлений (актов). Так, в частности, если использовать логику рассуждений

¹ Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 1–24.

² Кузнецов М. Ю. Реализация контрольной функции судебной власти в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 1–27.

³ Завражнов Е. В. Судебная власть в Российской Федерации: общетеоретические вопросы и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 1–30.

М. Г. Миносян¹ о содержании статьи 13 ГПК РФ, которая именуется законодателем «Обязательность судебных постановлений», то там речь идет не только о судебных постановлениях, вступивших в законную силу, но и законных распоряжениях, требованиях, поручениях, вызовах и других обращениях мировых судей и федеральных судов общей юрисдикции. Можно предположить, что акт, выносимый судом при выдаче исполнительного листа на решение третейского суда, фактически приравнивается к законным распоряжениям суда, к чему позволим отнестись критически.

Если придерживаться второго подхода, то правоприменительную деятельность суда следует разделить на деятельность по отправлению правосудия, осуществляемую в рамках судебного разбирательства, предметом которой является рассмотрение и разрешение гражданского дела. Результатом данной деятельности выступает, как правило, вынесение судебного решения. В рамках деятельности по отправлению правосудия выносимые судом в ходе производства по делу определения подчинены общей цели судебного разбирательства и фиксируют совершение судом отдельных процессуальных действий по рассматриваемому гражданскому делу. При этом отсутствие анализа правовой природы отдельных видов определений связано, прежде всего, с тем, что большинство судебных определений содержательно направлены на реализацию основной функции судебной деятельности – правосудие по конкретному делу. Как отмечает Н. А. Громошина: «актами правосудия будут лишь те из числа принимаемых судом постановлений, которые являют собою реализацию целей правосудия. Правосудие в сфере гражданского судопроизводства по своей идеальной модели нацелено на разрешение спора о праве (правового спора) или ликвидацию возникшей правовой аномалии. Все признаки правосудия «соединяются» только в одном акте, – в том, который разрешает дело по

¹ Миносян Г. М. Решения и определения судов первой инстанции общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 1–30.

существо, то есть в судебном решении. Определения суда первой инстанции – это акты, принимаемые в ходе осуществления правосудия, но актами правосудия они не являются»¹.

Именно поэтому вопрос о содержательной сущности большинства определений, выносимых судами первой инстанции, не является актуальным. Вместе с тем существует достаточно широкий спектр вариантов классификации судебных определений. Так, М. К. Треушников предлагает использовать критерий – «отношение к главному вопросу в деле, к разрешению гражданского дела по существу»² и выделяет шесть видов определений. Акцент на критерии классификации сделан с целью обратить внимание на тот факт, что большинство признаков и оснований, выработанных наукой, относятся к той части судебных определений, которые выносятся судом в рамках рассмотрения и разрешения конкретного спора (искового производства) или иного гражданского дела (например, особого производства).

Вместе с тем, существует целый ряд производств, целью которых не является рассмотрение и разрешение гражданского дела, а лишь конкретного вопроса: связанного с исполнением или выполнением функции содействия и контроля в отношении третейских судов. При этом особое внимание уделим именно итоговым судебным определениям. С одной стороны, сам выбор процессуальной формы окончания указанных производств законодателем подчеркивает различие в правовой сущности характера судебной деятельности. С другой – они не являются полным тождеством определений, выносимых в ходе рассмотрения и разрешения гражданского дела.

Таким образом, с позиции деятельностного подхода определение о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда не является

¹ Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 1–51 .

² Гражданский процесс: учебник / под ред. М. К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательский Дом «Городец», 2007. С. 1–784.

актом правосудия, но выступает итоговым актом в рамках реализации государственным судом функции содействия.

Рассмотрим определение, выносимое государственным судом по итогам рассмотрения вопроса о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда с позиции механизма защиты прав.

Согласимся с мнением Л. А. Пахомовой, что «определение – это постановление суда общей юрисдикции, имеющее форму процессуального документа, не разрешающее материально-правовой спор по существу, являющееся юридическим фактом возникновения, изменения или прекращения гражданских процессуальных отношений»¹. С этой точки зрения определение о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда следует рассматривать как определение, влекущее изменение процессуальных отношений.

Подтверждением изложенного является и вывод С. К. Загайновой: «судебные акты не только завершают рассмотрение дела в рамках отдельного правоприменительного цикла, но и являются связующим звеном между различными стадиями в правоприменительном цикле»². Таким образом, единый правоприменительный цикл, о котором говорится в работе С. К. Загайновой, или единый механизм защиты прав, о котором речь идет в настоящей работе, обуславливают понимание природы судебного определения о выдаче исполнительного листа как основания для изменения процессуальных отношений в реализации «третейской защиты» с частноправовой основы на «публичный» элемент, именуемый принудительным исполнением.

Также необходимо обратить внимание на значение рассматриваемого судебного определения с позиции законной силы судебных актов, а точнее

¹ Пахомова Л. А. Требования, предъявляемые к форме и содержанию постановлений суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 1–22.

² Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 1–50.

одного из свойств – исполнимости. Согласимся с мнением Е. В. Клиновой, что «под свойством исполнимости следует понимать возможность принудительного осуществления обязанности, установленной судебным решением, по инициативе управомоченного лица и помимо воли обязанного по решению лица, с помощью специально уполномоченных государственных органов принудительного исполнения – службы судебных приставов»¹.

Исполнимость как свойство законной силы имеет динамический характер, другими словами, указанное свойство является «отделимым» от совокупности свойств законной силы судебного решения.

В подтверждение указанного вывода можно привести в пример институт немедленного исполнения судебного решения, который на дореволюционном этапе развития науки гражданского процессуального права именовался «предварительным исполнением». «По общему началу, решения окружного суда подлежат исполнению только тогда, когда они вошли в законную силу, то есть когда они не обжалованы в установленный срок (пункты 1 и 2 статьи 892). Но в виде исключения допускается исполнение решений окружных судов до вступления их в законную силу (статья 736), немедленно после их постановления. Таким образом, предварительным исполнением называется исполнение не вошедшего в законную силу решения окружного суда»².

В этой связи определение о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда аналогично определению об обращении решения к немедленному исполнению.

Уточним основные признаки, характеризующие определение суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда:

¹ Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 1–28.

² Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса : учебник / Е. В. Васьковский ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2014. § 101: Предварительное исполнение. С. 314–315.

1) с позиции деятельностного подхода определение о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда не является актом правосудия, но выступает итоговым актом в рамках реализации государственным судом конкретной функции;

2) с позиции механизма защиты прав судебное определение о выдаче исполнительного листа выступает основанием для изменения процессуальных отношений в реализации «третейской защиты» с частноправовой основы на «публичный» элемент, именуемый принудительным исполнением;

3) с позиции сущности судебного акта исполнимость является свойством определения о выдаче исполнительного листа, где закрепляется возможность принудительного исполнения.

Использование концепции единства механизма судебной защиты гражданских прав с позиции правоприменительной деятельности позволяет обозначить мнение в отношении сущности производства о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. В рамках третьей главы настоящего исследования отмечено, что выдача исполнительного листа на решение третейского суда не является самостоятельным явлением, а должна рассматриваться как предварительный этап в принудительном исполнении решения третейского суда. Также в качестве законодательного усовершенствования укажем на необходимость главы 47 «Производство по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» ГПК РФ и § 2 «Производство по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» главы 30 АПК РФ перенести в раздел VII «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов» ГПК РФ и раздел VII «Производство по делам, связанным с исполнением судебных актов арбитражных судов» АПК РФ соответственно.

При этом необходимость корректного отражения совокупности норм, регулирующих порядок выдачи исполнительного листа, связан, прежде всего, с пониманием взаимной связи между актами государственного суда, выносимого в рамках исполнения.

Поясним вышеприведенный тезис. С точки зрения гражданского процессуального права и законодательной техники четко разделены два этапа правоприменительного цикла: рассмотрение и разрешение дела, а также исполнение акта правоприменения. С позиции деятельности по отправлению правосудия это означает, что судебное решение и исполнительный лист представляют собой два различных акта. При этом нормы, регулирующие порядок вынесения судебного решения, включены в подраздел «Исковое производство» раздела «Производство в суде первой инстанции», а нормы, регулирующие порядок выдачи исполнительного листа (его дубликата), в раздел «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов». В рамках данного производства судом рассматриваются ключевые вопросы, связанные с принудительным исполнением, и принимаются судебные постановления, имеющие значение для хода исполнительного производства. То есть законодатель подчеркивает, что на этапе принудительного исполнения суд принимает непосредственное участие, это оформляется совокупностью актов, связанных с исполнением судебного постановления.

Именно поэтому нормы, регулирующие выдачу исполнительного листа на решение третейского суда, должны быть в числе норм, регулирующих исполнение.

Судебная практика доказывает, что в рамках принудительного исполнения решения третейского суда государственный суд участвует не только на предварительном этапе, решая вопрос о выдаче исполнительного листа, но и рассматривает отдельные вопросы исполнительного производства.

Таким образом, с точки зрения единого механизма защиты прав этап исполнения решения третейского суда представляет собой «публичный» элемент:

– момент начала принудительного исполнения, ключевые этапы исполнительного производства сопровождаются вынесением со стороны государственного суда соответствующих постановлений;

– действия государственного суда и органа принудительного исполнения отвечают единой цели – защите нарушенных гражданских прав субъекта.

Реализация принудительного исполнения исключительно в рамках «публичного» элемента обусловлена тем, что «исполнительное производство является неотъемлемым элементом механизма реализации публичной власти (ее разновидности – государственной власти), аппарат которой осуществляет управление обществом с помощью специфических приемов централизованного согласования индивидуальных поведений субъектов правоотношений»¹.

Также сделаем акцент на том, что принудительное исполнение не рассматривается как деятельность исключительно органов принудительного исполнения. В качестве аргумента приведем мнение К. С. Морковской: «Система принудительного исполнения юрисдикционных актов есть организованная определенным способом деятельность, включающая в себя совокупность действий субъектов исполнительных процессуальных правоотношений, урегулированная нормами исполнительного процессуального права, и направленная на правильное и своевременное исполнение юрисдикционных актов с целью защиты нарушенных или

¹ Шумилов Ю. И. Исполнительное производство в период становления правового государства в России: понятие, содержание, динамика развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 1–24.

оспариваемых прав, свобод и законных интересов взыскателя»¹. Таким образом, судебные определения, выносимые в рамках производства, связанного с исполнением судебных актов и актов иных юрисдикционных органов, образуют систему. Определение о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда относится к указанной системе судебных определений и имеет с ними общие черты.

Безусловно, для выявления основных признаков судебных определений, выносимых в рамках производства, связанного с исполнением, принципиальным моментом является обозначение позиции в отношении конкретной цели суда при вынесении указанного вида актов. Не согласимся с позицией Л. В. Ярошенко, которая относит решение судом всех вопросов, связанных с: выдачей исполнительного листа, обеспечением исполнения, приостановлением исполнительного производства и т.п., к реализации функции так называемого косвенного контроля, под которым «понимается осуществление судом целого ряда контрольных полномочий по обеспечению движения исполнительного производства и решению вопросов, возникших в рамках осуществления исполнительных действий»². Суд и органы принудительного исполнения осуществляют взаимодействие и решение тех вопросов исполнительного производства, которые могут существенно повлиять на реализацию механизма защиты прав в целом, и реальность восстановления прав в каждом конкретном случае в частности, требуют участие органа, вынесшего правоприменительный акт.

Также в качестве исключения идеи опосредованного контроля суда в рамках вынесения определений в производстве, связанном с исполнением, отметим, что реализация функции контроля (как предварительного, так и последующего) в принципе предполагает, что сам орган совершает

¹ Морковская К. С. Гражданские процессуальные средства повышения эффективности исполнительного производства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 1–24.

² Ярошенко Л. В. Судебный контроль за исполнительным производством в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 1–35.

процессуальное действие, в отношении которого осуществляется контроль. Иными словами, контроль возможен только в его прямом смысле: либо как разрешение совершить действие в последующем, либо как отмена незаконного совершенного действия. В тех же случаях, когда в соответствии с законом между двумя органами распределены аналогичные полномочия, мы не можем говорить о реализации одним органом в отношении другого контроля.

Таким образом, если в соответствии с ФЗ «Об исполнительном производстве» статья 39 предусматривает случаи приостановления исполнительного производства судом, а статья 40 – судебным приставом-исполнителем, то это реализация одной функции, но различными органами. В подтверждение указанного вывода следует обратить внимание на пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства», где указано, что «вопросы исполнительного производства, отнесенные к компетенции судов, разрешаются в соответствии с разделом VII ГПК РФ»¹. Суд наряду с органом принудительного исполнения разрешает вопросы, а не осуществляет контроль.

Согласимся с позицией Д. В. Павина, который на основе анализа функций суда в сфере исполнительного производства предлагает классификацию именно судебных полномочий в отношении исполнительных документов: «принятие судебного акта и на его основе выдача исполнительного документа; подготовка к исполнению судебного акта; разрешение ряда вопросов, связанных с обеспечением динамического развития исполнения судебных актов и актов иных юрисдикционных органов; осуществление контроля за действиями судебного пристава-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/ (дата обращения: 05.03.2021).

исполнителя по исполнению требований исполнительных документов; разрешение вопросов, связанных с поворотом исполнения решения суда; разрешение споров в сфере исполнительного производства»¹.

Судебные определения, выносимые в рамках исполнительного производства, встают в ряд с процессуальными актами органа принудительного исполнения, поскольку влияют на движение процесса принудительного исполнения. В этой связи проведем параллель: как определения суда, выносимые в ходе судебного разбирательства, фиксируют совершение судом отдельных процессуальных действий, направленных на рассмотрение и разрешение дела, так и определения суда, выносимые в рамках производства, связанного с исполнением, наряду с постановлениями органа принудительного исполнения, фиксируют совершение отдельных процессуальных действий в рамках исполнения. Исключения составят только определения суда, выносимые по итогам рассмотрения заявлений об оспаривании постановлений должностных лиц службы судебных приставов, их действий.

Таким образом, судебные определения, выносимые в рамках производства, связанного с исполнением судебных актов и актов иных юрисдикционных органов, представляет собой вид постановления (судебного акта) суда первой инстанции, которое фиксирует разрешение вопросов принудительного исполнения, отнесенные к компетенции судов.

На основании изложенного, обозначим признаки определения суда, выносимого в рамках производства, связанного с исполнением, в том числе определения о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда:

1) закрепляет разрешение вопросов принудительного исполнения, отнесенные к компетенции судов;

¹ Павин Д. В. Правовая природа исполнительных документов: теоретико-прикладные проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 1–30.

2) конкретная цель акта – фиксация процессуального действия государственного суда в рамках принудительного исполнения, общая цель – защита нарушенных гражданских прав субъекта.

3.4. Содержательные особенности и перспективы нормативного регулирования принудительного исполнения решения третейского суда

Рассмотрение в настоящей работе третейской защиты через основные характеристики правоприменительной деятельности, а также традиционное понимание исполнительного производства как разновидности юридического процесса¹ позволяют подойти к вопросу принципов принудительного исполнения решения третейского суда через анализ специфики применения указанных основ.

С целью комплексного анализа принудительного исполнения как элемента механизма третейской защиты остановимся на его содержательной характеристике и нормативной специфике закрепления.

Исполнительное производство как основной этап принудительного исполнения является предметом многих научных исследований, среди которых исследования фундаментального характера², а также научные работы, посвященные отдельным вопросам как в рамках процессуальной

¹ *Уваров П. В.* Исполнительное производство как разновидность юридического процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 1–23.

² *Исаенкова О. В.* Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 1–380; *Кузнецов В. Ф.* Система исполнительного производства: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 1–333; *Валеев Д. Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 1–474; *Свирин Ю. А.* Исполнительное право в системе российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 1–375; *Гальперин М. Л.* Ответственность в исполнительном производстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 1–464; *Кузнецов Е. Н.* Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 1–440. URL : https://usla.ru/science/dissovet/file/base/5/555/dissert_dl.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

науки, так и междисциплинарного характера¹.

В качестве отправной точки подчеркнем «самостоятельный отраслевой характер»² рассматриваемого правового явления. Таким образом, обозначение его содержательных особенностей предполагает:

– анализ принципов исполнительного производства, которые выработаны юридической доктриной, и определение специфики их действия в рамках механизма третейской защиты;

– выявление особенностей и перспектив в сфере реализации общих правил исполнительного производства применительно к исполнению решений третейских судов;

– определение направлений и специфики нормативного регулирования принудительного исполнения в механизме третейской защиты.

Основы правового регулирования исполнительного производства в целом имеют нормативное закрепление в рамках статьи 4 ФЗ «Об исполнительном производстве», в которой выделяются принципы: законности; своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения; уважения чести и достоинства гражданина; неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи; соразмерности объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения.

Ключевые доктринальные исследования, касающиеся вопросов исполнительного производства, освещают основные подходы в отношении системы его принципов. В отношении таких принципов, как законность и соразмерность требований и применяемых мер, представители науки в целом единодушны: их смысловое наполнение включено в системы принципов,

¹ *Агеев А. Х.* Частноправовые и публично-правовые начала в исполнительном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 1–178; *Беркутова О. С.* Административно-процедурные производства в сфере исполнительной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 1–24.

² *Исаенкова О. В.* Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 1–380.

предлагаемых учеными.

М. Л. Гальперин выделяет следующие принципы исполнительного производства: процессуального формализма; процессуального равноправия сторон; процессуального руководства исполнительным производством судебным приставом-исполнителем; соразмерности исполнительных действий; приоритета имущественного воздействия перед воздействием на личность должника; приоритета исполнения требований исполнительного документа в неизменном виде; заинтересованности (поощрения активности) взыскателя¹.

В рамках диссертационного исследования О. В. Исаенковой выделены принципы: законности; принцип равенства перед законом участников исполнительного производства; государственного языка исполнительного производства; диспозитивности исполнительного производства для взыскателя; неприкосновенности личности должника; неприкосновенности минимума средств существования должника; пропорционального распределения взысканных сумм между взыскателями; сочетания отраслевой и территориальной организации исполнения². Особая роль принципа законности в определении эффективности исполнительного производства отмечается Н. А. Артебякиной³.

Наряду с признанными общеизвестными, В. Ф. Кузнецов выделяет специфические принципы: принудительного исполнения судебных актов и актов других органов специально уполномоченными государственными органами; безусловного обращения взыскания на имущество должника; обязательности требований судебного пристава-исполнителя; безусловного возбуждения исполнительного производства только судебным приставом-

¹ Гальперин М. Л. Ответственность в исполнительном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 1–464.

² Исаенкова О. В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 1–380.

³ Артебякина Н. А. Нарушение прав взыскателя и должника при взыскании задолженности в рамках исполнительного производства / Н. А. Артебякина // Юрист. 2019. № 10. С. 9–13.

исполнителем; совершения исполнительных действий в сроки, установленные законом; первоочередного удовлетворения требований взыскателя; защиты прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий и юридической возможности обжаловать действия судебного пристава-исполнителя¹.

Помимо анализа системы в целом, некоторые ученые предлагают дополнить исполнительное производство отдельными принципами. Так, Е. С. Яловая считает необходимым введение и законодательное закрепление межотраслевого принципа исполнительного законодательства – принципа оперативного и своевременного исполнения².

Полагаем, что выявление специфики действия принципов исполнительного производства в рамках механизма третейской защиты требует рассмотрения двух аспектов: с одной стороны, обозначение позиции по вопросу соотношения цели (задач) исполнительного производства и системы принципов; с другой – определить, какие основы правового регулирования характерны для исполнительного производства для решений третейских судов.

По вопросу соотношения цели (задач) правоприменительной деятельности и системы принципов в юридической науке отсутствуют исследования фундаментального характера. Вместе с тем, в рамках отдельных научных работ можно увидеть позиции ученых. Так, правовая цель определяется как идеально предполагаемая модель, отражающая то состояние общественной жизни, к которому стремится государство и предполагает использование определенного механизма достижения планируемого результата³. При этом цель достигается посредством

¹ Кузнецов В. Ф. Система исполнительного производства: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 1–333.

² Яловая Е. С. Исполнительные правоотношения в сфере арбитражной юрисдикции: генезис и пути совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 1–242.

³ Кулапов В. Л. Соотношение целей, задач и функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 31.

выполнения целого комплекса задач, обеспечивающих скоординированное достижение цели многими субъектами¹.

С позиции нормативного закрепления целью рассматриваемой правоприменительной деятельности, закрепленной в статье 2 ФЗ «Об исполнительном производстве», является защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, а также обеспечение исполнения обязательств по международным договорам Российской Федерации. К задачам относятся: правильное и своевременное исполнение судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях исполнение иных документов.

В научной литературе высказана позиция в отношении цели исполнительного производства именно в контексте механизма защиты прав – это необходимость восстановления правомерного поведения субъектов права в рамках устанавливаемого государством юридически значимого поведения².

Взаимосвязь цели (задач) исполнительного производства и его принципов следует определить через соотношение «итоговый результат – способ (инструментарий) для его достижения». Роль принципов заключается в определении основ для создания процессуального порядка, являющегося наиболее эффективным для достижения цели. В этом контексте следует подвергнуть критике факт дублирования такого требования, как своевременность совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения, которое допускает законодатель, включая указание на рассматриваемую категорию в статье 2 и статье 4 ФЗ «Об исполнительном производстве». Своевременность исполнения относится к задачам исполнительного производства, решение которой обеспечивается путем действия принципа законности в части соблюдения судебным

¹ Кулапов В. Л. Соотношение целей, задач и функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 31.

² Свириной Ю. А. Исполнительное право в системе российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 1–375.

приставом-исполнителем установленной законом процессуальной формы. Также следует критически оценить и ряд принципов, обозначенных в работе В. Ф. Кузнецова, поскольку они либо являются признаками правоприменительной деятельности (принцип принудительного исполнения судебных актов и актов других органов специально уполномоченными государственными органами; принцип обязательности требований судебного пристава-исполнителя; принцип безусловного возбуждения исполнительного производства только судебным приставом-исполнителем), либо фактически являются задачами исполнительного производства (принцип совершения исполнительных действий в сроки, установленные законом; принцип защиты прав взыскателя, должника и других лиц при совершении исполнительных действий).

Второй аспект вопроса – основы правового регулирования исполнительного производства для решений третейских судов. Для вывода по данной позиции необходимо учесть сочетание частных и публичных начал как при построении системы исполнительного производства в целом, так и в рамках механизма третейской защиты.

По мнению А. Г. Ильченко, сочетание публично-правовых и частноправовых начал характерно для действующей российской модели исполнительного производства, хотя в целом она носит государственный характер¹. И, следуя логике взаимной связи с принципами, указанный автор отмечает, что принципы российского права приобретают в исполнительном производстве специфическую интерпретацию (принцип равенства граждан перед законом, принцип диспозитивности), обусловленную сущностью исполнительного производства и статусом его участников в правоприменительном процессе².

А. Г. Агеев также поддерживает идею наличия частноправового

¹ *Ильченко А. Г.* Взаимодействие суда и органов принудительного исполнения в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 1–151.

² Там же.

регулирования и предлагает рассматривать принцип диспозитивности в качестве одного из основополагающих частноправовых начал деятельности, связанной с принудительным исполнением юрисдикционных актов¹.

При определении основ правового регулирования исполнительного производства для решений третейских судов крайне важно применить «обоснованное соотношение управления и саморегулирования»² для достижения «нормативного консенсуса»³. Если в качестве системы принципов выделить те, которые соответствуют основной цели и задачам исполнительного производства, то к ним следует отнести принципы: законности; неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи; соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения (соразмерности исполнительных действий).

Дополнительно, применительно к специфике действия принципов исполнительного производства следует учесть, что основой третейской защиты выступает совокупность публичных элементов, определяемых государством в рамках процессуальной формы, а также частных элементов, которые определяют свободу сторон третейского соглашения в выборе отдельных процессуальных возможностей. В данном контексте обратим внимание на два обстоятельства: во-первых, в рамках анализа предварительного этапа принудительного исполнения арбитражного решения был сделан вывод о том, что при рассмотрении государственным судом вопроса о выдаче исполнительного листа проверяется не только само арбитражное решение, но и третейское соглашение; во-вторых, стороны своим прямым соглашением могут предусмотреть, что арбитражное решение

¹ *Агеев А. Х.* Частноправовые и публично-правовые начала в исполнительном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 1–178.

² *Тихомиров Ю. А.* Векторы управления в фокусе права // Правовые аспекты государственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 138.

³ Там же.

является для сторон окончательным, то есть не подлежит отмене¹. Таким образом, договорный характер отношений при выборе механизма третейской защиты, которым обусловлено содержание в нем частноправовых начал, позволяет сторонам фактически отказаться от оспаривания арбитражного решения путем фиксации его окончательности. Учитывая указанную логику, а также законодательно заложенную обязанность добровольного исполнения, считаем возможным распространение института окончательности арбитражного решения также и на принудительное исполнение.

Уникальность построения третейской защиты влияет на порядок принудительного исполнения решения третейского суда. Несмотря на то обстоятельство, что «нет специальных норм, регулирующих принудительное исполнение решения третейского суда»², доктринальная модель механизма третейской защиты предполагает освещение и аспекта особенностей применения общих правил исполнительного производства. Вместе с тем, на уровне доктрины и законодательной деятельности в последнее время усиливается тенденция унификации в сфере процессуального права. В частности, следует отметить идеи возможности создания единого понимания в рамках отдельных институтов процессуального права, на примере института лиц, участвующих в деле³. Полагаем, что сочетание идеи унификации в сфере процессуального права не противоречит идее выделения особенностей исследуемого института, поскольку позволяет наиболее полно охарактеризовать его содержание и внести предложения по совершенствованию норм, его регулирующих.

В первую очередь обратим внимание на следующее: если общим правилом исполнения судебного решения является приведение его в

¹ Статья 40. Порядок оспаривания арбитражного решения. ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

² Булыгин М. М. К вопросу о принудительном исполнении решений третейских судов / М. М. Булыгин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 7. С. 59–62.

³ Артебякина Н. А. О необходимости унификации норм института лиц, участвующих в деле, в процессуальных отраслях российского права / Н. А. Артебякина // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 1. С. 11–13.

исполнение после вступления решения в законную силу (свойство исполнимости), а случаи немедленного исполнения – исключение из него¹, то в рамках «третейской защиты» имеются принципиальные отличия, требующие пояснения.

В соответствии со статьей 41 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» арбитражное решение является обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения. Здесь речь идет о реализации стороной обязанности исполнить решение. Возникает эта обязанность в момент заключения сторонами соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда.

Поскольку институт законной силы и свойство исполнимости как его составляющая не присущи арбитражным решениям, а также период «добровольного» исполнения связан не с периодом вступления решения в законную силу, то общим правилом исполнения решения третейского суда является его немедленный характер. Он подчеркивает, прежде всего, неукоснительность исполнения обязанности, которую сторона взяла на себя в момент заключения соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда. В подтверждение данного вывода можно привести данные Калининградской торгово-промышленной палаты, что «в 90 % случаев решение третейского суда исполняется сторонами добровольно»². Таким образом, принудительное исполнение решения третейского суда в рамках исполнительного производства носит исключительный характер.

Обязательным условием для возбуждения исполнительного производства является получение заинтересованной стороной

¹ Статья 210 «Исполнение решения суда» ГПК РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022); Часть 1 статьи 182 «Исполнение решения, судебного приказа» АПК РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.01.2022).

² Решение третейского суда: порядок принятия и исполнения. Текст : электронный // Третейский суд для разрешения экономических споров при Калининградской торгово-промышленной палате : официальный сайт. URL : <http://www.kcci-adr.ru/the-decision-of-the-court-of-arbitration-procedure-for-the-adoption-and-execution-of/> (дата обращения: 08.09.2021).

исполнительного листа в компетентном суде. На этом этапе содержательной особенностью является то обстоятельство, что в тексте исполнительного листа должна быть указана резолютивная часть решения третейского суда, подлежащая исполнению, а не «определения о выдаче исполнительного листа или об отказе в отмене решения третейского суда»¹. В процитированной статье активно обсуждается проблема «двойной экзекватуры». Сами выводы авторов и указанная проблематика не входят в задачи настоящего параграфа, но позиция вышестоящих инстанций, обсуждаемая в приведенной статье, является интересной в определенном аспекте. В рассматриваемом деле суд выдал исполнительный лист одной стороне спора на основании определения об отказе в отмене третейского решения, вынесенного по заявлению другой стороны. Вышестоящие инстанции, отменяя судебные акты, в числе прочего отметили, что ошибкой суда явилось указание «в исполнительном листе основанием выдачи исполнительного листа ... судебный акт»² (определение об отмене). Уточним, что статья 13 ФЗ «Об исполнительном производстве» при формулировании требований, предъявляемых к исполнительным документам, разделяет указание на суд и материалы, на основании которых выдан исполнительный лист (пункты 1 и 2 части 1 статьи 13), и изложение резолютивной части решения (пункт 6 части 1 статьи 13). В этом отношении основанием выдачи исполнительного листа на решение третейского суда является определение государственного суда о выдаче исполнительного листа, но резолютивная часть переносится из арбитражного решения.

Таким образом, помимо специфики исполнительного листа, выдаваемого на арбитражные решения компетентным судом, которая заключается в том, что с материальной точки зрения исполняется резолютивная часть решения суда третейского, основным является

¹ Шер М. Принудительное исполнение решений третейских судов в России – случился опасный судебный прецедент / М. Шер, Н. И. Шер Гайдаенко, О. В. Зайцев // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 5. С. 104.

² Там же. С. 105.

отсутствие оснований для взыскания исполнительского сбора.

Регламентами третейских судов не допускается установление штрафных санкций за неисполнение решения третейского суда. Это следует из добровольного характера выбора процедуры третейского разбирательства, как альтернативного способа разрешения споров, имеющих частноправовую природу и не наделенного в силу этого публично-правовыми функциями, такими как взыскание штрафов, наложение санкций. Другими словами, в рамках исполнительного производства арбитражных решений институт исполнительского сбора применяться не должен.

В отношении нормативного закрепления основных теоретических выводов отметим следующее:

Во-первых, буквальное нормативное предписание, содержащееся в статье 41 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», предусматривает, что арбитражное решение принудительно приводится в исполнение путем выдачи исполнительного листа в соответствии с указанным Федеральным законом и положениями процессуального законодательства Российской Федерации. Вместе с тем, выводы, сделанные выше в рамках настоящего исследования, определяют, что принудительное исполнение арбитражного решения включает в себя два этапа: предварительный (выдача исполнительного листа по правилам ГПК РФ или АПК РФ) и основной (собственно исполнительное производство, осуществляемое по правилам ФЗ «Об исполнительном производстве в Российской Федерации»).

В этой связи наиболее корректным будет изложение части 1 статьи 41 «Приведение в исполнение арбитражного решения» ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» в следующей редакции:

«1. Арбитражное решение признается обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения. Арбитражное решение приводится в исполнение принудительно

на основании исполнительного листа, выданного компетентным судом на основании заявления заинтересованной стороны в соответствии с настоящим Федеральным законом, положениями процессуального законодательства Российской Федерации и иными федеральными законами, регулирующими вопросы исполнительного производства.».

Во-вторых, требуется внести дополнения в процессуальное законодательство:

Дополнить часть 2 статьи 427 «Определение суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» ГПК РФ подпунктом 6 следующего содержания: «б) указание на немедленное исполнение.».

Дополнить часть 2 статьи 240 «Определение арбитражного суда по делу о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» АПК РФ подпунктом 6 следующего содержания: «б) указание на немедленное исполнение.».

На основании проведенного исследования сформулируем выводы в рамках третьей главы работы:

1. Под содержанием «публичного» элемента, включенного в механизм судебной защиты гражданских прав в форме третейской защиты, следует понимать обеспеченную государством возможность принудительно исполнить решение третейского суда. Процессуальными особенностями данного элемента выступают два последовательных этапа: предварительный (реализуемый судом в рамках производства по делам о выдаче исполнительного листа на решение третейского суда) и основной (реализуемый в рамках исполнительного производства на основании определения суда о выдаче исполнительного листа). При этом нормативное регулирование каждого этапа обусловлено статусом органа, осуществляющим правоприменение, и поэтому находит закрепление в различных нормативных актах.

2. С позиции единого механизма третейской защиты решение

третейского суда характеризуется в рамках выделения двух его значений: материально-правового (вывод третейского суда, разрешающий спор сторон с точки зрения норм материального права) и процессуального (акт третейского суда, вынесенный по правилам арбитража). В ходе реализации «публичного» элемента путем рассмотрения государственным судом дела о выдаче исполнительного листа происходит «преобразование» процессуальной части решения третейского суда. Процессуальная форма решения третейского суда заменяется процессуальной формой определения суда государственного. Таким образом, основанием для выдачи исполнительного листа в процессуальном смысле является определение суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. При этом в результате рассмотрения государственным судом дела в рамках производства по выдаче исполнительного листа вывод, изложенный в резолютивной части решения третейского суда, с материальной точки зрения не преобразуется в «государственно-властное веление». Именно поэтому решение третейского суда не приобретает свойств законной силы и после вынесения определения о выдаче исполнительного листа. Исполнимость является свойством определения о выдаче исполнительного листа, где закрепляется возможность принудительного исполнения.

3. Определение государственного суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда следует относить к числу актов, выносимых судом в рамках производства, связанного с исполнением судебных актов и актов иных юрисдикционных органов, ввиду единства правовой природы.

4. Система принципов исполнительного производства арбитражного решения должна соответствовать основной цели и задачам механизма третейской защиты. Ключевыми принципами исполнительного производства арбитражного решения являются следующие принципы: законности; неприкосновенности минимума имущества, необходимого для

существования должника-гражданина и членов его семьи; соотносимости объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения (соразмерности исполнительных действий).

5. Сочетание публичных и частных начал в механизме третейской защиты позволяет, учитывая законодательно заложенную обязанность добровольного исполнения, распространить институт окончательности арбитражного решения также и на принудительное исполнение.

6. Основной нормативной спецификой применения общих правил исполнения является немедленное исполнение арбитражных решений. В этой связи предлагается внесение изменений в действующее законодательство, а именно: изложение части 1 статьи 41 «Приведение в исполнение арбитражного решения» ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» в новой редакции и внесение дополнений в часть 2 статьи 427 «Определение суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда», часть 2 статьи 240 «Определение арбитражного суда по делу о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» АПК РФ указанием на немедленное исполнение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной диссертации последовательно обосновывается вывод о том, что механизм судебной защиты гражданских прав характеризуется целостностью конструкции. Деятельность уполномоченных субъектов в рамках его реализации имеет единую цель и осуществляется в пределах основных этапов правоприменительного процесса: рассмотрение и разрешение гражданского дела и исполнение решения суда.

При системном толковании статьи 46 Конституции РФ, закрепляющей гарантию судебной защиты прав и свобод каждого, а также статьи 11 ГК РФ, устанавливающей, что «защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд (далее – суд) в соответствии с их компетенцией», а также пониманием единства механизма защиты гражданских прав как процесса правоприменения, логичным является вывод о том, что цель правоприменительной деятельности третейского суда аналогична цели гражданского судопроизводства в части защиты нарушенных или оспариваемых прав (статья 2 ГПК РФ). В этой связи защита нарушенных или оспариваемых гражданских прав является как целью правоприменительной деятельности суда, так и целью третейского разбирательства.

Таким образом, рассмотрение реализации судебной защиты, осуществляемой третейским судом в контексте механизма защиты прав субъектов, делает ее целостной и завершенной. Альтернативная форма механизма судебной защиты гражданских прав состоит из двух этапов.

На первом этапе деятельность по рассмотрению и разрешению гражданского дела осуществляется в рамках арбитража (третейского разбирательства), второй этап – исполнение решения третейского суда. Термином «третейская защита» предлагается обозначать альтернативную

форму механизма судебной защиты гражданских прав, которая включает в себя арбитраж (третейское разбирательство) и исполнение решения третейского суда.

В порядке обобщения применительно к содержанию работы кратко обозначим цепочку: вынесение решения третейского суда – выдача исполнительного листа государственным судом – принудительное исполнение.

С позиции единства в реализации механизма защиты гражданских прав они рассмотрены как последовательные этапы, которые объединены целью защиты прав и законных интересов субъектов. При этом исполнение является необходимым завершающим этапом всего механизма.

С позиции органов, осуществляющих правоприменение на каждом из указанных этапов, выступает определяющим их функциональное назначение с точки зрения закона. При этом акцент в переходе от этапа вынесения решения на этап выдачи исполнительного листа тесно связан с характером свойств решения третейского суда и был обоснован ранее.

С позиции механизма судебной защиты гражданских прав следует подчеркнуть его единство. При этом принудительное исполнение решения третейского суда, включающего этап выдачи исполнительного листа, является «публичным» элементом механизма «третейской защиты».

На основе доктринальных выводов в контексте совершенствования действующего законодательства наиболее логичным видится внесение следующих изменений в ГПК РФ и АПК РФ:

1. Часть 3 статьи 426 ГПК РФ «Основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» изложить в следующей редакции:

«3. Суд может отказать в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в случаях, если сторона третейского разбирательства, против которой вынесено решение третейского суда, представит доказательства того, что:

1) одна из сторон третейского соглашения, на основании которого спор был разрешен третейским судом, не обладала полной дееспособностью;

2) третейское соглашение, на основании которого спор был разрешен третейским судом, недействительно по праву, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания – по праву Российской Федерации;

3) решение третейского суда вынесено по спору, не предусмотренному третейским соглашением либо не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения, однако если постановления по вопросам, охватываемым третейским соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, та часть решения третейского суда, в которой содержатся постановления по вопросам, охватываемым третейским соглашением, может быть признана и приведена в исполнение.».

2. Дополнить статью 426 ГПК РФ частью 4 следующего содержания:

«4. Суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в случаях, если сторона третейского разбирательства, против которой вынесено решение третейского суда, представит доказательства того, что:

1) сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или о третейском разбирательстве, в том числе о времени и месте заседания третейского суда, или по другим уважительным причинам не могла представить свои объяснения;

2) состав третейского суда или процедура арбитража не соответствовали федеральному закону.».

3. Части 4 и 5 статьи 426 ГПК РФ считать частями 5 и 6 соответственно.

Ввиду полной аналогии норм статьи 426 ГПК РФ и статьи 239 АПК РФ предложение следует распространить на оба процессуальных кодекса.

Также указывается на необходимость главы 47 «Производство по делам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» ГПК РФ и § 2 «Производство по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» главы 30 АПК РФ перенести в раздел VII «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений и постановлений иных органов» ГПК РФ и раздел VII «Производство по делам, связанным с исполнением судебных актов арбитражных судов» АПК РФ соответственно.

Решение третейского суда принудительно приводится в исполнение путем выдачи исполнительного листа в соответствии с ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и положениями процессуального законодательства Российской Федерации. Выводы, сделанные выше в рамках настоящего исследования, определяют, что принудительное исполнение арбитражного решения включает в себя два этапа: предварительный (выдача исполнительного листа по правилам ГПК РФ или АПК РФ) и основной (собственно исполнительное производство, осуществляемое по правилам ФЗ «Об исполнительном производстве в Российской Федерации»).

В этой связи наиболее корректным будет изложение части 1 статьи 41 «Приведение в исполнение арбитражного решения» ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» в следующей редакции:

«1. Арбитражное решение признается обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения. Арбитражное решение приводится в исполнение принудительно на основании исполнительного листа, выданного компетентным судом на основании заявления заинтересованной стороны в соответствии с настоящим Федеральным законом, положениями процессуального законодательства Российской Федерации и иными федеральными законами, регулирующими вопросы исполнительного производства.»

Также предлагается дополнить часть 2 статьи 427 «Определение суда о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» ГПК РФ подпунктом 6 следующего содержания: «б) указание на немедленное исполнение.». Дополнить часть 2 статьи 240 «Определение арбитражного суда по делу о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда» АПК РФ подпунктом 6 следующего содержания: «б) указание на немедленное исполнение.».

В связи с изложенным полагаем, что задачи, обозначенные во введении настоящей работы решены, что позволило достичь цель диссертационного исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты

1.1. Международные правовые акты

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк 1958 год) / Комиссия ООН по праву международной торговли. – Вена : ООН, 2016. – 28 с.

1.2. Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 4. – Ст. 445.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (редакция от 30.12.2021, с изменениями от 10.01.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (редакция от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (редакция от 25.02.2022, с изменениями и дополнениями, вступит в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 5. – Ст. 3301.

5. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (редакция от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2.

6. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (редакция от 30.12.2021, с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 01.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

7. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (редакция от 21.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.

8. О третейских судах в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (редакция от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3019.

9. О международном коммерческом арбитраже : Закон Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 (редакция от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть I). – Ст. 2.

II. Научная и специальная литература

2.1. Монографии

1. Авдюков М. Г. Судебное решение : монография / М. Г. Авдюков. – Москва : Госюриздат, 1959. – 192 с.

2. Алексеев С. С. Право в нашей жизни / С. С. Алексеев. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 168 с.

3. Ахматов А. В. Юридический процесс: проблемы теории и практики : монография / А. В. Ахматов ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва : Изд-во МГУ, 2008. – 195 с.

4. Бутнев В. В. Очерки по теории гражданского процесса : монография / В. В. Бутнев, Н. Н. Тарусина. – Москва : Проспект, 2015. – 240 с.

5. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук ; ответственный редактор А. А. Патюлин. – Москва : Наука, 1979. – 229 с.

6. Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография. – Москва : Проспект, 2010. – 262 с.
7. Гурвич М. А. Судебное решение: теоретические проблемы / М. А. Гурвич ; Всесоюзный юридический заочный институт. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 175 с.
8. Добровольский А. А. Основные проблемы исковой формы защиты права / А. А. Добровольский, С. А. Иванова ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва : Изд-во МГУ, 1979. – 159 с.
9. Завадская Л. Н. Реализация судебных решений : теоретические аспекты / Л. Н. Завадская ; ответственный редактор М. С. Шакарян. – Москва : Наука, 1982. – 141 с.
10. Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе / С. К. Загайнова. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 389 с.
11. Зайцев А. И. Законодательство об арбитраже (третейском разбирательстве) в странах СНГ / А. И. Зайцев. – Москва : Прометей, 2017. – 552 с.
12. Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 190 с.
13. Ильин И. А. Теория права и государства / И. А. Ильин ; под редакцией и с биографическим очерком В. А. Томсинова. – 2-е изд., доп. – Москва : Зерцало-М, 2014. – 550 с.
14. Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права: (очерки по истории) / А. Ф. Клейнман. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 119 с.
15. Краснокутский В. А. Очерки гражданского процессуального права: опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по

судоустройству и гражданскому судопроизводству / В. А. Краснокутский. – Кинешма : Изд. Ив.-Вознесенск. губсоюза, 1924. – 172 с.

16. Курбатов А. Я. Третейское (арбитражное) разбирательство в России: реалии и перспективы / А. Я. Курбатов. – Москва : Юстицинформ, 2014. – 111 с.

17. Курочкин С. А. Государственные суды в третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже / С. А. Курочкин. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – 277 с.

18. Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика / С. А. Курочкин. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 252 с.

19. Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / С. А. Курочкин. – Москва : Статут, 2017. – 286 с.

20. Малешин Д. Я. Гражданская процессуальная система России : монография / Д. Я. Малешин. – Москва : Статут, 2011. – 496 с.

21. Мельников А. А. Советский гражданский процессуальный закон: вопросы теории гражданского процессуального права / А. А. Мельников. – Москва : Наука, 1973. – 160 с.

22. Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) / Е. В. Михайлова. – Москва : Проспект, 2015. – 280 с.

23. Мурадян Э. М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов) / Э. М. Мурадян. – Москва : Проспект, 2003. – 128 с.

24. Мусин В. А. Избранное / В. А. Мусин. – Санкт-Петербург : Ред. журнала «Третейский суд» : Статут, 2014. – 458 с.

25. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : монография / Е. И. Носырева. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. – 224 с.

26. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США / Е. И. Носырева. – Москва : Издательский Дом «Городец», 2005. – 320 с.

27. Полумордвинов Д. И. Законная сила судебного решения / Д. И. Полумордвинов ; Акад. наук Грузинской ССР, Ин-т экономики и права. – Тбилиси : Изд-во Акад. наук Грузинской ССР, 1964. – 188 с.

28. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография / С. Ф. Афанасьев ; под редакцией М. А. Вилкут. – Москва: Юрлитинформ, 2009. – 296 с.

29. Правосудие в современном мире : монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.] ; под редакцией В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой ; Верховный Суд Российской Федерации, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Норма, 2019. – 783 с.

30. Проблемы применения и совершенствования гражданского процессуального кодекса РСФСР : сборник научных трудов / ответственный редактор Р. Е. Гукасян ; Калининский государственный университет. – Калинин : Изд-во Калининского гос. ун-та, 1984. – 152 с.

31. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников ; под редакцией В. М. Савицкого. – Москва : Наука, 1983. – 223 с.

32. Рабинович П. М. Упрочение законности – закономерность социализма: (вопросы теории и методологии исследования) / П. М. Рабинович. – Львов : Вища шк. : Изд-во при Львов. ун-те, 1975. – 260 с.

33. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы / С. Л. Дегтярев. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – 376 с.
34. Рожкова М. А. Мирная сделка: использование в коммерческом обороте / М. А. Рожкова. – Москва : Статут, 2005. – 570 с.
35. Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М. А. Рожкова. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 392 с.
36. Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР / Н. Г. Салищева ; Институт государства и права Академии наук СССР. – Москва : Юрид. лит., 1964. – 158 с.
37. Саттарова З. З. Полномочия суда в исполнительном производстве: функциональная характеристика : монография / З. З. Саттарова. – Оренбург : Университет, 2017. – 206 с.
38. Севастьянов Г. В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права) : монография / Г. В. Севастьянов. – Санкт-Петербург : Ред. журнала «Третейский суд» ; Москва : Статут, 2015. – 450 с.
39. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В. М. Жуйков. – Москва: Городец, 1997. – 320 с.
40. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции / Г. А. Жилин. – Москва : Городец, 2000. – 316 с.
41. Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права / Н. А. Чечина ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. – 103 с.
42. Чечот Д. М. Административная юстиция: (теоретические проблемы) / Д. М. Чечот ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 132 с.

43. Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д. М. Чечот. – Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – 614 с.

44. Шерстюк В. М. Система советского гражданского процессуального права: (вопросы теории) / В. М. Шерстюк. – Москва : Изд-во МГУ, 1989. – 131 с.

45. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общей редакцией П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 280 с.

46. Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления / В. А. Юсупов. – Москва : Юрид. лит., 1979. – 136 с.

2.2. Учебная литература

1. Абрамов С. Н. Советский гражданский процесс : учебник для юридических школ / С. Н. Абрамов ; Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – Москва : Госюриздат, 1952. – 420 с.

2. Авдюков М. Г. Судебное решение / М. Г. Авдюков. – Москва : Госюриздат, 1959. – 192 с.

3. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С. С. Алексеев ; Свердловский юридический институт. – Свердловск, 1972–1973. – Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). – 1973. – 401 с.

4. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. / С. С. Алексеев. Т. 3 : Проблемы теории и права : курс лекций. – Москва : Статут, 2010. – 779 с.

5. Ануфриева Л. П. Международное частное право : в 3 т. / Л. П. Ануфриева. – Т. 3: Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. – Москва : БЕК, 2001. – 758 с.

6. Архипкин И. В. Правоприменение и толкование права : учебное пособие : в 2 ч. / И. В. Архипкин, Д. С. Кузнецов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – Ч. 1 : учебное пособие. – 115 с.
7. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. – 2-е изд., перераб. – Москва : Бр. Башмаковы, 1917. – 429 с.
8. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса : учебник / Е. В. Васьковский ; под реакцией и с предисловием В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало, 2014. – 462 с.
9. Вицын А. И. Третейский суд по русскому праву, историко-догматическое рассуждение А. Вицына. – Москва : Тип. В. Готье, 1856. – 96 с.
10. Власов А. А. Гражданский процесс : учебник и практикум для академического бакалавриата / А. А. Власов. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2019. – 470 с.
11. Волков А. Ф. Торговые третейские суды: [историко-догматические исследования] / А. Ф. Волков. – Санкт-Петербург : Тип. Ред. период. изд. М-ва фин., 1913. – 292 с.
12. Гавриленко В. А. Третейское разбирательство споров : учебное пособие / В. А. Гавриленко ; ответственный редактор В. Ф. Прокофьев. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2007. – 166 с.
13. Гражданский процесс : учебник / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова [и др.] ; под редакцией М. К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2014. – 960 с.
14. Гражданский процесс : учебник / Е. А. Борисова, С. А. Иванова, Е. В. Кудрявцева [и др.] ; под редакцией М. К. Треушникова. – Москва : Городец-издат, 2003. – 720 с.

15. Гражданский процесс : учебник / Н. П. Антипов [и др.] ; под редакцией А. Г. Коваленко, А. А. Мохова, П. М. Филиппова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : ИНФРА-М : Контракт, 2008. – 448 с.
16. Гражданский процесс : учебник / под редакцией М. К. Треушниковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательский Дом «Городец», 2007. – 784 с.
17. Гражданский процесс : учебник для бакалавров, для студентов высших учебных заведений / С. А. Алехина [и др.] ; ответственные редакторы В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. – Москва : Проспект, 2015. – 735 с.
18. Гражданский процесс : учебник для студентов вузов / Д. Б. Абушенко [и др.] ; ответственный редактор В. В. Ярков. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 784 с.
19. Гражданский процесс : учебник для студентов вузов / Л. В. Туманова, Н. Д. Эриашвили, А. Н. Кузбагарова [и др.] ; под редакцией Л. В. Тумановой, Н. Д. Амаглобели. – 8-е изд. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 599 с.
20. Гражданский процесс : учебное пособие / И. В. Воронцова, А. Б. Смушкин, Т. В. Соловьева [и др.] ; под редакцией И. В. Воронцовой. – Саратов : Корпорация «Диполь» : Ай Пи Эр Медиа, 2013. – 237 с.
21. Гражданский процесс : хрестоматия : учебное пособие / под редакцией М. К. Треушниковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательский Дом «Городец», 2005. – 896 с.
22. Гражданское право : учебник в 4-х томах / под редакцией Е. А. Суханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2008. Том 1. – 720 с., Том 2. – 496 с., Том 3. – 766 с., Том 4. – 720 с.
23. Гражданское право и гражданский процесс в современной России / И. В. Решетникова, В. В. Ярков ; ред. кол.: Алексеев С. С., Белых В. С., Казаков А. В., Пиликин Г. Г., Плетнев В. А., Стоякин Г. Я., Якушев В. С., Ярков В. В. – Москва, Екатеринбург: Норма, 1999. – 312 с.

24. Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажев, А. Т. Боннер [и др.] ; под редакцией М. С. Шакарян. – Москва : Велби : Проспект, 2004. – 584 с.

25. Гражданское процессуальное право : учебник по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (уровень бакалавриата) : в 2 т. / Т. К. Андреева, С. Ф. Афанасьев, В. В. Блажеев [и др.] ; под редакцией П. В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2020. – Т. 1: Общая часть. – 489 с. – Т. 2: Особенная часть. Производство по отдельным категориям дел. – 315 с.

26. Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под редакцией С. Ф. Афанасьева. – Москва : Юрайт, 2013. – 879 с.

27. Зайцев А. И. Законодательство об арбитраже (третейском разбирательстве) в странах СНГ : учебное пособие / А. И. Зайцев. – Москва : Прометей, 2017. – 552 с.

28. Исаенкова О. В. Исполнительное производство в Российской Федерации : курс лекций : учебное пособие для вузов / О. В. Исаенкова, А. Н. Балашов, И. Н. Балашова. – Москва : ГроссМедиа : Российский бухгалтер, 2008. – 190 с.

29. Исаенкова О. В. Гражданский процесс : курс лекций / О. В. Исаенкова, А. А. Демичев ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2009. – 398 с.

30. Коршунов Н. М. Гражданский процесс : учебник для студентов высших учебных заведений / Н. М. Коршунов, Ю. Л. Мареев. – 3-е изд., пересмотр. – Москва : Норма, 2009. – 911 с.

31. Кузнецов А. Н. Основы гражданского права : курс лекций / А. Н. Кузнецов. – Саратов : Вузовское образование, 2013. – 179 с.

32. Лебедев М. Ю. Гражданский процесс : учебник для бакалавров / М. Ю. Лебедев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 447 с.

33. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права / Е. Г. Лукьянова. – Москва : Норма, 2003. – 240 с.
34. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства / сочинение Кронида Малышева, доцента Санкт-Петербургского университета. – 2-е испр. и доп. изд. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1874–1879. – Т. 1. – 1876. – 444 с.
35. Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник для вузов / Н. И. Матузов, А. В. Малько ; Институт государства и права РАН. – Москва : Юристъ, 2004. – 511 с.
36. Надежин Н. Н. Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства в России : учебник / Н. Н. Надежин. – Москва : Статут, 2019. – 144 с.
37. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / А. С. Антонов, М. Н. Акуев, М. А. Акчурина [и др.] ; ответственный редактор А. В. Грищенко. – Москва : РАА, 2017. – 935 с.
38. Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е. А. Нефедьев. – Москва : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. – 403 с.
39. Осокина Г. Л. Гражданский процесс : особенная часть / Г. Л. Осокина. – Москва : Норма, 2007. – 958 с.
40. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» // Третейский суд. – 2003. – № 2 (26).
41. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Мельников ; под редакцией В. М. Савицкого. – Москва : Наука, 1983. – 223 с.
42. Проблемы теории права: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). Курс лекций в 2-х

томах. Т. 2 / С. С. Алексеев ; Науч. ред.: Русинов Р. К.; Отв. за вып.: Семенов В. М. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. – 401 с.

43. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории / В. Н. Протасов. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 143 с.

44. Рузакова О. А. Гражданское право : учебное пособие / О. А. Рузакова. – Москва : Евразийский открытый ин-т, 2011. – 565 с.

45. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2014. – 782 с.

46. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты / Т. В. Сахнова. – Москва : Волтерс Клувер, 2008. – 676 с.

47. Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации : учебник для бакалавриата и магистратуры / О. Ю. Скворцов. – Москва : Юрайт, 2017. – 239 с.

48. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право / В. Д. Сорокин. – Москва : Юрид. лит., 1972. – 239 с.

49. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право : учебно-методическое пособие / В. Д. Сорокин. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. – 56 с.

50. Сырых В. М. Теория государства и права : учебник / В. М. Сырых. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2012. – 704 с.

51. Теория государства и права. Ч 2: Теория права : учебник / Е. А. Воротилин, О. Э. Лейст, М. Н. Марченко [и др.]. – Москва : Зерцало-М, 2011. – 336 с.

52. Толковый словарь гражданского процесса / автор-составитель К. А. Лебедь. – Москва : Издательский Дом «Городец», 2007. – 208 с.

53. Третейское разбирательство в Российской Федерации : учебное пособие / С. А. Курочкин [и др.] ; под редакцией О. Ю. Скворцова. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 389 с.

54. Трещева Е. А. Процессуальные формы защиты субъективных публичных прав в Российской Федерации : учебное пособие / Е. А. Трещева, Е. С. Михайлова. – Москва : Юстиция, 2018. – 152 с.

55. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства / И. Е. Энгельман. – 3-е изд. испр. и доп. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. – 632 с.

56. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства / Т. М. Яблочков. – Ярославль : Типо-лит. торг. д. А. Г. Фальк и К°, 1910. – 260 с.

2.3. Справочная литература

1. Отчет о деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства с 01 марта по 26 декабря 2017 года. – Текст : электронный. – URL : http://arbitrationsweden.com/upload/medialibrary/92b/proekt_otcheta_soveta_po_overshenstvovaniyu_treteyskogo_razbiratelstva_za_2017_god-.pdf.

2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 6 месяцев 2021 года. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>.

3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 2020 год. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>.

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 года. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном

суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 года. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>.

6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2017 года. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476>.

7. Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 1 полугодие 2021 год. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5897>.

8. Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2020 год. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670>.

9. Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2019 год. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257>.

10. Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2018 год. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4757>.

11. Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2017 год. – Текст : электронный // Судебный

Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4430>.

12. Сводный отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2016 год. – Текст : электронный // Судебный Департамент при Верховном суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3833>.

2.4. Статьи в научных журналах и иных изданиях

1. Алексеев А. В. Развитие понятия «гражданская процессуальная форма» в России во второй половине XX века / А. В. Алексеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия. Право. – Челябинск, 2015. – Т. 15, № 1. – С. 41–46.

2. Арапов Н. Т. О соотношении понятий «правосудие» и «защита» гражданских прав / Н. Т. Арапов // Проблемы применения и совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР : сборник научных трудов / ответственный редактор Р. Е. Гукасян ; Калининский государственный университет. – Калинин, 1984. – С. 31–34.

3. Артебякина Н. А. Нарушение прав взыскателя и должника при взыскании задолженности в рамках исполнительного производства / Н. А. Артебякина // Юрист. – 2019. – № 10. – С. 9–13.

4. Артебякина Н. А. О необходимости унификации норм института лиц, участвующих в деле, в процессуальных отраслях российского права / Н. А. Артебякина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 1. – С. 11–13.

5. Булыгин М. М. К вопросу о принудительном исполнении решений третейских судов / М. М. Булыгин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 7. – С. 59–62.

6. Валеев Д. Х. Виды гражданских судопроизводств и исполнительное производство / Д. Х. Валеев // Новеллы гражданского

процессуального права : материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М. С. Шакарян. – Москва, 2004. – С. 136–137.

7. Ванеев А. С. Действительность арбитражной оговорки в российской и зарубежной практике / А. С. Ванеев, Д. Б. Дякин // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2010. – № 1 (1). – С. 28–45.

8. Вареник Ю. В. Арбитраж (третейское разбирательство) и пределы вмешательства суда / Ю. В. Вареник // Российский судья. – 2019. – № 11. – С. 53–57.

9. Волчихина Л. А. Роль и значение процессуальной формы в современном гражданском судопроизводстве / Л. А. Волчихина // Вестник Тамбовского университета. Серия. Гуманитарные науки. Право. – 2013. – Выпуск 5 (121). – С. 280–285.

10. Гибадуллин И. И. О принципе диспозитивности в третейском разбирательстве / И. И. Гибадуллин // Аллея науки. – 2019. – Т. 2, № 1 (28). – С. 778–780.

11. Громошина Н. А. О процессуальной форме и принципах упрощения гражданского судопроизводства / Н. А. Громошина // Lex Russica (Русский закон). – 2010. – Т. 69, № 4. – С. 767–780.

12. Елисеев А. П. Некоторые аспекты правоприменительной деятельности как особой формы реализации права / А. П. Елисеев, А. А. Мухортов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 6. – С. 225–229.

13. Ерофеева Н. М. Система принципов арбитража (третейского разбирательства) / Н. М. Ерофеева // Экономика, социология и право. – 2016. – № 2. – С. 115–118.

14. Жеребцов А. Н. Публично-правовая обязанность: проблемы теории и практики осуществления / А. Н. Жеребцов // Философия социальных коммуникаций. – 2013. – № 4 (25). – С. 26–37.

15. Забегайло С. Г. Взаимодействие третейских судов и судов общей юрисдикции / С. Г. Забегайло // Вестник Омского университета. Серия. Право. – 2010. – № 2 (23). – С. 122–123.
16. Забоев К. И. Рассмотрение дел по заявлениям об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение таких решений / К. И. Забоев // Закон. – 2008. – № 1. – С. 81–90.
17. Зейдер Н. Б. Судебное решение и спорное право / Н. Б. Зейдер // Правоведение. – 1958. – № 2. – С. 79–90.
18. Исаенкова О. В. Виды гражданского судопроизводства в новом процессуальном законодательстве / О. В. Исаенкова // Новеллы гражданского процессуального права : материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М. С. Шакарян. – Москва, 2004. – С. 130–134.
19. Исаенкова О. В. Эффективность нормотворчества в гражданском судопроизводстве / О. В. Исаенкова // Актуальные проблемы нормотворчества : (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Института законотворчества ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», Саратов, 6 октября 2009 г.) : сборник статей / ред. коллегия : А. С. Ландо (ответственный редактор) [и др.] ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2010. – С. 57–60.
20. Кажлаев С. А. Достижение баланса частного и публичного интереса в третейских спорах / С. А. Кажлаев // Журнал российского права. – 2016. – № 4 (232). – С. 119–124.
21. Ключева Е. К. Осуществление государственными судами функций содействия в отношении третейских судов: значение и проблемы применения // Отечественная юриспруденция. – 2019. – № 3 (35). – С. 68–71.
22. Кожокару В. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве / В. Кожокару // Внешнеторговое право. – 2007. – № 1. – С. 30–34.

23. Колесникова Е. А. Институт содействия третейским судам: новая проблема или решение // Отечественная юриспруденция. – 2017. – Т. 2, № 5 (19). – С. 75–78.
24. Комелькова Ю. В. Отличие судебных определений от судебных решений / Ю. В. Комелькова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия. Право. – 2009. – № 19 (152). – С. 72–75.
25. Крылатова Н. С. Исполнение решений третейских судов в современных условиях / Н. С. Крылатова, Л. Е. Стрилец, О. Ю. Хахамова // Universum: экономика и юриспруденция : электронный научный журнал. – 2014. – № 6 (7). – С. 5–10.
26. Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных решений и право на судебную защиту: вопросы соотношения / Е. Н. Кузнецов // Юридические исследования. – 2018. – № 10. – С. 10–20.
27. Кулапов В. Л. Соотношение целей, задач и функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 2 (97). – С. 30–35.
28. Курочкин С. А. Нарушение публичного порядка Российской Федерации как основание для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений / С. А. Курочкин // Закон : журнал. – 2013. – № 2. – С. 39–45.
29. Курочкин С. А. О некоторых вопросах осуществления арбитражными судами контроля за решениями третейских судов и международных коммерческих арбитражей / С. А. Курочкин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 9 (190). – С. 6–17.
30. Курочкин С. А. Понятие и система принципов третейского разбирательства / С. А. Курочкин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 11. – С. 7–12.

31. Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж как формы частного правоприменения / С. А. Курочкин // Правоприменение. – Омск, 2017. – Т. 1, № 2. – С. 219–226.
32. Летута Т. В. Правовая природа решения третейского суда / Т. В. Летута // Современное право. – 2013. – № 5. – С. 72–75.
33. Лобода А. И. Толкование арбитражного соглашения в праве России / А. И. Лобода // Третейский суд. – 2019. – № 1/2 (117/118). – С. 179–201.
34. Манташьян А. О. Исполнимость судебного решения / А. О. Манташьян // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 9 (13). – С. 133–139.
35. Муранов А. И. В поддержку третейских проектов Минюста России / А. И. Муранов // Третейский суд. – 2014. – № 2/3 (92/93). – С. 274–318.
36. Мусин В. А. Избранное / В. А. Мусин. – Санкт-Петербург : Ред. журнала «Третейский суд» ; Статут, 2014. – 458 с.
37. Нешатаева Т. Н. Третейские и государственные суды / Т. Н. Нешатаева // Вестник Пермского университета. Серия. Юридические науки. – 2001. – № 2. – С. 69–79.
38. Николюкин С. В. К вопросу об отказе в выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов по экономическим спорам: вопросы теории и практики / С. В. Николюкин // Образование и право. – 2012. – № 8 (36). – С. 126–127.
39. Орзих М. Ф. Формы реализации норм социалистического права / М. Ф. Орзих // Советское государство и право. – 1968. – № 2. – С. 100–103.
40. Очередько О. В. Проблемы признания федеральными судами решений третейских судов в Российской Федерации / О. Очередько // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2016. – № 2 (31). – С. 29–36.

41. Пирогова Е. С. Формирование понятия «публичный порядок» в практике российских судов / Е. С. Пирогова, Ю. Д. Жукова // Правовые исследования : новые подходы : сборник статей факультета права НИУ ВШЭ : к 20-летию Высшей школы экономики и 15-летию факультета права. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. – С. 246–266.

42. Попова Ю. А. Теоретические проблемы гражданской процессуальной (судопроизводственной) формы: современный аспект / Ю. А. Попова // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сборник научных статей : по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора, доктора юридических наук, Заслуженного работника Высшей школы РФ Н. А. Чечиной / Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 75–84.

43. Попова Ю. А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) / Ю. А. Попова // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 2. – С. 10–40.

44. Романова Ю. А. Место производства по делам об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов / Ю. А. Романов // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 308. – С. 127–130.

45. Сардаева О. Г. К вопросу о стадиях применения права / О. Г. Сардаева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 2 (91). – С. 52–57.

46. Сахнова Т. В. Иностранная государственная и негосударственная юрисдикция: проблема признания / Т. В. Сахнова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – Санкт-Петербург, 2007. – № 6. – С. 241–247.

47. Семенов И. Г. Работа государственных органов по разрешению предложений, заявлений и жалоб граждан / И. Г. Семенов, В. И. Смолярчук // Советское государство и право. – 1968. – № 10. – С. 64–73.
48. Скворцов О. Ю. Дискуссии о правовой природе арбитража / О. Ю. Скворцов // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2017. – № 2 (15). – С. 55–66.
49. Скворцов О. Ю. Институт третейского разбирательства в системе российского права / О. Ю. Скворцов // Известия высших учебных заведений. Серия. Правоведение. – 2004. – № 1 (252). – С. 149–163.
50. Скворцов О. Ю. Принцип конфиденциальности третейского разбирательства и его соотношение со смежными институтами публичного права / О. Ю. Скворцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия. Право. – 2014. – № 4. – С. 181–184.
51. Скобелев В. П. Сущность и законная сила определений суда первой инстанции / В. П. Скобелев // Право и демократия : сборник научных трудов / ответственный редактор В. Н. Бибило ; Белорусский государственный университет. – Минск, 2002. – Вып. 14. – С. 189–200.
52. Соловьева Т. В. Классификация судебных актов по критерию исполнимости / Т. В. Соловьева // Казанская наука. – 2009. – № 1. – С. 330–334.
53. Стремоухов А. В. Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. Серия. Право. – 2017. – № 1 (47). – С. 9–19.
54. Талыкин Е. А. Признаки цивилистической процессуальной формы / Е. А. Талыкин // Известия Тульского государственного университета. Серия. Экономические и юридические науки. – 2016. – Вып. 1, ч. 2. – С. 266–273.
55. Тихомиров Ю. А. Векторы управления в фокусе права / Ю. А. Тихомиров // Правовые аспекты государственного и муниципального управления. – 2019. – № 1. – С. 136–159.

56. Трофимова М. С. История развития апелляции в гражданском процессе России: прошлое, настоящее, будущее / М. С. Трофимова // История государства и права. – 2010. – № 5. – С. 2–6.

57. Уксузова Е. Е. Гражданское судопроизводство как процессуальная форма и потенциал возможностей с позиции специализации на современном этапе / Е. Е. Уксузова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 9 (13). – С. 20–51.

58. Чечина Н. А. Норма права и судебное решение / Н. А. Чечина // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2003. – № 2. – С. 656–721.

59. Чечина Н. А. Судебное решение как акт государственной власти / Н. А. Чечина // Вопросы советского государства и права. – Л., 1954. – С. 135–153. – (Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова / Юридический факультет. Серия юридических наук; № 182, Выпуск 5).

60. Чечот Д. М. Некоторые вопросы вступления судебных решений в законную силу / Д. М. Чечот // Вопросы государства и права : сборник статей / ответственный редактор Г. И. Петров. – Ленинград, 1958. – С. 140–157.

61. Шварц М. З. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «О третейских судах в Российской Федерации» / М. З. Шварц // Третейский суд. – 2003. – № 2 (26). – С. 29–41.

62. Шер М. Принудительное исполнение решений третейских судов в России – случился опасный судебный прецедент / М. Шер, Н. И. Шер Гайдаенко, О. В. Зайцев // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10, № 5. – С. 101–117.

63. Ярков В. В. Влияние реформы частного права на развитие системы и форм гражданской юрисдикции / В. В. Ярков // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции : межвузовский сборник научных трудов. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, Уральская государственная юридическая академия, 1998. – С. 45–72.

64. Ярков В. В. Исполнительное производство: современное состояние / В. В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2002. – № 12. – С. 22–34.

65. Ясус М. В. Вопросы экономической эффективности нового законодательства об арбитраже в России / М. В. Ясус // Вестник арбитражной практики. – 2017. – № 1 (68). – С. 5–14.

2.5. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Абдуллина З. К. Определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / З. К. Абдуллина ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. – Москва, 1964. – 18 с.

2. Агеев А. Х. Частноправовые и публично-правовые начала в исполнительном производстве : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / А. Х. Агеев ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 178 с.

3. Базилевич А. И. Формы защиты субъективных гражданских прав : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. И. Базилевич ; Институт права и государственной службы Ульяновского государственного университета. – Ульяновск, 2001. – 205 с.

4. Беркутова О. С. Административно-процедурные производства в сфере исполнительной власти : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.14 / О. С. Беркутова ; Московская государственная юридическая академия. – Москва, 2005. – 24 с.

5. Болгова В. М. Формы защиты субъективного права: теоретические проблемы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / В. М. Болгова ; Самарская государственная экономическая академия. – Самара, 2010. – 240 с.

6. Бондаренко В. Е. Место арбитража и медиации в системе разрешения гражданско-правовых споров : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / В. Е. Бондаренко ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2020. – 189 с.
7. Боннер А. Т. Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. Т. Боннер ; Всесоюзный юридический заочный институт. – Москва, 1966. – 16 с.
8. Борисов М. С. Теоретические и практические проблемы законной силы судебного решения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / М. С. Борисов ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2010. – 22 с.
9. Валеев Д. Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.15 ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2009. – 474 с.
10. Виноградова Е. А. Правовые основы организации и деятельности третейского суда : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.04 / Е. А. Виноградова ; Институт государства и права РАН. – Москва, 1994. – 37 с.
11. Владимирова С. А. Правовая природа и значение третейского соглашения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / С. А. Владимирова ; Московский университет МВД РФ. – Москва, 2007. – 27 с.
12. Гавриленко В. А. Третейское разбирательство споров как гарантия защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / В. А. Гавриленко ; Тверской государственный университет. – Санкт-Петербург, 2006. – 26 с.

13. Гальперин М. Л. Ответственность в исполнительном производстве : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.15 / М. Л. Гальперин ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва, 2019. – 464 с.

14. Гимазов Р. Н. Процессуальные аспекты взаимодействия арбитражных и третейских судов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / Р. Н. Гимазов ; Саратовская государственная академии права. – Саратов, 2006. – 33 с.

15. Гимазова Э. Н. Гражданско-правовые средства обеспечения третейской защиты субъективных гражданских прав : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Э. Н. Гимазова ; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007. – 24 с.

16. Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.15 / Н. А. Громошина ; Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина. – Москва, 2010. – 51 с.

17. Гуреев В. А. Административная деятельность Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.14 / В. А. Гуреев ; Российская правовая академия Министерства юстиции РФ. – Москва, 2013. – 38 с.

18. Джудитта К. М. Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / К. М. Джудитта ; Институт государства и права Российской Академии наук. – Москва, 1996. – 26 с.

19. Дубровина М. А. Международный коммерческий арбитраж в Швейцарии : диссертация на соискание ученой степени кандидата

юридических наук : 12.00.15 / М. А. Дубровина ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. – Москва, 2001. – 210 с.

20. Егорова О. В. Сущность гражданской процессуальной формы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / О. В. Егорова ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2001. – 187 с.

21. Ерошкин Н. В. Система актов органов судебной власти в Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.11 / Н. В. Ерошкин ; Российская академия адвокатуры и нотариата. – Москва, 2011. – 23 с.

22. Завражнов Е. В. Судебная власть в Российской Федерации: общетеоретические вопросы и проблемы реализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / Е. В. Завражнов ; Омский государственный университет. – Омск, 2006. – 30 с.

23. Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридически наук. – 12.00.15 / С. К. Загайнова ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2008. – 50 с.

24. Зайцев А. И. Третейское судопроизводство в России (проблемные аспекты) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / А. И. Зайцев ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2004. – 26 с.

25. Зверева Н. С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / Н. С. Зверева ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2016. – 28 с.

26. Ильченко А. Г. Взаимодействие суда и органов принудительного исполнения в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / А. Г. Ильченко ; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2007. – 151 с.

27. Исаенкова О. В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.15 / О. В. Исаенкова ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2003. – 380 с.

28. Каламова Ю. Б. Исполнение третейского решения как альтернативная гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов (на правах рукописи) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / Ю. Б. Каламова ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2020. – 186 с.

29. Канюкаева А. Р. Система процессуальных форм защиты в российском праве : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / А. Р. Канюкаева ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2010. – 250 с.

30. Каримова Р. Р. Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / Р. Р. Каримова ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.

31. Клинова Е. В. Проявление законной силы судебного решения : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Е. В. Клинова ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2004. – 28 с.

32. Котельников А. Г. Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения : диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук : 12.00.15 / А. Г. Котельников ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2008. – 288 с.

33. Кузнецов В. Ф. Система исполнительного производства: вопросы теории и практики : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.15 / В. Ф. Кузнецов ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 333 с.

34. Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 5.1.3 / Е. Н. Кузнецов ; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева. – Екатеринбург, 2022. – 440 с.

35. Кузнецов М. Ю. Реализация контрольной функции судебной власти в Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.11 / М. Ю. Кузнецов ; Российская академия адвокатуры. – Москва, 2007. – 27 с.

36. Курочкин С. А. Теоретико-правовые основы третейского разбирательства в Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / С. А. Курочкин ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2004. – 28 с.

37. Лебедев М. Ю. Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / М. Ю. Лебедев ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2005. – 30 с.

38. Лейст О. Э. Теоретические проблемы санкций и ответственности по Советскому праву : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.01 / О. Э. Лейст ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1978. – 27 с.

39. Лучин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве : автореферат диссертации на соискание ученой

степени кандидата юридических наук / В. О. Лучин ; Воронежский государственный университет им. Ленинского комсомола. – Воронеж, 1971. – 21 с.

40. Масленникова Н. И. Законная сила судебного решения в советском гражданском процессуальном праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат юридических наук : 12.00.03 / Н. И. Масленникова ; Свердловский юридический институт. – Свердловск, 1975. – 17 с.

41. Миносян Г. М. Решения и определения судов первой инстанции общей юрисдикции : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат юридических наук : 12.00.15 / Г. М. Миносян ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 30 с.

42. Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / Е. В. Михайлова ; Институт государства и права РАН. – Москва, 2013. – 46 с.

43. Морковская К. С. Гражданские процессуальные средства повышения эффективности исполнительного производства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат юридических наук : 12.00.15 / К. С. Морковская ; Саратовская государственная юридическая академия. – Саратов, 2017. – 24 с.

44. Невский И. А. Исполнимость постановлений судов общей юрисдикции и арбитражных судов в контексте задач гражданского судопроизводства : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / И. А. Невский ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2005. – 26 с.

45. Носков И. Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики : автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидат юридических наук : 12.00.11 / И. Ю. Носков ; Российский государственный университет правосудия. – Москва, 2016. – 24 с.

46. Осипова М. С. Обжалование постановлений мирового судьи в апелляционном порядке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / М. С. Осипова. – Санкт-Петербург, 2006. – 22 с.

47. Павин Д. В. Правовая природа исполнительных документов: теоретико-прикладные проблемы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / Д. В. Павин ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2015. – 30 с.

48. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.01 / А. А. Павлушина ; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2005. – 58 с.

49. Пахомова Л. А. Требования, предъявляемые к форме и содержанию постановлений суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / Л. А. Пахомова ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2010. – 22 с.

50. Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правовой деятельности в СССР : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / А. С. Пиголкин ; Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – Москва, 1972. – 41 с.

51. Попов М. А. Теоретические и практические проблемы российской модели регулирования деятельности третейских судов : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / М. А. Попов ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2002. – 23 с.

52. Пронина М. П. Презумпции в современном российском праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / М. П. Пронина ; Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2010. – 29 с.

53. Пушкар Е. Г. Право на обращение в суд за судебной защитой : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.03 / Е. Г. Пушкар ; Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1984. – 38 с.

54. Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Н. А. Рассахатская ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 1995. – 19 с.

55. Рулев А. И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека: проблемы теории и практики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидат юридических наук : 12.00.01 / А. И. Рулев ; Саратовский юридический институт МВД России. – Саратов, 2009. – 26 с.

56. Свириин Ю. А. Исполнительное право в системе российского права : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.01 / Ю. А. Свириин ; Российская академии адвокатуры и нотариата. – Москва, 2012. – 375 с.

57. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Е. В. Слепченко ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2012. – 29 с.

58. Соловых С. Ж. Процессуальные гарантии субъективных прав сторон третейского разбирательства при разрешении экономических споров : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / С. В. Соловых ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2005. – 26 с.

59. Уваров П. В. Исполнительное производство как разновидность юридического процесса : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / П. В. Уваров ; Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2009. – 23 с.

60. Филимонова М. В. Процессуальные аспекты взаимодействия судебного пристава-исполнителя и суда в исполнительном производстве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / М. В. Филимонова ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2006. – 22 с.

61. Цыганова Е. М. Проблемы правового регулирования организации и деятельности коммерческих третейских судов в Российской Федерации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Е. М. Цыганова : Омский университет. – Омск, 1996. – 18 с.

62. Червякова С. Л. Определения суда первой инстанции по гражданским делам : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / С. Л. Червякова ; Свердловский юридический институт им. Р. А. Руденко. – Свердловск, 1981.– 21 с.

63. Чечина Н. А. Нормы гражданского процессуального права и их применение : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.00 / Н. А. Чечина ; Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1965. – 31 с.

64. Чупахин И. М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / И. М. Чупахин ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2012. – 29 с.

65. Шумилов Ю. И. Исполнительное производство в период становления правового государства в России: понятие, содержание, динамика развития : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

юридических наук : 12.00.02 / Ю. И. Шумилов ; Московский гуманитарный университет. – Москва, 2007. – 24 с.

66. Яловая Е. С. Исполнительные правоотношения в сфере арбитражной юрисдикции: генезис и пути совершенствования : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.15 / Е. С. Яловая ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2006. – 242 с.

67. Ярошенко Л. В. Судебный контроль за исполнительным производством в гражданском процессе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.11, 12.00.15 / Л. В. Ярошенко ; Российский государственный университет правосудия. – Москва, 2016. – 35 с.

III. Материалы правоприменительной практики

1. Обзор практики рассмотрения Арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений № 156 : утв. Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 26.02.2013. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL : <http://www.consultant.ru/edu/student/study/links/>.

2. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2018. – Текст : электронный. – URL : <http://www.supcourt.ru/documents/all/27518/>.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.12.2017. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286833/.

4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 19.08.2008 № 91-Г08-6. – Текст : электронный. – URL : <https://base.garant.ru/1791489/>.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2014 № 1563-О «По жалобе гражданина Зимина Бориса Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 30 и частью 2 статьи 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве». – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=403385#BXinU4TIKiw46cB31>.

6. Определение о назначении экспертизы и приостановлении рассмотрения заявления об изменении способа исполнения от 11.12.2018 по делу № А28-12658/2017. – Текст : электронный. – URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ab6dfd4f-a621-4890-a0e2-0973bb19d5e9/d106d760-9e32-4e21-b8e2-f7b02a6b700a/A28-12658-017_20181211_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

7. Определение о принятии обеспечительных мер от 19.12.2018 по делу № А28-12658/2017. – Текст : электронный. – URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ab6dfd4f-a621-4890-a0e2-0973bb19d5e9/5004aca1-7115-420f-afa1-5c20142ac9c9/A28-12658-2017_20181219_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

8. Определение об утверждении мирового соглашения и прекращении исполнительного производства от 22.02.2018 по делу № А28-12988/2017. – Текст : электронный. – URL : <https://ras.arbitr.ru/>.

9. Определение от 07.05.2015 по делу № 2-2/143/2015. – Текст : электронный. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/au0SDHrYwpoV/>.

10. Определение от 19.06.2009 № ВАС-1570/09 «О передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». – Текст : электронный // Судебная система Российской Федерации : электронная

библиотека : официальный сайт. – URL :
http://sudbiblioteka.ru/as/text3/vasud_big_61684.htm.

11. Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 «Дело «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2) (жалоба № 33509/04). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL :
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=97098#8U9oU4TSG1A9PCLr2>.

12. Постановление Кировского областного суда № 44Г-14/2019 4Г-646/2019 от 17.07.2019 по делу № 13-230/2019. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : официальный сайт. – URL :
<https://sudact.ru/regular/doc/eW3PZvfKgMLn/>.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.03.2016 № 7-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 21, части 2 статьи 22 и части 4 статьи 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с жалобой гражданина М. Л. Ростовцева». – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195170/.

14. Постановление от 05.02.2018 по делу № А33-10231/2016. – Текст : электронный. – URL : https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fc3ac111-797e-4230-a47a-40cbb87211d/38e38291-c49c-41fc-a2b3-ba97941f1552/A33-10231-2016_20171003_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/.

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». – Текст :

электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL :
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_340189/.

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL :
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/.

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении». – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL :
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45640/.

19. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 03.04.2003 по делу № КГ-А40/1672. – Текст : электронный // Решения и постановления судов : официальный сайт. – URL :
<https://resheniya-sudov.ru/2004/131809/>.

20. Решение третейского суда: порядок принятия и исполнения. – Текст : электронный // Третейский суд для разрешения экономических споров при Калининградской торгово-промышленной палате : официальный сайт. – URL : <http://www.kcci-adr.ru/the-decision-of-the-court-of-arbitration-procedure-for-the-adoption-and-execution-of/>.

IV. Иностраные источники

1. David R. Arbitration in International Trade / by René David. – Antwerp ; Boston : Kluwer Law and Taxation Publications, [1985]. – 482 p.

2. Kurochkin S. Internal and international commercial arbitration as a private form of law enforcement // Law Enforcement Review. – 2017. – N 1 (2). – P. 219-226.